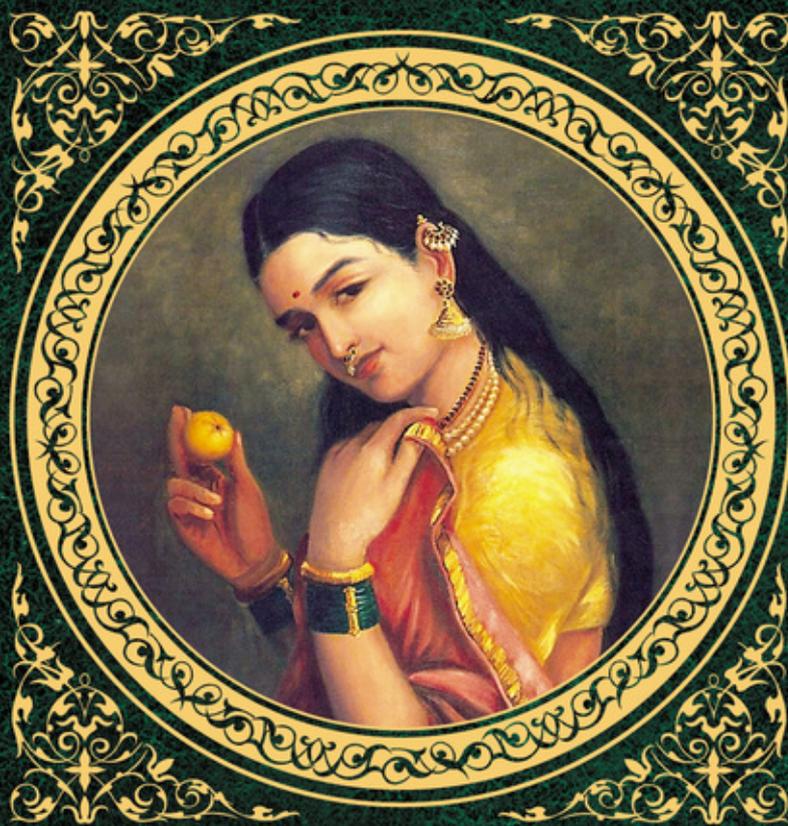

Рабиндранат
ТАГОР

...Это не сон!

Рабиндранат Тагор ...Это не сон! (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3020835

Тагор Р. ...Это не сон! : романы, стихотворения : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55092-0

Аннотация

Рабиндранат Тагор – величайший поэт, писатель и общественный деятель Индии, кабигуру – поэт-учитель, как называли его соотечественники. Творчество Тагора сыграло огромную роль не только в развитии бенгальской и индийской литературы, но даже и индийской музыки – он автор около 2000 песен. В прозе Тагора сочетаются психологизм и поэтичность, романтика и обыденность, драматическое и комическое, это красочное и реалистичное изображение жизни в Индии в начале XX века.

В книгу вошли романы «Песчинка» и «Крушение», стихотворения из сборника «Гитанджали», отмеченные Нобелевской премией по литературе (1913 г.), «за глубоко прочувствованные, оригинальные и прекрасные стихи, в которых с исключительным мастерством выразилось его поэтическое мышление» и стихотворение из романа «Последняя поэма».

Содержание

Песчинка (Чокербаш)	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	31
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	39
Глава 17	42
Глава 18	46
Глава 19	49
Глава 20	51
Глава 21	53
Глава 22	55
Глава 23	60
Глава 24	63
Глава 25	66
Глава 26	69
Глава 27	72
Глава 28	74
Глава 29	77
Глава 30	84
Глава 31	86
Глава 32	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Рабиндранат Тагор ...Это не сон! (романы, стихотворения)

Песчинка (Чокербаш)

Глава 1

Хоримоти, мать Бинодини, поделилась своей печалью с Раджлокхи. Обе они были из одной деревни и в детстве часто играли вместе.

Раджлокхи принялась уговаривать сына.

– Мохим, – сказала она, – нужно выручить бедную девочку. Я слышала, она настоящая красавица, да к тому же образованная. Теперешним молодым людям именно такие и нравятся.

– Молодых людей и без меня хватает, – отозвался Мохендро.

– Беда с тобой, Мохим. Ну почему ты так упорно не хочешь говорить о женитьбе?

– Какая же в этом беда? Есть многое другое, о чем стоит поговорить. Совсем не обязательно говорить о женитьбе.

Мохендро рано потерял отца. Возможно, поэтому отношения его с матерью сложились несколько иначе, нежели у других юношей его возраста. Двадцатидвухлетний Мохим уже окончил колледж и приступил к занятиям медициной, а с матерью капризничал, как малый ребенок. Он напоминал детеныша кенгуру, которого и после рождения мать продолжает носить с собой. Без матери Мохендро не мог ни поесть, ни отдохнуть. И теперь, когда Раджлокхи стала уговаривать его жениться, он в конце концов уступил:

– Хорошо, я зайду взглянуть на невесту.

Но в назначенный день он заявил:

– Зачем мне на нее смотреть? Я ведь женюсь ради тебя, – не все ли равно, красавица она или урод.

В его голосе слышалось легкое раздражение. Но Раджлокхи была уверена, что в момент благоприятного взгляда¹ Мохендро останется доволен и вполне одобрит выбор своей матери. Поэтому она с легким сердцем назначила день свадьбы. Однако Мохендро день ото дня делался все мрачнее и беспокойнее. Наконец, уже незадолго до свадьбы, он заявил, что не намерен жениться.

С детства судьба и люди баловали Мохендро, и поток его желаний не встречал препятствий на своем пути. Мохендро не выносил давления чужой воли. Теперь же, связанный собственным словом, он испытывал беспричинное отвращение к предстоящей женитьбе. Это чувство все нарастало, пока не настал день, когда он наотрез отказался выполнить свое обещание.

Был у Мохендро близкий друг Бихари. Он называл Мохендро старшим братом, а Раджлокхи – матерью. Раджлокхи по-своему любила Бихари, хотя считала его чем-то вроде неуклюжей баржи, навсегда привязанной к пароходу – Мохендро. К нему-то и обратилась Раджлокхи, когда Мохендро отказался жениться.

– Сынок, – сказала она, – придется теперь тебе жениться, иначе бедная девушка...

---

¹ *Благоприятный взгляд* – часть индийского свадебного обряда, когда невеста открывает лицо.

– Нет, ма, этого я не могу сделать, – запротестовал Бихари, умоляюще сложив руки. – Я мог съесть сладости, которые ему не нравились, но ведь сейчас речь идет о девушке... Нет, это невозможно.

«Где уж бедному Бихари жениться! – с возросшей симпатией подумала Раджлокхи о юноше. – Он все время с Мохимом, ему и в голову не придет обзаводиться семьей».

Отец Бинодини не был особенно богат, но для своей единственной дочери он пригласил «мэм»² из миссионерок и очень заботился о том, чтобы девочка научилась грамоте и рукоделию. Шли годы, девушка стала невестой, но отец как бы не замечал этого. Когда он умер, овдовевшая мать оказалась в весьма затруднительном положении с выбором жениха – и денег нет, и дочка совсем взрослая.

После того как Мохендро, а за ним и Бихари отказались жениться, Раджлокхи удалось устроить свадьбу Бинодини с сыном своего дальнего родственника из деревни Барашат. Вскоре Бинодини овдовела. Мохендро, смеясь, сказал тогда: «Хорошо, что я не женился на ней. Если бы моя жена стала вдовой, где бы я был теперь?»

Прошло года три, и однажды между матерью и сыном произошел следующий разговор:

– Люди осуждают меня, сынок.

– За что? Что ты им сделала?

– Болтают, будто я нарочно не ищу тебе невесту из страха, как бы ты не разлюбил меня, когда женишься.

– Что же, – ответил Мохендро, – может, они и правы. Если бы я был на месте матери, ни за что не позволил бы сыну жениться!.. Пусть себе люди болтают, что хотят.

– Нет, вы только послушайте, что он говорит, этот мальчик! – рассмеялась Раджлокхи.

– Жена войдет в дом – сразу мужа приберет к рукам, – продолжал Мохендро. – О своей матери, такой заботливой, такой любящей, он и не вспомнит! Может быть, тебе это и нравится, но мне нет!

Раджлокхи в душе ликовала.

– Послушай, медж-боу,³ – окликнула она свою родственницу, тоже вдову, которая в это время вошла в комнату, – нет, ты только послушай, что говорит мой Мохим: он не хочет жениться, не хочет, чтобы жена стала между ним и матерью. Слыхала ты что-нибудь подобное?

– Это уж чересчур, сынок, все хорошо в свое время, – отвечала тетушка Аннапурна. – Хватит Мохиму держаться за материнский подол, пора ему жениться, зажить своим домом. По-моему, стыдно, что он ведет себя как малый ребенок.

Этот ответ не понравился Раджлокхи, и она ответила довольно прозрачным и колким намеком:

– Чего ж тут стыдиться, если сын любит меня сильнее, чем другие сыновья своих матерей? Конечно, если б у тебя был сын, ты поняла бы это.

Раджлокхи была уверена, что в Аннапурне говорит зависть бездетной женщины к счастливой матери.

– Я не стала бы вмешиваться, ты ведь сама завела этот разговор, – только и могла сказать Аннапурна.

– И вообще, почему тебя так беспокоит, что Мохим не желает жениться? Если я одна сумела вырастить сына, в люди его вывести, то и впредь смогу сама о нем позаботиться – без советчиков обойдусь.

Со слезами на глазах Аннапурна молча вышла из комнаты. Мохендро был расстроен этим разговором; вернувшись с занятий пораньше, он сразу же зашел к тетке. Юноша пре-

² «Мэм» – здесь: в значении воспитательница-англичанка.

³ Медж-боу – жена среднего брата.

красно знал, что Аннапурна сказала так, желая ему добра. Знал он и то, что у его тетушки была сирота-племянница. Одинокaя женщина втайне мечтала выдать девушку за него, чтобы постоянно жить рядом с племянницей. И хотя Мохендро был против женитьбы, заветное желание тетки казалось ему понятным и трогательным.

Когда он зашел к Аннапурне, было еще не поздно. Тетушка сидела в своей комнате у окна, положив голову на подоконник. Лицо ее было бледно и печально. В соседней комнате ее ждал рис, прикрытый тарелкой, но она не притрагивалась к еде.

Немного нужно было, чтобы растрогать Мохендро. Вот и теперь, стоило ему взглянуть на тетку, как его глаза наполнились слезами. Подойдя ближе, он ласково окликнул ее:

– Тетушка!

– Иди сюда, Мохим, садись, – проговорила она, заставив себя улыбнуться.

– Я очень проголодался, окажи мне честь и дай отведать рис из твоих рук.

Поняв хитрость Мохендро, Аннапурна сама с трудом удержала слезы. Она поела и накормила Мохендро.

Сердце Мохендро совсем растаяло от жалости. Поддавшись минутному порыву, он вдруг сказал:

– Тетя, познакомь меня как-нибудь со своей племянницей.

Не успел он произнести эти слова, как сразу же испугался.

Аннапурна улыбнулась.

– Ты что, Мохим, опять захотел жениться?

– Нет, нет, – поспешил объяснить Мохендро. – Я не для себя стараюсь, для Бихари. Назначь только день смотрин.

– Да разве может выпасть на ее долю подобное счастье! – вздохнула Аннапурна. – Такие, как Бихари, не для нее.

Выходя от тетки, Мохендро у самых дверей столкнулся с матерью.

– О чем это вы так долго совещались, Мохендро? – спросила она.

– Ни о чем. Просто я заходил, чтобы взять пан.⁴

– Пан для тебя приготовлен в моей комнате.

Мохендро ничего не ответил.

Раджлокхи заглянула к Аннапурне и, увидев ее опухшие от слез глаза, вообразила невесть что.

– Так, так, дорогая, теперь ты пристала к моему сыну? – прошипела она и, не слушая оправданий Аннапурны, пошла прочь.

---

⁴ *Пан* – особо приготовленная смесь из листьев бетеля и специй. Жевать пан – привычка, широко распространенная в Индии.

Глава 2

Мохендро очень скоро забыл о своем разговоре с Аннапурной, но Аннапурна помнила о нем. Она отправила письмо в Шембаджар, к дяде, у которого воспитывалась ее племянница, и в письме назначила день смотрин.

Услышав об этом, Мохендро забеспокоился:

– Зачем ты так поторопилась, тетя. Ведь Бихари до сих пор ничего не знает.

– Как «не знает»? – встревожилась Аннапурна. – Что подумают опекуны девочки, если вы не придете?

Пришлось Мохендро обо всем рассказать Бихари.

– Ну, посмотреть-то ты можешь, – уговаривал он Бихари, – не понравится, никто неволить не станет.

– Что ты! Разве смогу я отказаться! – воскликнул Бихари. – Да у меня язык не повернется сказать «не нравится» про племянницу тети Аннапурны.

– Ну вот и хорошо!

– Ты нечестно поступаешь, Мохим. Сам остаешься свободным, а на меня взваливаешь такую тяжесть. Конечно, мне очень не хочется огорчать тетю Аннапурну. – Бихари относился к Аннапурне с большим уважением.

Слегка смутившись, Мохендро раздраженно спросил:

– Что же ты собираешься делать?

– Придется жениться, раз уж ты от моего имени обнадежил тетю. Только торжественные смотрины устраивать ни к чему.

Аннапурна сама пригласила к себе Бихари.

– Что ж это такое, сынок! – воскликнула она. – Разве можно жениться, не взглянув на невесту. Я всегда считала, что нельзя соглашаться на женитьбу, если невеста не нравится.

В назначенный день Мохендро, придя с занятий, попросил мать достать ему шелковую рубашку и дхоти⁵ из даккского муслина.

– Зачем? – спросила Раджлокхи. – Идешь куда-нибудь?

– Так нужно, мама, я потом тебе все объясню. Доставай скорее, – торопил Мохендро.

Хотя юноша и шел на чужие смотрины, он все же пригладил волосы и надушил одежду. Таков уж закон молодости!

Наконец друзья отправились.

Дядя невесты, Онукул-бабу,⁶ нажил большое состояние, и его трехэтажный дом, окруженный садом, возвышался над всем кварталом. После смерти своего обедневшего брата он взял сироту-племянницу к себе в дом. Аннапурна очень просила отдать девочку ей на воспитание. Но хотя это предложение казалось Онукулу-бабу вполне приемлемым в материальном отношении, оно могло повредить его доброму имени. Поэтому он не только наотрез отказался отдать племянницу, но никогда не отпускал ее к тетке даже погостить. Вот насколько бережно относился Онукул-бабу к своей чести!

Настало время позаботиться о замужестве девушки. Но в нынешнее время слова «по заботам и воздастся» не подходят к такому делу, как свадьба: ведь заботы о свадьбе неизбежно влекут за собой расходы. Как только заходил разговор о приданом, Онукул говорил: «У меня самого дочери растут, откуда же я возьму столько денег?» Так шло время, пока наконец на горизонте не появился благоухающий духами, разодетый Мохендро и с ним Бихари.

---

⁵ Дхоти – национальная мужская одежда; кусок ткани, обертываемый вокруг бедер и спускающийся ниже колен.

⁶ Бабу – господин, обычно прибавляется к мужскому имени.

Был месяц чойтро.⁷ День клонился к вечеру. На южной веранде гостей ждало серебряное блюдо с фруктами и сладостями и покрытые сетью капелек серебряные стаканы с ледяной водой. Мохендро и Бихари нерешительно принялись за угощение. Внизу садовник поливал кусты и деревья; теплый весенний ветер, напоенный ароматом влажной земли, слегка шевелил надушенный конец белоснежного чадора⁸ Мохендро. Через неплотно прикрытые двери и окна из соседней комнаты доносился приглушенный смех, шепот, перезвон украшений. Угостив молодых людей, Онукул-бабу обернулся к двери и крикнул:

– Чуни, принеси-ка пан!

Через некоторое время одна из дверей тихонько приоткрылась, и на веранду с пленительной застенчивостью вошла девушка. Она остановилась перед Онукулом-бабу, держа в руках коробочку с бетелем.

– Не смущайся, доченька, – сказал Онукул-бабу, – передай бетель гостям.

Девушка наклонилась и дрожащей рукой поставила коробочку перед Мохендро и Бихари. Луч заходящего солнца упал на ее смущенное личико и позволил Мохендро как следует разглядеть девушку.

Она хотела уйти, но Онукул-бабу остановил ее:

– Подожди, Чуни! Господин Бихари, это дочь моего младшего брата, Опурбы. Он умер. Теперь, кроме меня, у бедной девочки никого не осталось! – Онукул-бабу глубоко вздохнул. Сердце у Мохендро сжалось. Он еще раз взглянул на сироту.

Трудно было сказать, сколько ей лет. Родные говорили, что тринадцать, но девушке можно было дать и все пятнадцать. Воспитанная в строгих правилах, она робко таила в своем сердце пробуждающуюся юность.

Растроганный Мохендро спросил:

– Как тебя зовут?

– Скажи свое имя, не стесняйся! – подбодрил ее Онукул-бабу.

Девушка потупилась и покорно ответила:

– Ашалота.

«Аша. Какое нежное имя! И голос какой приятный, – подумал Мохендро. – Сиротка Аша!»

Отпустив извозчика, друзья пошли домой пешком.

– Бихари, – начал Мохендро, – не отказывайся от этой девушки.

Бихари уклонился от прямого ответа:

– Она похожа чем-то на тетю Аннапурну: наверное, станет такой же Лакшми.⁹

– Видно, «бремя», которое я взвалил на твои плечи, теперь уже не кажется тебе таким тяжелым, – заметил Мохендро.

– Да, – согласился Бихари, – я думаю, что смогу его вынести.

– Нет, зачем же! Если тебе тяжело, я могу принять эту ношу на себя. Что ты на это скажешь?

Бихари пристально посмотрел на Мохендро и спросил:

– Ты это серьезно, Мохим? Отвечай честно. Если женишься ты, а не я, тетя еще больше обрадуется, – ведь тогда она все время будет жить рядом со своей племянницей.

– Ты с ума сошел! Если бы она действительно хотела, это могло бы произойти давно...

---

⁷ Чойтро – первый месяц нового бенгальского календаря, соответствует марту – апрелю.

⁸ Чадор – широкий шарф, часть верхней мужской одежды.

⁹ Лакшми – в индийской мифологии богиня счастья и процветания, идеал верной жены и безукоризненной хозяйки.

Бихари не стал больше спорить и простился. Мохендро пошел окольной дорогой и домой вернулся поздно. Мать была занята приготовлением лучи.¹⁰ Тетка еще не вернулась от Онукула-бабу. Мохендро поднялся на крышу и лег на циновку.

Над крышами и куполами Калькутты кудесничал тонкий месяц.

Мать позвала Мохендро ужинать.

– Мне не хочется уходить отсюда, – лениво отозвался Мохендро.

– Может, принести наверх? – спросила Раджлокхи.

– Не надо. Я уже ел.

– Где же ты был?

– Это долгая история, потом расскажу.

Обиженная странным поведением сына, Раджлокхи хотела уйти, но Мохендро опомнился и, движимый раскаянием, сказал:

– Принеси мне поесть сюда, мама.

– Зачем же? Если тебе не хочется...

После недолгого препирательства Мохендро пришлось еще раз поужинать.

---

¹⁰ Лучи – лепешки из пшеничной муки, жаренные в топленом масле.

Глава 3

Мохендро провел беспокойную ночь и, едва рассвело, помчался к Бихари.

– Знаешь, друг, – сказал он, – я думаю, что раз этого так хочет тетя Аннапурна, я женюсь на ее племяннице.

– Тут и раздумывать не стоило. Она ведь много раз давала понять, что хочет этого.

– Вот-вот! Мне кажется, если я не женюсь на Аше, тетя огорчится!

– Возможно.

– Нехорошо, если я расстрою ее, – продолжал Мохендро.

– Правильно! – с несколько преувеличенной горячностью подхватил Бихари. – Ты это верно сказал! Дело только за тобой. Правда, было бы лучше, если бы тебе пришло это в голову вчера.

– Днем раньше, днем позже – какое это имеет значение! – воскликнул Мохендро.

Мысль о женитьбе, казалось, совершенно лишила его рассудка. Терпеливо ждать Мохендро был уже не в состоянии. «Лучше без лишних проволочек поскорее все устроить», – думал он.

– Ма, – заявил он Раджлокхи, – я решил исполнить твое желание и согласен жениться.

«Теперь понятно, зачем Аннапурна ездила к своей племяннице и Мохендро так вырядился! – возмутилась про себя Раджлокхи. – И что за порядки на свете! Происки тетки оказались успешнее, чем непрерывные просьбы матери!» Вслух же она сказала:

– Хорошо, я подыщу тебе подходящую невесту.

– Невеста уже есть, – ответил Мохендро, – ее зовут Аша.

– А я говорю, она не пара тебе! – воскликнула Раджлокхи.

– Почему же? Девушка она неплохая, – сдержанно возразил Мохендро.

– Она круглая сирота. Такая женитьба оскорбит моих родственников.

– Меня не особенно беспокоят огорчения родственников, а девушка мне очень нравится!

Упрямство сына еще больше ожесточило Раджлокхи. Она пошла к Аннапурне.

– Так это ты хочешь женить моего единственного сына на какой-то безродной девчонке? – закричала она. – Хочешь отнять его у меня? Какая подлость!

Аннапурна расплакалась.

– Не было и речи о том, чтобы женить Мохима, – оправдывалась она, – он сам что-то выдумал! Я тут ни при чем!

Раджлокхи не поверила ей. Тогда Аннапурна позвала Бихари.

– Ведь мы как будто решили этот вопрос, зачем же ты опять все запутал?! – воскликнула она со слезами на глазах. – Скажи же, что ты согласен жениться. Иначе я буду опозорена. Девушка она хорошая и тебе ровня!

– Ты могла бы и не говорить мне всего этого, тетя, – почтительно ответил Бихари, – речь ведь идет о твоей племяннице, и ни о каком отказе разговора быть не может. Но Мохендро...

– Нет, нет, сынок, – прервала его Аннапурна, – ей никак нельзя выходить за Мохендро! Правду тебе говорю, больше всего я бы хотела видеть Ашу твоей женой. За Мохендро я ее не отдам!

– Если так, тетя, то все улажено. Ма, – обратился он к Раджлокхи, – моя свадьба с Ашей дело решенное! Женщин-родственниц у меня нет, поэтому мне придется забыть о приличии и самому сообщить вам об этом.

– Ну что же, Бихари, – сказала Раджлокхи, – я очень рада. Девушка – настоящая Лакшми, она достойна тебя. Только смотри больше не отказывайся от нее!

– Зачем же? Мохим сам нашел мне невесту.

Препятствия на пути к задуманной женитьбе лишь подзадорили Мохендро. Рассердившись и на мать и на тетку, он ушел в студенческое общежитие.

Раджлокхи с плачем прибежала к Аннапурне.

– Сестра, сестра, – говорила она, – Мохендро обиделся и ушел из дома, – верни мне его!

– Потерпи, диди,¹¹ – успокаивала ее Аннапурна. – Пройдет несколько дней, и от его обиды следа не останется, сам вернется.

– Ты не знаешь Мохима, – причитала Раджлокхи. – Он не успокоится, пока не получит то, чего хочет. Ничего, видно, не поделаешь. Придется твою племянницу...

– Это невозможно, диди, – прервала ее Аннапурна, – уже все решено. Она будет женой Бихари.

– Еще можно все изменить, позови Бихари.

– Сынок, – сказала она, когда Бихари пришел, – я сама найду тебе хорошую невесту, а эту девушку ты оставь: она не для тебя.

– Нет, ма, все решено окончательно, – проговорил юноша.

Тогда Раджлокхи снова обратилась к Аннапурне:

– Припадаю к твоим стопам, уговори Бихари. Ты одна можешь это сделать.

– У меня язык не поворачивается просить тебя, Бихари, – проговорила Аннапурна. –

Но что поделаешь! Я была бы очень счастлива, если бы именно ты женился на Аше, но видишь сам...

– Я все понял, тетя. Будет так, как ты скажешь. Но впредь никогда больше не уговаривай меня жениться. – С этими словами Бихари вышел.

Глаза Аннапурны наполнились слезами, она поспешно смахнула их, боясь, что это навлечет беду на Мохендро, снова и снова бедная женщина твердила себе: «Что ни делается, все к лучшему».

Так, в мелких тайных схватках между Раджлокхи, Аннапурной и Мохендро незаметно подошел день свадьбы. В доме зажгли яркие лампы, нежно запели флейты. Угощения было вдоволь.

Аша, стройная и нарядная, с личиком стыдливым и восхищенным, вступила в свою новую семью. Не предчувствовало ее замиравшее от счастья юное сердце, что в этом гнездышке могут быть шипы. Наоборот, радостная уверенность в том, что теперь она будет всегда рядом с заменившей ей мать Аннапурной, отогнала прочь все опасения и страхи.

После свадьбы Раджлокхи позвала к себе Мохендро.

– Я думаю, – сказала она, – твоей жене пока лучше пожить у дяди.

– Почему? – спросил Мохендро.

– Скоро экзамены, а ты будешь отвлекаться.

– Я не ребенок, ма. И сам знаю, что лучше для меня, а что хуже.

– Так ведь это ненадолго, сынок, всего на год.

– Были бы у нее родители, тогда другое дело, но я не могу оставлять Ашу в доме дяди.

– Горе мне! Но что поделаешь! – воскликнула Раджлокхи, словно обращаясь к самой себе. – Он ведь теперь хозяин, а я только свекровь, я – никто! Вчера женился, и уже такая любовь! В свое время мы тоже выходили замуж, но наши мужья вели себя скромнее.

– Не беспокойся, ма, на экзаменах это не отразится, – уверенно сказал Мохендро.

---

¹¹ Диди – старшая сестра, часто употребляется как обращение сестер или близких подруг друг к другу.

Глава 4

Раджлокхи с увлечением принялась учить невестку хозяйничать. Дни Аши протекали в кладовых, на кухне, в молельне. На ночь Раджлокхи брала ее к себе, чтобы девушка не чувствовала себя одинокой вдали от родных.

После долгих размышлений Аннапурна решила ни во что не вмешиваться.

Как невыносимо обидно бывает мальчику, когда старший отбирает у него сахарный тростник, не дав насладиться его соком! Точно так же чувствовал теперь себя Мохендро. Разве мог он равнодушно относиться к тому, что его молодая жена растрчивает всю свою прелесть на хозяйственные заботы!

Придя как-то к Аннапурне, он сказал:

– Тетя, я не могу видеть, как мать изводит Ашу!

Аннапурна знала, что Раджлокхи совсем замучила Ашу, но все же попыталась успокоить Мохендро.

– Что ты, Мохим! – возразила она. – Научиться вести хозяйство необходимо. А то теперешние девушки только и знают, что романы читать да коврики вышивать. Настоящие белоруки. Разве это хорошо?

– Плохо это или хорошо, я не знаю, но современная девушка должна быть современной, – с жаром возразил Мохендро. – И я не вижу ничего смешного и обидного в том, что моя жена получит от чтения такое же удовольствие, как и я.

Услыхав голос сына в комнате Аннапурны, Раджлокхи бросила все дела, вошла к ним и ехидно спросила:

– Что случилось? О чем это вы все совещаетесь?

– Ни о чем, мама, – взволнованно ответил Мохендро. – Просто я не могу позволить, чтобы ты превращала Ашу в служанку.

Раджлокхи, подавив закипавшую ярость, проговорила медленно и язвительно:

– Так что же прикажешь с ней делать?

– Я сам займусь ею, буду обучать ее грамоте.

Ничего не ответив, Раджлокхи быстро вышла и через минуту вернулась, ведя за руку Ашу. Она поставила девушку перед Мохендро и сказала:

– Вот тебе твоя жена, можешь учить ее, чему хочешь.

Затем она повернулась к Аннапурне и, сложив руки, с преувеличенным смирением проговорила:

– Уж ты прости меня! Позабыла о знатности твоей племянницы: запачкала ее нежные ручки кухонной посудой. Уж, пожалуйста, отмой ее, приодень и вручи Мохиму. Пусть она усядется за книги, а служанкой в доме буду я.

С этими словами Раджлокхи ушла в свою комнату, хлопнув дверью. Аннапурна в отчаянии опустила на пол.

Аша, не понимая причины этой внезапной домашней бури, побледнела от стыда и страха.

«Довольно! – сказал себе раздраженный Мохендро. – Пора мне самому позаботиться о жене».

Когда желание совпадает с чувством долга, результат получается тот же, что от встречи ветра с огнем. Занятия, экзамены, друзья больше не интересовали Мохендро. Он занялся образованием жены и забыл обо всем на свете.

Оскорбленная Раджлокхи говорила себе: «Если Мохендро раскается и с женой придет ко мне, я и не взгляну на них! Посмотрим, как он обойдется без матери!»

Но шли дни, а у ее дверей все не раздавались шаги раскаявшихся. Раджлокхи была уже готова простить их, если они придут. Но они не шли. Тогда Раджлокхи решила сама пойти к молодым. Разве может мать долго сердиться на сына!

На крыше третьего этажа, в углу, была небольшая комнатка, где Мохендро спал и занимался. Последние несколько дней Раджлокхи не чистила ему одежду, не убирала кровать, не вытирала пыль. И оттого, что она пренебрегла привычными материнскими заботами, сердце ее болело, на душе лежал камень. Как-то после полудня она подумала: «Пока Мохендро на занятиях, пойду убереу его комнату. Вернется – сразу узнает руку матери». Она поднялась по лестнице. Дверь в комнату Мохендро была приоткрыта. Раджлокхи вздрогнула и остановилась, будто ее укололи. На постели лежал Мохендро, спиной к двери сидела Аша и тихонько гладила ноги спящего мужа.

Увидев в ярком свете полуденного солнца эту картину супружеского счастья, Раджлокхи вся сжалась от стыда и горькой обиды и неслышно сошла вниз.

Глава 5

В засуху нива сохнет и желтеет, но прольется дождь – она не медлит ни секунды, поднимается, позабыв долгий голод, отбрасывает уныние, беззаботно и бесстрашно заявляет свои права на все огромное пространство поля. Так случилось и с Ашей. От тех, с кем ее связывали узы родства, она никогда не смела ждать родственной любви. Теперь же, когда, попав в чужую семью, она вдруг стала любимой и обрела неоспоримые права, когда муж сам увенчал ее, бездомную сироту, короной Лакшми, Аша не замедлила принять как должное свое высокое положение. Отбросив подобающую молодой жене скромность, она сразу заняла место рядом с мужем, сияя гордостью любимой жены. Раджлокхи видела, что чужая девушка сидит около ее Мохима с таким дерзким видом, словно всегда была здесь. С невыносимой обидой ушла Раджлокхи и, не помня себя от возмущения, бросилась в комнату Аннапурны.

– Иди взгляни, какие манеры принесла твоя госпожа из своего благородного дома! – крикнула она. – Если бы наши мужья были живы...

– Диди, сама учи свою невестку, – горестно возразила Аннапурна, – сама ее наказывай. К чему ты мне рассказываешь об этом?

Голос Раджлокхи звенел, как натянутая и готовая лопнуть струна:

– Вот как! Моя невестка?! Имея такую советчицу, как ты, она разве станет меня слушаться!

Тогда Аннапурна, нарочно громко ступая, чтобы разбудить молодых, поднялась наверх и вошла в комнату Мохендро.

– Ты зачем меня позоришь, негодница? – крикнула она Аше. – Ни стыда ни совести у тебя нет! О времени позабыла, все хозяйство на старуху свекровь взвалила, а сама здесь отдыхаешь? Несчастливая, зачем только я тебя в этот дом привела! – Слезы бежали из глаз Аннапурны. Девушка молча стояла перед ней, опустив голову, и теребила край сари. Не выдержав, она тоже заплакала.

– Ты зря бранишь ее, тетя, – вступился Мохендро. – Ведь это я удерживаю здесь Ашу.

– А ты разве хорошо поступаешь? Она девочка, сирота, матери не привелось воспитать ее, откуда ей знать, что можно, чего нельзя. Чему же ты ее учишь?!

– Вот посмотри, я купил ей грифельную доску, тетради, книги. Я буду заниматься ее образованием, как бы меня ни осуждали за это и чужие и свои.

– Не весь же день ей учиться. Достаточно, если ты будешь заниматься с ней по полчаса каждый вечер.

– Это не так просто, тетя. На ученье нужно много времени.

Раздосадованная Аннапурна ушла к себе. Аша хотела было последовать за ней. Но Мохим встал и загородил дверь, не обращая внимания на робкую мольбу в нежных, влажных от слез глазах жены.

– Мы проспали, любимая моя, – сказал он, – теперь надо наверстать упущенное время.

Какой-нибудь серьезный, но простодушный читатель может принять слова Мохендро на веру. Но дело обстояло не совсем так. Надо сказать, что ни один школьный инспектор не одобрил бы систему, по которой Мохендро занимался с Ашей.

Аша всецело доверилась мужу. Она знала, что ей трудно будет научиться писать. Но раз муж приказывает, значит, нужно. Поэтому она, как могла, старалась привести в порядок свои рассеянные мысли. С серьезным видом усаживалась Аша на край тахты и, уткнувшись в учебник, покачивая головкой, принималась что-то заучивать.

В другом конце комнатки, разложив на маленьком столе книги по медицине, сидел в кресле сам «господин учитель». Он то и дело поглядывал на «ученицу», чтобы проверить ее внимательность. Проходило немного времени, и Мохендро неожиданно захлопывал книгу:

– Чуни, пойдй сюда.

Испуганная Аша поднимала голову.

– Принеси-ка мне книгу, – говорил он, – посмотрим, сколько ты прочла.

Аша пугалась, думая, что Мохендро сейчас начнет ее спрашивать, в то время как она еще совсем не была готова держать подобный экзамен. Ее рассеянный ум никак не желал поддаваться очарованию «Чарупатха».¹² И как ни старалась она пополнить свои знания, касающиеся построек термитов, буквы расползались у нее перед глазами, как цепочки черных муравьев.

Услышав, что «учитель» зовет ее, Аша робко брала книги и с виноватым видом подходила к его креслу.

Мохендро одной рукой обнимал ее за талию, другой брал книгу и говорил:

– Сейчас посмотрим, сколько ты прочла.

Аша указывала строчку, на которой остановилась.

– Ого! Так много? – удивленно говорил Мохендро. – А я – только вот это. – И он показывал на заголовок какой-нибудь главы в учебнике.

– Что же ты делал все это время? – спрашивала Аша, широко раскрыв глаза от удивления.

– Думал об одном человеке, – отвечал Мохендро, беря Ашу за подбородок, – а этот самый человек забыл обо всем на свете, читая увлекательный рассказ о термитах.

Аша могла бы достойно ответить на такое необоснованное обвинение, но, увы, стыд мешал ей, и она молча должна была мириться с несправедливым поражением в поединке любви. Теперь вы можете себе представить, насколько методы преподавания Мохендро были чужды как государственным, так и частным школам.

Случалось иногда, что Мохендро не бывало дома. Пользуясь этим, Аша пыталась настроиться на серьезный лад. Но тут, откуда ни возьмись, являлся муж и, прикрыв ей глаза руками, отбирал книгу.

– Жестокая, – говорил он, – стоит мне уйти, как ты тотчас же забываешь обо мне.

– Неужели ты хочешь, чтобы я осталась невеждой? – как-то сказала ему Аша.

– Но ведь и мои занятия из-за тебя почти совсем не подвигаются, – заметил Мохендро.

Эти слова неожиданно больно задели Ашу.

– Разве я мешаю тебе? – огорчилась она и хотела уйти. Но Мохендро схватил ее за руку.

– Что ты понимаешь! – воскликнул он. – Тебе легче заниматься, когда меня нет, а мне – наоборот, без тебя еще труднее.

Серьезное обвинение! Естественно, что вслед за этим следовали обильные, словно осенний ливень, слезы, но через мгновение они высыхали под лучами любви, оставляя лишь влажный блеск в глазах. Как могла неопытная ученица пробираться по дебрям знаний, когда главным препятствием к занятиям был сам учитель? Иногда Аше вспоминались гневные упреки тетки, и ей становилось не по себе; она ведь понимала, что учение – всего лишь предлог. При виде свекрови Аша каждый раз готова была умереть от стыда. Но Раджлокхи ей ничего не поручала, ни о чем не просила. А когда Аша все же являлась помогать и не знала, за что взяться, Раджлокхи говорила ей:

– Тебе нечего здесь делать! Иди к себе, а то твое учение пострадает!

Наконец и Аннапурна сказала Аше:

– Теперь я вижу, как ты учишься, но неужели ты и Мохиму не дашь заниматься?

---

¹² «Чарупатх» – книга для начального чтения, составленная Оккхойкумаром Дотто (1820—1886).

И тогда Аша приняла решение.

– Ты совсем не готовишься к экзаменам, – сказала она мужу, – поэтому я сегодня же перехожу в комнату к тете.

Легко ли в таком возрасте дать столь суровый обет?! Отправиться в добровольное изгнание из супружеской спальни в теткин комнату!

Едва с уст Аши сорвалось это суровое обещание, как в уголках ее глаз заблестели слезинки, нижняя губа задрожала и голос дрогнул.

– Хорошо, ступай туда, – улыбнулся Мохендро, – но тогда тете Аннапурне придется перейти в нашу комнату.

Услышав шутку в ответ на свое серьезное и такое великодушное предложение, Аша рассердилась. Мохендро предложил другой выход:

– Будет гораздо лучше, если ты сама станешь следить за мной днем и ночью, увидишь, как я все вызубрю.

Так и решили. Я думаю, излишне подробно рассказывать о том, как проходили эти занятия. Достаточно сказать, что в тот год Мохендро провалился на экзаменах, а Аша, хоть и читала рассказы из «Чарупатха», осталась в полном неведении относительно различного рода полипов.

Правда, этот своеобразный процесс обучения не обходился без осложнений. Время от времени являлся Бихари и поднимал страшный шум. Своими криками «Мохим! Мохим!» он будоражил весь квартал. Каждый раз он пытался вытащить Мохендро из спальни, без устали отчитывал друга за то, что тот запустил занятия.

– Ботхан¹³, – говорил он Аше, – нельзя глотать пищу, не разжевывая, живот заболит. Потом будете искать лекарство.

– Не слушай его, Чуни, – смеялся Мохендро, – он просто завидует нашему счастью.

– А ты умей наслаждаться своим счастьем так, чтобы не раздражать других, – замечал Бихари.

– Люблю, когда мне завидуют, – не унимался Мохендро, – а ведь еще немного, Чуни, и я, осел, отдал бы тебя Бихари!

– Замолчи! – смущался Бихари.

Аша испытывала к юноше неприязнь, может, отчасти потому, что когда-то ее прочили за него. Бихари чувствовал это, а Мохендро лишь посмеивался.

Раджлокхи часто жаловалась Бихари на сына.

– Пока гусеница в коконе, за нее можно не беспокоиться, ма, – говорил он обычно в таких случаях, – но когда она становится бабочкой и, разорвав кокон, взлетает в воздух, трудно удержать ее. Кто знал, что Мохим так быстро вырвется из-под вашей опеки!

Когда стало известно, что Мохендро провалился на экзаменах, Раджлокхи разразилась гневом, вспыхнув, как внезапный летний пожар. И от пламени ее гнева больше всех пострадала Аннапурна. Бедная женщина лишилась сна и аппетита.

---

¹³ Ботхан (или боутхан, боудидн или боуди) – почтительно-ласковое обращение к жене старшего брата или друга.

Глава 6

Однажды в свежий, шелестящий дождем вечер Мохендро радостный, в новом, надушенном чадоре, с гирляндой жасмина на шее вошел в спальню. Он хотел напугать Ашу своим неожиданным появлением и старался ступать неслышно. Но, заглянув в комнату, он увидел, что окно распахнуто, сильный ветер с брызгами дождя, ворвавшись внутрь, погасил лампу, а жена лежит на тахте и тихо плачет.

– Что случилось? – воскликнул Мохендро, бросаясь к Аше.

Аша зарыдала еще сильнее. Он не сразу добился у нее, в чем дело. Оказывается, Аннапурна не вытерпела и уехала к своему двоюродному брату.

«Уехала! – с досадой подумал Мохендро. – Такой хороший вечер испортила».

Весь его гнев обратился на мать. Она одна – причина всех неурядиц!

– Где тетя, там будем и мы! Посмотрим, с кем тогда ма станет ссориться! – сказал он Аше и стал с шумом укладывать вещи и звать носильщиков.

Раджлокхи все поняла. Медленно подойдя к сыну, она спокойно спросила:

– Куда это ты собираешься?

Сначала Мохендро ничего не ответил, и только когда мать повторила вопрос, сказал:

– Мы уезжаем к тете.

– Вам незачем ехать, – так же спокойно ответила Раджлокхи, – я сама съезжу к тетке и верну ее домой.

Она тут же отправилась к Аннапурне.

– Сжался надо мной, прости меня, невестка, – сказала она и умоляюще сложила руки.

Растерянная Аннапурна склонилась перед ней в глубоком поклоне и горестно воскликнула:

– Зачем ты обижаешь меня, диди! Как ты скажешь, так я и сделаю!

– Мохендро с женой собираются покинуть меня, потому что ты уехала. – Раджлокхи не выдержала и разрыдалась от гнева, унижения и обиды.

Женщины возвратились домой. Дождь все еще продолжался. К тому времени, когда Аннапурна вернулась, Аша уже перестала плакать, и Мохендро даже пытался развеселить ее. У него появилась надежда, что вечер этот все же не будет испорчен до конца.

Вдруг в комнату вошла Аннапурна.

– Чуни, – обратилась она к Аше, – дома ты мне жить не даешь, хочу уехать – за мной тянись. Скажи, неужели мне нигде так и не будет покоя?

Аша вздрогнула, как раненая лань.

– Послушай, тетя! – вспыхнул Мохендро. – Что тебе сделала Аша?

– Я уехала потому, что не могу больше видеть такую распущенную жену! Зачем ты довела до слез свою свекровь? Зачем заставила меня возвращаться в этот дом?

«Как нарушают поэзию жизни все эти тетки и матери», – подумал Мохендро.

На следующий день Раджлокхи позвала Бихари и сказала:

– Сынок, уговори Мохендро отпустить меня на родину, я так давно не была у себя в Барашате.

– Если долго не были, может, лучше совсем не ездить? – заметил Бихари. – Я передам Мохендро. Только едва ли он согласится отпустить вас.

Но Мохендро согласился.

– Интересно ведь взглянуть на места, в которых родился, – сказал он Бихари. – Только пусть долго не остается в деревне – сейчас сезон дождей и там, должно быть, прескверно.

Увидев, как легко Мохендро отпускает мать, Бихари рассердился.

– Твоя мать собирается ехать совсем одна! – воскликнул он. – Кто поможет ей, кто за ней присмотрит? Отпусти с ней жену.

Уязвленный этим скрытым упреком, Мохендро коротко ответил:

– Аша останется со мной.

На этом разговор окончился.

Так каждый раз Бихари невольно восстанавливал против себя Ашу. Но мысль, что она сердится на него, доставляла ему какую-то горькую радость.

Раджлокхи отнюдь не горела желанием посетить родные места. Но как лодочник, который то и дело бросает лот, когда мелеет река, выясняя, где глубже, так и Раджлокхи, с тех пор как отношения в семье изменились, неустанно промеряла глубину сыновней привязанности. Она никак не ожидала, что сын так легко и быстро согласится на ее отъезд.

«Да, – думала Раджлокхи, – какая разница между отъездом Аннапурны и моим! Еще бы, Аннапурна – добрая фея, а я всего лишь мать. Да, лучше уж мне уехать».

Аннапурна угадала горькие мысли Раджлокхи и заявила Мохендро, что тоже покидает этот дом.

– Послушай, ма, – сказал тогда Мохендро, – ты уезжаешь, тетя – тоже, кто же будет вести хозяйство?

На какое-то мгновение Раджлокхи перестала сдерживать себя:

– Как, ты собираешься уехать, медж-боу? – заметила она злорадно. – Но это невозможно! Кто же будет следить за домом? Придется тебе остаться!

Раджлокхи не стала больше откладывать свой отъезд. Назавтра в полдень она собралась в дорогу. Ни Бихари, ни кто другой не сомневался, что Мохендро сам проводит ее до деревни. Но вместо этого он приказал сопровождать ее двум слугам.

– Мохим, ты еще не готов? – окликнул его Бихари, когда подошло время отъезда.

– У меня дела, я должен заниматься, – смущенно пробормотал Мохендро.

– Хорошо, я сам провожу мать, – сказал Бихари.

Мохендро был очень раздосадован.

– Слишком уж много берет на себя Бихари, – сказал он вечером Аше. – Все хочет показать, что беспокоится о матери больше, чем я.

Аннапурне пришлось остаться, но от досады и стыда она окончательно замкнулась в себе. Заметив враждебность тетки, Мохендро рассердился. Обиделась и Аша.

Глава 7

Раджлокхи приехала в Барашат. Сначала думали, что Бихари проводит ее в деревню и сразу же вернется, но обстоятельства сложились так, что ему пришлось остаться. В доме Раджлокхи теперь жили только две дряхлые вдовы. Со всех сторон к дому подступали джунгли и заросли бамбука, пруд затянулся зеленой ряской. Среди бела дня совсем рядом раздавался вой шакалов, и сердце Раджлокхи сжималось от страха.

– Конечно, – говорил Бихари, – это твоя родина, но про нее уж никак не скажешь «прекрасней рая».¹⁴ Возвратимся в Калькутту, ма, не могу я оставить тебя здесь одну!

Раджлокхи действительно было не по себе, но в это время пришла Бинодини и стала успокаивать ее.

Это была та самая Бинодини, которую собирались выдать замуж сначала за Мохендро, а потом за Бихари. Наконец по воле судьбы она была выдана замуж за человека из своей деревни. Единственной особенностью этого человека была его сильно увеличенная печень. Ее непомерной тяжести бедняга не вынес и вскоре скончался.

После смерти мужа Бинодини, словно одинокий вьюнок среди джунглей, вела монотонную жизнь в унылой деревушке. И вот теперь она пришла к своей дальней родственнице, тетушке Раджлокхи. С глубокой любовью Бинодини склонилась перед ней. С этого дня она посвятила себя служению Раджлокхи.

Да, это было именно служение! Она не знала ни минуты покоя. А как превосходно Бинодини все делала, как замечательно готовила, как умела занять разговором!

– Уже поздно, милая, – говорила Раджлокхи, – пойдешь хоть немного.

Где там! Бинодини и не думала уходить и обмахивала веером старую женщину до тех пор, пока та не засыпала.

– Так и заболеть недолго, – говорила ей Раджлокхи.

Но Бинодини не думала о себе.

– Такие, как мы, не болеют, тетя, – отвечала она. – А ты столько времени не была у себя на родине! Чем я порадуешь тебя, чем услужу, как не своим вниманием!

За два дня Бихари успел стать первым человеком в деревне. Кто приходил к нему за лекарством; кто посоветоваться о судебном деле; одни надоедали ему просьбами об устройстве сына в какую-нибудь контору посolidнее; другие просили составить жалобу. Всегда веселый и сердечный, он с одинаковым удовольствием бывал и в кругу почтенных любителей карточных игр, и в шумной компании, где предпочитали пан и тари¹⁵. Бихари уважали и относились к нему, как к своему. Бинодини старалась, как могла, скрасить городскому юноше жизнь в непривычной для него обстановке. Возвращаясь с прогулки, Бихари всякий раз находил свою комнату чисто убранной: кто-то ставил цветы и листья в медный кувшин, а около постели оставлял стопку книг Бонкима и Динобондху Миттро.¹⁶ На внутренней стороне обложки женским четким почерком было написано имя Бинодини. Такое внимание отличалось от обычного деревенского гостеприимства.

– И такую девушку вы с Мохендро упустили, – говорила Раджлокхи Бихари, когда он хвалил Бинодини.

– Что ж, может, и напрасно мы отказались от нее, – усмехался Бихари, – но уж лучше отказаться от девушки до свадьбы. Когда женишься, тогда трудно будет от нее избавиться!

¹⁴ «Прекрасней рая» – выражение из пословицы, популярной в Бенгалии: «Родная деревня – прекрасней рая».

¹⁵ Тари – сок пальмового дерева.

¹⁶ Бонким – Бонкимчондро Чоттопаддхай (1838–1894), Динобондху Миттро (1830–1873) – классики бенгальской литературы.

А Раджлокхи все думала об одном и том же: «Ведь эта девушка могла бы стать моей невесткой! Почему этого не случилось!»

Стоило Раджлокхи заговорить о возвращении в Калькутту, как глаза Бинодини наполнились слезами.

– Зачем ты приехала так ненадолго, тетя! – горевала она. – Пока я не знала тебя, то могла еще жить здесь, а теперь даже страшно подумать, как я без тебя останусь!

– Ах, почему ты не стала моей невесткой! – невольно восклицала Раджлокхи. – Тогда ты всегда была бы рядом со мной!

При этих словах Бинодини каждый раз смущалась и спешила выйти из комнаты.

Раджлокхи ждала из Калькутты покаянного письма от сына. Она еще никогда не оставляла Мохима одного на такой срок. Конечно, он соскучится! И Раджлокхи с нетерпением ждала письма, полного сыновней обиды и нежности.

Но письмо от Мохендро получил Бихари. Мохим писал, что мать, наверно, очень счастлива через столько лет снова вернуться в родные места.

«Ага, – подумала Раджлокхи, – Мохендро обиделся». Счастлива! Будто бедная мать могла быть где-нибудь счастлива без своего Мохендро!

– А ну-ка, Бихари, что еще пишет Мохим?

– Больше ничего, ма. – Бихари скомкал письмо, сунул его в какую-то книгу и, выйдя в другую комнату, с досадой швырнул книгу в угол.

Что оставалось думать Раджлокхи? Она решила, что Мохим написал что-нибудь очень обидное, поэтому Бихари и не стал читать письмо целиком.

Но когда теленок-сосунок ударит мать-корову копытцем, это вызывает у нее лишь прилив нежности и обилие молока; так и обида Мохендро: она причинила Раджлокхи боль и вместе с тем всколыхнула в ее душе любовь к сыну. Раджлокхи все простила ему!

«Ну что же, – думала она, вздыхая, – Мохим счастлив с женой – и хорошо! Что бы там ни было, только бы он был счастлив. Никогда больше я не буду из-за нее ссориться с сыном. Ах, ведь прежде я не могла прожить без него и минуты, а теперь вдруг уехала. Конечно, Мохим имел право обидеться!»

Глаза Раджлокхи застилали слезы.

В тот день Раджлокхи как бы невзначай несколько раз говорила Бихари:

– Сходил бы ты искупаться, сынок! Ты здесь совсем отказался от своих привычек.

Но Бихари вовсе не хотелось купаться.

– Таким, как я, беспутным, лучше ни к чему не привыкать... – смеялся он.

Но Раджлокхи взволнованно настаивала:

– Нет, нет, пожалуйста, иди выкупайся. Жарко ведь.

Наконец Бихари сдался. Едва он вышел, как Раджлокхи торопливо достала смятое письмо сына и позвала Бинодини:

– Прочти-ка мне, милая, что там пишет Мохим!

Бинодини стала читать. В самом начале письма было несколько строк о матери. Но это Бихари уже прочел Раджлокхи. Дальше Мохендро писал об Аше. Можно было подумать, что он обезумел от счастья. Бинодини прочла вслух несколько строк и в смущении замолчала.

– Будете слушать дальше, тетя?

Лицо Раджлокхи, растроганной первыми строками, мгновенно окаменело.

– Довольно, – сказала она после недолгого молчания и, не взяв письма, вышла. Бинодини унесла письмо к себе в комнату, заперла дверь и, бросившись на постель, принялась перечитывать его. Какое удовольствие находила в этом Бинодини, знала только она сама. Но это не было простое любопытство. Временами глаза ее начинали сверкать, как песок на полуденном солнце, а дыхание становилось прерывистым и горячим, словно ветер пустыни. Она всеми силами старалась представить себе, какой должна быть Аша, каким – Мохендро,

как горячо они любят друг друга. Откинувшись к стене и вытянув ноги, она долго сидела так, положив листок на колени и глядя прямо перед собой.

Бихари так и не нашел письма Мохендро.

В полдень неожиданно приехала Аннапурна. Сердце Раджлокхи сжалось от недобрых предчувствий. Боясь спрашивать, бледная как мел, она молча смотрела на Аннапурну.

– Дома все благополучно, диди, – поспешила та успокоить Раджлокхи.

– Тогда зачем же ты приехала?

– Придется тебе принять на себя бремя хозяйственных забот, диди, – отвечала Аннапурна, – мне опостылел мир. Я отправляюсь в паломничество, в Бенарес, и приехала поклониться тебе. Прости, если в чем нечаянно или нарочно провинилась перед тобой. А твоя невестка, твоя невестка... – Аннапурна заплакала, – она совсем еще ребенок, выросла без матери... Плохая она или хорошая – ты ведь ей теперь не чужая...

Слезы мешали Аннапурне говорить.

Взволнованная Раджлокхи пошла приготовить ей воду для омовения и чего-нибудь поесть.

Узнав, что приехала Аннапурна, из храма Дурги¹⁷ прибежал Бихари. Он почтительно приветствовал ее и воскликнул:

– Что же это такое, тетя?! Неужели ты так рассердилась, что покидаешь нас?

– Не отговаривай меня, Бихари, – сдерживая слезы, ответила Аннапурна. – Будьте счастливы, а меня ничто уже не удержит в мире.

– Я знаю, ты уезжаешь из-за Мохендро. Он еще пожалеет об этом!

– Что ты, что ты, Бихари! Не говори так! – испуганно воскликнула Аннапурна. – Я совсем не сержусь на Мохима, но, пока я не уеду, мира в семье все равно не будет.

Бихари растерянно молчал. Аннапурна развязала конец сари, достала два массивных золотых браслета и протянула их Бихари.

– Храни эти браслеты, сынок, – сказала она. – А когда будешь жениться, передай их невесте вместе с моим благословением.

Бихари с благоговением приложил браслеты ко лбу и, едва сдерживая слезы, вышел в соседнюю комнату.

Когда пришло время прощаться, Аннапурна сказала Бихари:

– Не забывай о Мохиме и Аше, сынок.

Затем она передала Раджлокхи какую-то бумагу:

– По этой дарственной свою долю в наследстве свекра я передаю Мохиму. Мне хватит и пятнадцати рупий в месяц.

Она наклонилась, почтительно коснулась ног Раджлокхи и, распрощавшись со всеми, отправилась к святым местам.

---

¹⁷ Дурга – богиня, супруга бога Шивы; культ богини Дурги широко распространен в Бенгалии.

Глава 8

Что же это получается? Свекровь уехала, тетья – тоже. Любовь молодых словно разогнала всех. Беспочинный страх охватил Ашу: может, теперь пришла ее очередь покинуть этот дом? Их любовные забавы в пустых комнатах стали казаться ей почему-то неуместными.

Любовь как цветок: она не может жить своими соками; когда ее отрывают от стебля сложных домашних обязанностей, она начинает сохнуть и постепенно увядает. Аша стала замечать в их непрерывных свиданиях какое-то утомление и холодок. Отношения утратили свою прежнюю живость и непосредственность, не было прочной и дружной семьи, которая бы сохранила их. Если любовь не связана с повседневным трудом, с жизнью, то счастье не может быть полным и долгим.

Мохендро, подняв бунт против семьи, зажег сразу все лампы на празднике любви. В унылой обстановке пустого дома он попытался придать их встречам особую, радостную приподнятость.

– Чуни, – сказал он ей однажды, – объясни, что с тобой происходит? Стоит ли из-за отъезда тети Аннапурны напускать на себя такую мрачность? Разве наша любовь не заменяет все другие привязанности?

Эти слова отозвались болью в сердце Аши, и она грустно подумала: «Нашей любви все же не хватает чего-то. Как часто я теперь думаю о тете. Свекровь уехала, и мне отчего-то страшно». И Аша старалась изо всех сил исправить ошибки, совершенные из-за любви.

Но хозяйство шло плохо; слуги совсем от рук отбились. Однажды не явилась служанка, сказавшись больной. Повар напился и пропал.

– Вот интересно! – заметил Мохендро, узнав об этом. – Сегодня мы будем готовить сами!

Он отправился на рынок в экипаже. Мохендро, разумеется, совершенно не знал, что покупать и в каком количестве. С тяжелой ношей он торжественно вернулся домой. Но Аша тоже очень смутно представляла себе, что можно из всего этого приготовить. Однако, когда через несколько часов Мохендро отведал довольно странных кушаний, приготовленных Ашей, он остался очень доволен. Аша не разделяла его восторгов, наоборот, ей было очень стыдно за свое невежество в кулинарии.

Вещи в комнатах валялись в таком беспорядке, что трудно было отыскать сразу что-нибудь нужное. Хирургические инструменты Мохендро употреблялись теперь для резки овощей, пока не исчезли неизвестно куда; его тетрадь для записей, побывав в роли веера, отдыхала в кухонном мусоре.

Мохендро веселился всюду среди этого беспорядка, но Аша постоянно мучилась. Ей казалось чудовищным плыть вот так, по течению, беззаботно улыбаясь, в то время как хозяйство гибло.

Однажды в сумерках они вдвоем сидели на крытой веранде. Только что прошел дождь. Уходящая вдаль панорама крыш и куполов Калькутты была залита лунным светом. Аша плела гирлянду из влажных цветов бокула, принесенных из сада. Мохендро поминутно дергал цветы, мешал ей, затевая возню. Она хотела было шутя отругать мужа, но он быстро зажал ей рот рукой.

Вдруг со стороны соседнего дома донесся крик кукушки. Мохендро и Аша невольно взглянули на клетку, качавшуюся над их головами. Их кукушка никогда не оставляла без ответа зов своей подруги. Но сейчас она почему-то молчала.

– Что это сегодня с птицей? – с беспокойством спросила Аша.

– После твоего нежного голоса ей стыдно своего крика, – засмеялся Мохендро.

– Брось шутить. – Аша умоляюще посмотрела на него. – Посмотри лучше, что с ней.

Мохендро спустил клетку. Он снял покрывавшую ее ткань и увидел, что птица мертва. После отъезда Аннапурны слуга надолго отлучился и за птицей смотреть было некому.

Аша мгновенно побледнела. Пальцы ее разжались, и цветы упали на колени. На Мохендро смерть птицы тоже произвела неприятное впечатление, но, чтобы вечер не был испорчен, он попробовал превратить все в шутку.

– Вот и хорошо, – сказал он. – А то пока я буду ходить по больным, она тебя с ума сведет своим криком. – И, схватив Ашу за руки, Мохендро хотел притянуть ее к себе.

Аша медленно высвободилась из его объятий. Она сбросила цветы на пол и сказала:

– Перестань. Зачем это? Лучше съезди в деревню, пусть мать скорее возвращается.

Глава 9

В это время внизу у наружной двери кто-то закричал:

– Мохим! Мохим!

– Кто там? Войдите! – откликнулся Мохендро.

Услышав в ответ голос Бихари, Мохендро обрадовался. Сразу после свадьбы Бихари своим приходом часто мешал их счастью. Сегодня же Мохендро вдруг почувствовал, как не хватало ему Бихари последнее время.

Аша тоже была рада. Она встала и прикрыла лицо краем сари¹⁸, собираясь выйти, но Мохендро остановил ее:

– Ты куда? Это ведь Бихари.

– Я приготовлю что-нибудь, надо угостить его, – ответила Аша.

Мысль, что у нее нашлось наконец какое-то дело в доме, принесла ей облегчение. Но она не ушла сразу, а задержалась, чтобы узнать новости о свекрови, – ведь сама она еще ни разу не разговаривала с юношей и не осмелилась бы его расспрашивать.

Бихари, едва переступив порог, воскликнул:

– Боже мой, какой разгром! Можно подумать, что здесь живут поэты! Не беспокойтесь, сидите, ботхан, я сейчас же ухажу!

Аша взглянула на Мохендро, тот понял и спросил:

– Как поживает ма, Бихари?

– К чему говорить сейчас о матерях и тетках! – воскликнул Бихари. – На это еще будет время. «Такая ночь не создана для сна, не создана для матерей и теток!» – продекламировал он зачем-то по-английски и собрался было уходить, но Мохендро усадил его.

– Заметьте, Аша, – сказал Бихари, – я тут ни при чем, меня удержали насильно! Ты согрешил, брат Мохим, и да не коснется меня проклятие, которое падет на тебя за этот грех!

Аша не нашлась что ответить и поэтому рассердилась. А Бихари словно нарочно злил ее.

– Ну и порядок у вас в доме! – как бы не замечая ее досады, продолжал он. – Не пора ли привезти мать домой?

– Конечно, пора, – отозвался Мохендро. – Мы давно уже ждем ее.

– У тебя заняло бы всего несколько минут написать ей об этом, зато как была бы она счастлива! Прошу вас, ботхан, – обратился Бихари к Аше, – освободите его на несколько минут, пусть напишет матери!

Аша обиделась и со слезами на глазах вышла.

– Видно, не в добрый час вы встретились, – воскликнул Мохендро, – никакого согласия, только и знаете, что поддевать друг друга!

– Мать тебя испортила, жена продолжает портить. Не могу я видеть этого равнодушно, поэтому нет-нет да и вмешиваюсь!

– А что толку!

– Ну от тебя толку действительно никакого, – вздохнул Бихари. – А вот я...

---

¹⁸ Она встала и прикрыла лицо краем сари... – Согласно обычаям, существующим в индийских семьях, женщины должны закрыть лицо или покинуть комнату, если входит посторонний мужчина.

Глава 10

Бихари сел рядом с Мохендро и заставил его написать матери. На следующий день он уехал в Барашат. Раджлокхи поняла, что письмо было написано под влиянием Бихари, но оставаться в деревне больше не могла. Вместе с ней в Калькутту поехала и Бинодини.

Когда Раджлокхи увидела, как запущено хозяйство – кругом пыль, грязь, беспорядок, – ее неприязнь к невестке возросла.

Но что случилось с Ашей? Ее словно подменили. Она ходила за Раджлокхи, как тень, старалась во всем помочь свекрови, хотя никто ее об этом не просил. Раджлокхи это даже злило.

– Оставь, оставь, – говорила она раздраженно, – ты все испортишь. Зачем братья, раз не умеешь!

Раджлокхи решила, что это отъезд Аннапурны так подействовал на невестку. «Теперь Мохендро будет думать, – рассуждала она, – что при тетке он беспрепятственно наслаждался счастьем, а стоило приехать матери, как началась возня с хозяйством». Опять получалось, что Аннапурна хорошая, а мать – причина всех бед. Что делать!

Однажды среди дня Мохендро позвал Ашу к себе. Та колебалась, но тут Раджлокхи сердито сказала:

– Мохендро зовет, а она будто не слышит! Очень сильная любовь всегда так кончается! Иди, нечего тут тебе с овощами возиться!

Опять началась фальшивая игра с букварем, грифельной доской и карандашами; нелепые взаимные обвинения в нелюбви; бессмысленные шумные споры о том, кто сильнее любит; превращение дождливых дней в ночи и лунных ночей – в дни; с трудом подавляемые утомление и вялость. Аша и Мохим так привыкли друг к другу, что даже близость не приносила радости их охладевшим сердцам. Но разомкнуть объятия им было страшно. Жар их любви постепенно покрывался пеплом, однако они не смели даже подумать об этом. В том и состоит страшное проклятие любви, что дни счастья коротки, а узы брака неразрывны.

Однажды к Аше пришла Бинодини и, обняв ее, сказала:

– Пусть счастье твое будет вечно, сестра, но неужели оттого, что жизнь моя сложилась так несчастливо, ты даже взглянуть не хочешь на меня?

Аша росла в доме родственников, как чужая, и к незнакомым людям всегда относилась настороженно: боялась, как бы ее не оскорбили пренебрежением. Поэтому, когда ослепительно красивая Бинодини появилась у них в доме, Аша не решилась сама предложить ей дружбу.

От пронизательного взгляда Бинодини ничто не ускользало. Она ничуть не боялась Раджлокхи. Раджлокхи же всячески старалась показать Аше, с каким уважением относится к Бинодини; к месту и не к месту рассыпалась в похвалах молодой женщине. Аша видела, как опытна Бинодини в хозяйственных делах. Управление домом давалось ей без труда. Поручать слугам работу, распекать их, отдавать приказания – все это было для нее делом привычным. Наблюдая за нею, Аша думала о том, как ничтожна она по сравнению с Бинодини. Когда же эта наделенная всеми добродетелями Бинодини сама явилась искать ее дружбы, радость робкой Аши была безмерна. Семя их дружбы, словно зерно волшебного дерева, в один день дало побеги, выросло и пышно расцвело.

– Давай придумаем имена друг для друга, – предложила Аша.

Бинодини рассмеялась:

– Какие же?

Аша предложила Гангаджоль, Бокулпхул и еще много красивых имен.

– Все эти имена устарели, – прервала ее Бинодини, – и ничего особенного в них нет!

– А как бы тебе хотелось, чтобы я тебя звала?

– Чокербали! – рассмеялась Бинодини. – Чокербали!

Аше хотелось придумать для подруги что-нибудь более звучное, но раз Бинодини так хочет...

– Чокербали! Соринка в глазу! Песчинка! – повторила Аша и, обняв руками шею Бинодини, весело рассмеялась. – Тогда и меня зови так!

Глава 11

Аше была необходима подруга. Даже праздник любви перестает быть праздником, если влюбленные все время вдвоем. Надо же с кем-нибудь поделиться своим счастьем. Что же касается Бинодини, то душа ее истосковалась по сердечному теплу, и она жадно слушала рассказы молодой женщины о любви. Они туманили ей голову, горячили кровь.

Однажды в тихий полдень, когда Раджлокхи прилегла отдохнуть, слуги были внизу и Мохендро, уступив просьбам Бихари, ненадолго отправился на занятия, когда из далекой голубизны неба временами доносился слабый крик коршуна, Аша расположилась в спальне на тахте и распустила свои длинные волосы. Рядом, облокотившись на подушку, устроилась Бинодини. Забыв обо всем на свете, она слушала журчащую, словно ручей, речь Аши; лицо ее пылало, грудь высоко вздымалась.

Она расспрашивала Ашу, выпытывая мельчайшие подробности, снова и снова выслушивала одно и то же, а порой принималась мечтать о том, что было бы, если бы все сложилось не так, а иначе. Аше тоже нравилось говорить о своей любви, блуждая по тропинкам воображаемых ситуаций. Бинодини начинала:

– А что, если бы ты стала женой Бихари?

– Что ты! Как можно говорить об этом! Мне даже слушать стыдно! Вот если бы ты вышла за него замуж! А ведь когда-то собирались устроить вашу свадьбу!

– Мало ли кто думал жениться на мне! Не вышло – ну и ладно, мне и так хорошо...

Аша возражала. Да и как могла она согласиться, что Бинодини живет лучше, чем ей, Аше!

– Послушай, – говорила она, – а что, если бы ты стала женой моего мужа, ведь могло же так случиться!

Да, это действительно могло случиться. Эта постель, эта тахта, где сейчас сидит Аша, когда-то ждали ее, Бинодини. Бинодини смотрела на нарядную спальню и не могла не думать о том, что все могло быть иначе. Но сейчас она всего лишь гостья в этом доме – сегодня ее терпят, а завтра, может быть, придется уезжать...

К вечеру Бинодини тщательно и искусно причесала Ашу и отправила к мужу. А сама мысленно последовала за нарядной женщиной в тихую комнату, где ее ждал влюбленный Мохендро.

Иногда Бинодини подолгу не отпускала от себя Ашу.

– Ну посиди еще немного, – говорила она. – Никуда твой муж не денется. Он ведь ручной олень, а не заколдованная антилопа из сказки. – Различными хитростями Бинодини старалась задержать Ашу около себя как можно дольше.

– Что-то твоя подруга и не вспоминает про отъезд, – сердился Мохендро. – Скорее бы уезжала.

– Не смей сердиться на мою Песчинку, – напускалась на него Аша. – Ты не знаешь, как она любит слушать, когда я рассказываю про тебя, как старательно одевает меня и причесывает, прежде чем отослать к тебе.

Раджлокхи не хотела, чтобы Аша хозяйничала. Бинодини же, наоборот, старалась занять Ашу домашними делами. Она сама хлопотала по хозяйству без отдыха почти целый день и Аше тоже не давала сидеть сложа руки. Бинодини так повела дело, что у Аши не было ни минуты свободной. Представляя себе, как муж Аши рвет и мечет, сидя один в пустой комнате наверху, Бинодини горько и зло усмехалась про себя.

– Теперь я пойду, милая Песчинка, а то он опять будет сердиться, – волнуясь, говорила ей Аша.

– Мы сейчас все кончим, дорогая, – отвечала Бинодини, – и ты сразу же пойдешь...

Немного погодя Аша опять жалобно просила:

– Отпусти меня, а то он действительно рассердится!

– Пусть посердится немного! Любовь без ревности пресна, как овощи без перца!

Бинодини прекрасно знала, что за вкус у этого перца – только у нее не было овощей! Ее словно жгло огнем. Куда ни взглянет, в глазах вспыхивает целый сноп искр. «Такое хозяйство! Такой нежный муж! – подумала она. – И этим хозяйством я могла бы управлять! Этого мужа я могла бы обратить в своего раба! Разве тогда хозяйство было бы в таком состоянии? Разве таким был бы этот мужчина? А на моем месте этот несмышленьш, эта кукла!» И, обнимая Ашу, она говорила:

– Ну, дорогая моя, расскажи-ка мне, о чем вы вчера говорили? Сказала ли ты ему все, как я тебя учила? Ты же знаешь, рассказами о вашей любви я утоляю жажду своего сердца.

Глава 12

Однажды Мохендро, потеряв терпение, позвал к себе мать и сказал:

– Разве это дело вводить в семью совершенно постороннюю молодую женщину, да еще вдову? Совсем не обязательно брать на себя такую ответственность. Я против этого. Кто знает, к чему это может привести!

– Она жена нашего Бипина, – возразила Раджлокхи, – я не считаю ее чужой.

– Нет, ма, ни к чему все это. По-моему, ее не следует держать у нас.

Раджлокхи знала, что переспорить Мохендро нелегко. Поэтому она призвала на помощь Бихари и попросила его убедить сына.

– Только благодаря ей я хоть немного отдыхаю на старости лет, – говорила она, – пускай Бинодини и чужая, но от своих я никогда не дождусь такого внимания.

– Ты думал о Бинодини, Мохим? – спросил Бихари.

– Как же, ночей не сплю, только о ней и думаю! – невесело рассмеялся Мохендро. – Пусть тебе лучше невестка скажет. Ведь теперь как Бинодини пожелает, так все и делается в этом доме.

Аша с молчаливым упреком взглянула на мужа.

– Неужели? – удивился Бихари. – У вас, я смотрю, все как в романе «Ядовитое дерево»¹⁹.

– Совершенно верно. Вот почему Чуни так жаждет избавиться от нее.

Из-под покрывала снова сердито блеснули на Мохендро глаза Аши.

– Ну хорошо, ты ее отправишь обратно, а она захочет и вернется, – заметил Бихари. – Лучше выдай ее замуж, вот сразу и вырвешь ядовитый зуб.

– Кундо²⁰ тоже была выдана замуж, – проворчал Мохендро.

– Ладно, хватит проводить параллели. Я часто думаю о Бинодини. Оставаться с вами всегда она, разумеется, не может. Но отправить ее в эту глушь – было бы очень жестоко.

Мохендро до сих пор не видел Бинодини, зато Бихари видел ее и хорошо понимал, что обречь такую женщину на жизнь где-то в джунглях несправедливо. Понимал он также, что пламя светильника, которое освещает дом, может обратить дом в пепел, и смутно опасался этого.

Мохендро посмеялся над участием Бихари, Бихари тоже посмеялся, но в глубине души он хорошо понимал, что с этой женщиной играть опасно, а пренебречь ею просто невозможно.

Раджлокхи решила предостеречь Бинодини.

– Смотри, доченька, – сказала она, – держись подальше от моей невестки. Ты выросла в деревне, здешних нравов не знаешь. Но ты умница, подумай хорошенько, и сама поймешь, к чему я это говорю.

После этого разговора Бинодини стала сторониться Аши.

– Кто я здесь? – говорила она Аше. – Никто. И неизвестно еще, что могло бы случиться, забудь я на минуту, как мне надо себя держать в моем положении.

Аша упрашивала ее, плакала, но Бинодини оставалась непреклонной.

Тем временем объятия Мохендро стали слабее, его влюбленный взгляд словно затуманился усталостью. Беспорядок во всем, который раньше казался таким забавным, начал раздражать его. Неопытность Аши в житейских делах порою становилась невыносимой.

---

¹⁹ «Ядовитое дерево» – роман Бонкимчондро Чоттопадхья, в котором рассказывается, как одна из героинь, вдова, невольно становится причиной разрушения семьи.

²⁰ Кундо – имя молодой вдовы из романа «Ядовитое дерево».

Однако он молчал. Несмотря на молчание, Аша чувствовала, что свет их любви меркнет. В нежности Мохендро проскальзывала фальшь, – он был преувеличенно внимателен, он обманывал самого себя. В таких случаях нет иного спасения, кроме бегства, нет иного лекарства, кроме разлуки. Повинуясь своему женскому инстинкту, Аша старалась избегать Мохендро. Но, избегая его, к кому могла она идти, кроме Бинодини?

Когда Мохендро вдруг очнулся после сна любви, в нем постепенно стал пробуждаться интерес ко всему происходящему за стенами его комнаты, интерес к занятиям. Разыскав учебники по медицине в самых невероятных местах, куда он их засунул, Мохендро принялся стряхивать с книг пыль. Затем он достал свою куртку и брюки, в которых ходил в колледж, и вывесил их на солнце.

Глава 13

Бинодини продолжала сторониться Аши, и бедняжка решила пойти на хитрость.

– Милая Песчинка, – сказала она как-то, – почему ты не хочешь познакомиться с моим мужем? Зачем избегаешь его?

– Ну как же тебе не стыдно! – воскликнула Бинодини.

– Почему? – продолжала настаивать Аша. – Ты ведь не чужая нам, свекровь сама так говорит.

– В семье не может быть чужих, – серьезно ответила Бинодини. – В семье все свои. А чужие всегда чужие, даже если они родственники!

Аше нечего было возразить. Ее муж действительно несправедлив к Бинодини, он действительно считает ее чужой и без причины сердится на нее.

В тот вечер Аша капризно заявила Мохендро:

– Ты должен поговорить с моей Песчинкой, я так хочу!

– Однако ты смела! – рассмеялся Мохендро.

– Чего яге мне бояться?

– Судя по тому, как ты мне расписываешь свою подругу, она далеко не безопасна!

– Оставь свои шутки и скажи прямо: встретишься ты с ней или нет?

Нельзя сказать, чтобы Мохендро вовсе не хотел знакомиться с Бинодини. Напротив, теперь он нередко думал о том, что неплохо бы взглянуть на нее. Однако этот интерес самому ему казался чем-то недостойным. Мохендро придерживался весьма строгих взглядов на верность. Если прежде он слушать не желал о женитьбе, боясь хоть в чем-то ущемить мать, то теперь он решил навсегда сохранить любовь к Аше и забыть о существовании всех других женщин. Мохендро даже несколько бравировал этой своей щепетильностью и непреклонностью в делах любви и дружбы. Например, кроме Бихари, он никого больше не желал называть своим другом. Если кто-нибудь стремился сблизиться с Мохендро, он недвусмысленно показывал ему свое презрение, а придя к Бихари, зло высмеивал беднягу. Когда же Бихари возражал ему, Мохендро обижался.

– Это ты так можешь, – говорил он, – куда ни пойдешь, везде у тебя друзья. А я не желаю заводить дружбу с каждым встречным.

Однако теперь мысли Мохендро с жадным любопытством постоянно устремлялись к этой незнакомой ему молодой женщине. Его принципы, которыми он так гордился, начинали мешать ему, стесняли его. Тогда, досадуя на самого себя, Мохендро принялся надоедать матери, чтобы она отослала Бинодини обратно в Барашат.

– Перестань, Чуни, – ответил Мохендро Аше, когда она снова завела разговор о Бинодини. – Нет у меня времени болтать с твоей Песчинкой. Весь мой день поделен между занятиями и тобой, где же мне взять еще время для твоей подруги?

– Я не покушаюсь на занятия. Но ты можешь отдать ей то время, которое тратишь на меня!

– Могу, но не хочу этого! – рассмеялся он. Мохендро часто упрекал Ашу в том, что ее горячая привязанность к Бинодини свидетельствует о недостаточной любви к мужу, и постоянно повторял, что его любовь гораздо сильнее и крепче ее чувства. Аша спорила, плакала, но не могла одержать победу.

Мохендро очень гордился, что так и не уступил Аше и не пожелал познакомиться с Бинодини. Это возмутило Ашу, но на сей раз она только сказала:

– Ну хорошо, не ради нее, ради меня, пожалуйста, познакомься с Бинодини.

Доказав чистоту и прочность своей любви, Мохендро великодушно согласился на встречу, но просил не надоедать ему впредь.

– Что за чудо, – заметила Бинодини, когда Аша пришла к ней на следующий день рано утром, – сегодня чакора предпочитает облако луне?²¹

– Я ничего не смыслю во всех этих поэтических сравнениях, – отвечала Аша, – ты бы лучше обратилась к тому, кто сумеет их по достоинству оценить!

– Кто же этот великий ценитель?

– Твой свояк и мой муж. Нет, серьезно, сестричка, ему очень хочется поболтать с тобой.

«Ах, со мною хотят встретиться по настоянию жены! – подумала Бинодини. – Так нет же, я ускользну! Он меня не увидит».

И Бинодини наотрез отказалась. Аше пришлось вернуться к мужу ни с чем.

В глубине души Мохендро был раздосадован. Не хочет даже выйти к нему?! Неужели она считает, что он такой же, как все мужчины? Другой бы на его месте давно нашел предлог познакомиться с ней. Будто Бинодини не видит, что он совершенно не ищет с ней встреч! Если бы она знала его хоть немного, то поняла бы разницу между ним, Мохендро, и всеми другими мужчинами.

Бинодини тоже затаила обиду на Мохендро. «Столько времени я здесь, а Мохендро ни разу даже не попытался увидеть меня! – думала она. – Что ему стоило выйти под каким-нибудь предлогом, когда я бываю у тети в комнате! Отчего такое равнодушие? Разве я не человек, не женщина? Если бы он увидал меня, то сразу понял бы разницу между мною и своей ненаглядной Чуни».

– Я скажу, что ты ушел на занятия, и приведу Песчинку к себе, – предложила Аша мужу. – А потом ты как будто случайно войдешь – так она и попадется!

– За что же ее так жестоко наказывать?

– Я очень сердита на нее! Подумать только, она не хочет с тобой видеться! Хоть обманом, но я добьюсь своего!

– Да не умру же я, если и вовсе не встречу с твоей драгоценной подругой! Против ее воли я не хочу этого делать!

Аша схватила Мохендро за руки и умоляюще сказала:

– Ну, пожалуйста, сделай это для меня! Надо же как-то сломить ее гордость.

Мохендро молчал.

– Ну, дорогой, ну, пожалуйста, выполни мою просьбу!

Говоря откровенно, Мохендро очень хотелось познакомиться с Бинодини, поэтому, сделав вид, что ему это совершенно безразлично, он согласился поступить так, как предлагала Аша.

В полдень, прозрачный и неподвижный, Бинодини сидела с Ашей в комнате Мохендро и учила ее вязать туфли. Аша была рассеянна, она то и дело поглядывала на плотно закрытую дверь, путалась, считая петли, и обнаружила явную неспособность к этому занятию.

В конце концов Бинодини сердито вырвала из рук Аши туфлю и воскликнула:

– Ничего у тебя не выйдет! Я лучше пойду. У меня и без того дел много!

– Ну посиди еще немножко! Не уходи! – стала упрашивать ее Аша. – Вот увидишь, я не ошибусь больше. – И она прилежно взялась за работу.

В это время Мохендро неслышно открыл дверь, которая находилась позади Бинодини, и остановился на пороге. Аша увидела его и, не поднимая головы от рукоделия, вдруг заулыбалась.

– Вспомнила что-нибудь смешное? – спросила Бинодини. Аша не могла больше сдерживаться. Звонко рассмеявшись, она кинула шитьем в Бинодини и, воскликнув: «Ты была

---

²¹ ...сегодня чакора предпочитает облако луне? – По преданию, птица чакора влюблена в луну и кормится только лунным светом (здесь Бинодини сравнивает Ашу с чакорой, Мохендро с луной, а себя – с облаком).

права, ничего у меня не получится!» – бросилась на шею подруге и расхохоталась еще звонче.

Бинодини сразу все поняла. Недаром Аша так веселилась и гримасничала. Она хорошо слышала, как Мохендро вошел и остановился позади нее. Но, продолжая притворяться, она стала разыгрывать наивную тихоню и дала Аше поймать себя в эту нехитрую ловушку.

– Отчего мне, несчастному, не дано разделять вашего веселья? – раздался вдруг голос Мохендро.

Бинодини вскочила и, накинув на голову покрывало, хотела выйти, но Аша удержала ее.

– Как вам угодно, – усмехнулся Мохендро. – Хотите, я уйду, а вы оставайтесь, а можем оба остаться.

Бинодини не стала поднимать шум и разыгрывать смущение, как сделала бы другая на ее месте. Она просто сказала:

– Хорошо, я останусь, если я не лишняя. Только не проклинаяте меня в душе.

– Я проклянусь вас, но так, чтобы вы надолго остались здесь с нами.

– Ну, этого проклятия я не боюсь: ведь ваше «надолго» недолго продлится! Его время, кажется, уже истекло! – С этими словами Бинодини сделала вид, что хочет уйти. Но Аша, схватив ее за руку, упростила посидеть еще немного.

Глава 14

– Скажи по совести, понравилась тебе моя Песчинка? – спрашивала Мохендро Аша.

– Не знаю, – отвечал Мохендро.

– Никто тебе не нравится!

– За исключением одного человека...

– Если бы ты поговорил с ней еще немного, то наверняка понял бы, нравится она тебе или нет.

– Опять! Теперь этому конца не будет!

– Нужно же поговорить с человеком хотя бы из вежливости. Что она подумает, если ты, после того как познакомился с ней, даже не захочешь ее видеть? Все ты делаешь по-своему, не так, как другие! Иной на твоём месте сам искал бы случая поболтать с такой женщиной. А для тебя это несчастье!

Мохендро очень понравилось упоминание о разнице между ним и остальными.

– Ну ладно, – согласился он, – так и быть! Бежать мне все равно некуда, да и твоя подруга, я вижу, не из жеманных. Живя в одном доме, мы с ней так или иначе увидимся. И правила вежливости в этих случаях будут соблюдены, уж этому твой муж немного обучен!

Мохендро думал, что Бинодини под разными предлогами сама будет искать встречи с ним. Но он ошибся. Бинодини не подходила к нему и не попадалась на глаза.

Чтобы не выдать себя, Мохендро не заговаривал с Ашей о Бинодини. И оттого, что он часто подавлял и скрывал довольно естественное желание встретить Бинодини, нетерпение его становилось все сильнее. К тому же равнодушие Бинодини задело его.

На следующий день после встречи с ней Мохендро, как бы невзначай, шутливо спросил Ашу:

– Ну как, понравился Песчинке твой недостойный супруг?

Мохендро давно ждал восторженного и подробного отчета, но Аша ничего не говорила ему, тогда он решил сам спросить.

Аша оказалась в затруднении. Бинодини ничего не говорила ей, и теперь Аша досадовала из-за этого на свою подругу.

– Но, дорогой мой, – ответила она мужу, – слишком быстро ты хочешь услышать ее мнение. К тому же и виделись-то вы совсем немного, едва перемолвились друг с другом.

Мохендро испытал горькое разочарование, и ему стало еще труднее прикидываться безразличным.

Во время этого разговора пришел Бихари.

– В чем дело, Мохим? – спросил он. – О чем вы спорите?

– Видишь ли, Бихари, моей жене взбрело в голову подружиться с какой-то там Кумудини или Промодини, и они придумали себе ласкательное имя, – что-то вроде Веревошки или Рыбьей Косточки. Видно, и мне придется выдумать для себя и для жены какое-нибудь прозвище, ну Пепел Сигары или Спички или что-нибудь еще в этом роде, а то житья не будет.

Аша была полна молчаливого негодования. Некоторое время Бихари молча смотрел на Мохендро.

– Невестка, – улыбнулся он, – имейте в виду, это плохой признак. Мохендро говорит так, чтобы сбить всех с толку. Я видел вашу Песчинку. И могу поклясться, что ничего страшного со мной не случится, если я взгляну на нее еще раз. Но если Мохим так противится, дело становится подозрительным!

Так Аша еще раз убедилась в том, насколько Мохендро отличается от Бихари – в лучшую сторону, разумеется.

Неожиданно для всех Мохендро стал увлекаться фотографией. Когда-то он уже начал заниматься этим, но вскоре бросил. Теперь он снова привел в порядок фотоаппарат, купил пленку и начал фотографировать. Вскоре он переснимал всех, вплоть до слуг. Аша стала просить, чтобы он непременно сфотографировал Песчинку. Мохендро коротко сказал: «Хорошо». Бинодини так же коротко ответила: «Нет». Аше опять пришлось прибегнуть к хитрости, но и эту хитрость Бинодини разгадала.

Было условлено, что в полдень Аша как-нибудь уговорит подругу отдохнуть у себя в комнате. Когда она уснет, Мохендро сфотографирует ее и, таким образом, поймает упрямую Песчинку.

Удивительное дело: обычно Бинодини никогда не спала днем, но на этот раз, когда она вошла в комнату к Аше, у нее уже слипались глаза. Набросив шаль, она повернулась лицом к раскрытому окну и, подложив под голову руки, заснула в такой красивой позе, что Мохендро, войдя, подумал: «А она будто и вправду приготовилась сниматься».

Он вошел на цыпочках и стал устанавливать фотоаппарат. Ему нужно было долго и пристально рассматривать Бинодини, чтобы решить, с какой стороны лучше ее снимать; пришлось идти на все ради искусства и осторожно раскинуть по подушке ее распущенные волосы – получилось некрасиво, и нужно было снова подобрать их.

– Подвинь немного влево шаль у ног, – шепнул он Аше.

– Я не сумею, – так же тихо ответила Аша. – Боюсь разбудить, поправь сам.

Наконец в тот момент, когда он вставил кассету, чтобы сделать снимок, Бинодини пошевелилась и, глубоко вздохнув, немного приподнялась. Аша громко расхохоталась. Бинодини же приняла рассерженный вид и, метнув в Мохендро огненную стрелу своих лучистых глаз, воскликнула:

– Это нечестно!

– Конечно, нечестно, – согласился Мохендро. – Но если я и украл, то не успел унести украденное. Разрешите уж мне сначала совершить нечестный поступок, а потом наказывайте!

Аша тоже стала упрашивать Бинодини. Снимок был сделан, но оказался неудачным. Поэтому Мохендро не успокоился, пока на следующий день не сделал еще одного снимка. Потом он предложил сфотографировать обеих подруг вместе «на вечную память о дружбе». Не могла же Бинодини отказаться!

– Но это последний! – заявила она.

Приняв ее слова к сведению, Мохендро испортил снимок. Так благодаря занятиям фотографией знакомство их продолжалось.

Глава 15

Стоит пошевелить угли, и пламя костра вспыхивает с новой силой. Любовь молодой четы, уже начавшая гаснуть, от вмешательства третьего человека опять разгорелась.

Аша не умела поддерживать шуточный разговор, Бинодини могла вести его до бесконечности. Поэтому в Бинодини Аша нашла бесценного помощника. Теперь ей не нужно было прилагать мучительных усилий, чтобы постоянно поддерживать веселое настроение Мохендро. В течение того короткого времени, которое успело пройти со дня свадьбы, Мохендро и Аша вели себя так, словно задалась целью истратить сразу то, что отпущено на всю жизнь. Их любовная песня началась с самой высокой ноты. Они как будто торопились израсходовать весь свой запас чувств, пока не пропала любовь. Как могли они вместить это безумное половодье чувств в спокойные берега будничной семейной жизни? После опьянения мужчина обычно чувствует себя разбитым и требует еще вина. Но откуда было взять его Аше? В этот момент Бинодини, наполнив новый кубок, вручила его своей подруге. И Чуни снова почувствовала себя счастливой, видя, что муж доволен. Ей самой не приходилось теперь прилагать ни малейших усилий: Мохендро и Бинодини перебрасывались шутками, а она только беззаботно вторила их смеху. Когда во время игры в карты Мохендро плутовал, Аша, избирая Бинодини судьей, требовала справедливости. Когда же муж подшучивал над Ашей или делал ей несправедливое замечание, она знала, что Бинодини должным образом ответит за нее. Так втроем они коротали время.

Между тем Бинодини не забросила хозяйственных дел. Она по-прежнему присматривала за домом и стряпней, ухаживала за Раджлокхи и, только закончив все дела, принимала участие в развлечениях. Мохендро ворчал:

– Я вижу, вы места себе не находите, пока не зададите работы слугам.

– Это все же лучше, чем предаваться безделью и стать ничтожеством! – отвечала Бинодини. – Идите, вам пора на занятия.

– Ох, сегодня такой приятный пасмурный день!

– Ничего! Экипаж уже подан, отправляйтесь!

– Я же отослал экипаж!

– А я велела ему подождать, – спокойно говорила Бинодини и приносила ему одежду для колледжа.

– Вам следовало родиться среди воинственных раджпут²², тогда бы вы снаряжали своих близких на битву.

Отлынивание от дел ради развлечений и пропуски занятий Бинодини не одобряла. При ее суровом правлении всякие развлечения в течение дня прекратились вовсе. Поэтому вечерние часы стали для Мохендро самым прекрасным и желанным временем. Уже с утра он с нетерпением ждал вечера.

Прежде Мохендро часто пользовался тем, что завтрак не бывал готов вовремя, и с радостью пропускал занятия. Теперь же Бинодини заботилась обо всем, и, когда кончался завтрак, экипаж уже ждал. Раньше будничное платье Мохендро далеко не всегда бывало приведено в порядок. То оказывалось, что его не принесли от прачки, то оно пропадало где-то в неведомых уголках шкафа, и без длительных розысков его невозможно было обнаружить.

Сначала Бинодини шуточно бранила Ашу за этот беспорядок, и Мохендро вместе с нею весело смеялся над нерасторопностью жены. В конце концов, из дружеского участия,

---

²² *Раджпуты* – народ, населяющий область Раджпутаны в Центральной Индии, а также название военно-земледельческой касты, к которой принадлежит значительная часть феодальной знати.

Бинодини взяла на себя заботу о том, чтобы Мохендро всегда был вовремя накормлен и прилично одет. В комнате был наконец водворен порядок.

Оторвется ли пуговица от куртки Мохендро и Аша сразу не сообразит, как помочь этому горю, – появляется Бинодини и, отобрав у растерянной Аши куртку, ловко пришивает пуговицу. Однажды кошка отведала блюдо, приготовленное для Мохендро. Аша растерялась. Бинодини сейчас же побежала на кухню и принесла другую еду.

Постепенно Мохендро во всем стал ощущать заботливую руку Бинодини. Сделанные ею шерстяные туфли, связанный Бинодини шарф ласкали его, как нежное прикосновение. И когда умытая и благоухающая Аша, принаряженная подругой, появлялась перед Мохендро, в ней было что-то от Бинодини. Теперь обе женщины в сознании Мохендро сливались в одно очаровательное создание, как воды Ганги и Джамуны.

Бихари был в немилости – его не звали. Однажды он написал Мохендро, что на следующий день, в воскресенье, придет обедать к Раджлокхи. Мохендро решил, что тогда воскресенье будет испорчено, и поспешил послать ему записку, сообщая, что в воскресенье его не будет дома, что он должен отлучиться по важному делу.

В воскресенье, во второй половине дня, Бихари все же зашел, чтобы выяснить, куда отправился Мохендро. Но привратник сказал ему, что Мохендро дома. Бихари взбежал по лестнице и вошел в комнату друга. Мохендро, захваченный врасплох, прорычал: «Ох, как у меня разболелась голова!» – и откинулся на подушки. Услышав это и увидев выражение лица Мохима, Аша испуганно вскочила и, не зная что делать, вопросительно взглянула на Бинодини. Бинодини понимала, что с Мохимом ничего серьезного не случилось, но тем не менее с тревогой сказала:

– Вы очень много занимались сегодня, отдохните. Сейчас я принесу одеколон.

– Зачем? Не надо, – запротестовал было Мохендро, но Бинодини не слушала его. Она мгновенно вернулась, неся одеколон, смешанный с холодной водой, намочила платок и отдала его Аше, чтобы та сделала компресс.

Мохендро время от времени повторял «не надо», а Бинодини, сдерживая улыбку, молча наблюдала за этим представлением.

«Пусть видит Бихари, как меня любят», – самодовольно думал Мохендро.

У Аши в присутствии Бихари от смущения дрожали руки, и несколько капель одеколona попали Мохендро в глаз, когда она пыталась сделать компресс. Тогда Бинодини взяла из рук Аши платок, положила его на лоб Мохендро и стала осторожно смачивать одеколоном.

Аша, закутавшись в покрывало, принялась обмахивать мужа веером.

– Ну как, Мохендро-бабу, лучше вам? – спросила Бинодини. Она говорила нарочито встревоженно, но, кинув быстрый взгляд на Бихари, встретила с его смеющимися глазами. Бихари отлично видел, что все происходящее – комедия. И Бинодини поняла, что этого человека нелегко провести, от него ничто не скроется.

– Знаете, Биноди-ботхан, от такого внимательного ухода болезнь не пройдет, а скорее, наоборот, усилится! – смеясь, воскликнул Бихари.

– Нам, глупым деревенским женщинам, это неизвестно. А что, разве в ваших медицинских книгах об этом написано?

– Конечно. Вот я, например, увидел, как вы ухаживаете за этим больным, и у меня тоже разболелась голова. Но мне, бедному, придется поправляться без лекарства. Мохиму повезло.

Бинодини отложила компресс.

– Друга должен лечить друг, – заметила она.

Все происходящее возмутило Бихари. Последние дни он был очень занят и не подозревал, что за это время между Мохендро, Бинодини и Ашей завязалась такая тесная дружба. Он пристально посмотрел на Бинодини. Молодая женщина спокойно встретила его взгляд.

Бихари резко сказал:

– Правильно! Только так – друга должен лечить друг. Я принес сюда головную боль, я же ее и унесу. Так что не расходуйте зря одеколон. А вообще, – продолжал он, глядя на Ашу, – чем лечить, лучше не доводить дело до болезни.

Глава 16

«Нельзя, чтобы это зашло далеко, – думал Бихари. – Я не должен оставлять Мохендро. Правда, никто из них не желает меня видеть, но я обязан вмешаться».

И Бихари стал без приглашения появляться в доме Мохендро.

– Этого юнца, – говорил он Бинодини, – баловала мать, портил друг, а теперь его портит жена. Умоляю вас, Биноди-ботхан, портите лучше кого-нибудь другого!

– Кого же? – смеялся Мохендро.

– Да хотя бы такого, как я. На меня еще никому не удавалось влиять...

– Такого, как ты! – проворчал Мохендро. – Эх, Бихари, не так-то легко быть достойным того, чтобы тебя портили! Попросить – мало!

– Чтобы испортиться, надо еще обладать особым талантом, Бихари-бабу! – подхватила Бинодини.

– Но если я лишен такого таланта, мне должно помочь ваше искусство. Попробуйте побаловать меня немного!

– Если вы будете готовиться заранее, ничего не получится! – возразила Бинодини. – Нужно быть совершенно неподготовленным. Но как ты думаешь, дорогая Аша, может быть, лучше тебе взяться за Бихари?

Аша легонько толкнула Бинодини. Бихари тоже не поддержал шутки. Бинодини поняла, что Бихари не потерпит насмешек над Ашей. Это больно кольнуло ее самолюбие. Вот как! Значит, Ашу Бихари уважает, а ее, Бинодини, он не принимает всерьез?!

– Хоть этот попрошайка Бихари и обратился ко мне, – снова повернулась она к Аше, – но милостыню он жаждет получить именно от тебя. Удели ему что-нибудь, дорогая...

Аша окончательно рассердилась. Бихари вспыхнул, но через мгновение сказал, смеясь:

– Почему же вы предпочитаете Мохендро, а меня перепоручаете кому-то другому? Но ладно, торговаться из-за этого с Мохимом я не стану.

От Бинодини не укрылось стремление Бихари разрушить все ее планы, и она сказала себе, что с ним нужно быть осторожной.

От хорошего настроения Мохендро не осталось и следа. Ему казалось, что своей болтовней Бихари испортил все поэтическое очарование вечера.

– Твой Мохим тоже не собирается торговаться, Бихари, – недовольно сказал Мохендро. – Он вполне доволен тем, что имеет.

– Он-то, возможно, и не собирается, – ответил Бихари, – но это может произойти помимо его желания, раз ему так суждено...

– Вам ли говорить о торговле, Бихари-бабу, ведь в ваших руках ничего нет! – вмешалась Бинодини. И с резким смехом она игриво ущипнула Ашу за щеку. Рассерженная Аша вышла из комнаты. Бихари, разбитый наголову, сердито молчал.

Он уже собрался уходить, когда Бинодини вдруг сказала:

– Не падайте духом, Бихари-бабу. Сейчас я пришлю Ашу.

Бинодини вышла. Мохендро был раздосадован, что из-за Бихари их компания расстроилась. При виде его недовольного лица Бихари не выдержал.

– Ты погубишь себя, Мохим! – воскликнул он. – Но с собой делай что хочешь, только не губи ни в чем не повинную женщину, которая доверилась тебе всем сердцем! Я еще раз тебе говорю: не губи ее! – От волнения у Бихари прервался голос.

Сдерживая раздражение, Мохендро ответил:

– Я не понимаю тебя, Бихари. Не говори загадками, скажи прямо!

– И скажу! – Бихари не заметил, как повысил голос. – Бинодини нарочно сбивает тебя с пути, а ты ничего не понимаешь и, как глупый осел, идешь вперед, не разбирая дороги!

– Неправда! – загремел Мохендро. – Если ты будешь несправедливо подозревать уважаемую женщину, лучше тебе совсем не появляться в онтохпуре²³!

В комнату вошла улыбающаяся Бинодини с подносом сладостей и поставила его перед Бихари.

– Это еще зачем? – воскликнул Бихари. – Я не голоден.

– Ну как же так?! Неужели вы уйдете, ничего не попробовав?

Бихари рассмеялся:

– Понимаю, моя просьба принята! Теперь меня будут портить, началось ухаживание!

Бинодини лукаво улыбнулась.

– Вы же названный брат Мохендро. И поэтому можете пользоваться всеми родственными привилегиями. Зачем просить там, где можно требовать? Вы сами можете взять нашу любовь и внимание. Правда, Мохендро-бабу?

Мохендро от возмущения лишился дара речи.

– Бихари-бабу, – продолжала Бинодини, – вы что же это, стесняетесь есть или, может, сердитесь? Позвать вам кого-нибудь сюда?

– Никого и ничего мне не нужно. С меня довольно...

– Вы шутите? С вами просто невозможно справиться. Даже сладостями вас не подкупишь!

Ночью Аша призналась мужу, что терпеть не может Бихари, но Мохендро, вопреки обыкновению, не стал высмеивать жену.

Утром он отправился к другу.

– Знаешь, Бихари, – сказал он, – Бинодини у нас все же чужая, и ей неприятно, что ты приходишь на женскую половину дома.

– Неужели?! – удивился Бихари. – Ах, как нехорошо получилось! Что ж, если она против, я больше не покажусь ей на глаза.

Мохендро успокоился. Он не ожидал, что это неприятное дело так просто уладится. По правде говоря, он побаивался Бихари.

Но в тот же день Бихари явился на женскую половину дома.

– Биноди-ботхан, – сказал он, – простите меня!

– За что, Бихари-бабу?

– Я слышал от Мохендро, будто вы сердитесь за то, что я прихожу сюда. Скажите, что вы прощаете меня, и я сейчас же уйду.

– Что вы говорите, Бихари-бабу?! Я ведь здесь только гостя, зачем же вам уходить из-за меня! Знала бы я, что доставлю кому-то столько неприятностей, ни за что не приезжала бы. – Бинодини изобразила на лице глубокое страдание и, будто с трудом удерживая слезы, быстро вышла.

У Бихари мелькнула мысль, что, может, он напрасно так плохо думает об этой женщине.

В тот же день к Мохендро пришла взволнованная Раджлокхи.

– Мохим, Бинодини просит отпустить ее домой, – сказала она.

– Почему, ма, разве ей плохо здесь?

– Нет, конечно. Но Бинодини говорит, что люди могут осудить ее за то, что она, молодая вдова, так долго живет в чужом доме.

– Значит, этот дом уже стал ей чужим! – обиженно заметил Мохендро.

Бихари сидел тут же, и Мохендро сердито взглянул на него. Бихари с раскаянием подумал о том, что вчера своими словами, очевидно, причинил боль Бинодини.

Аша и Мохендро разыскали Бинодини и принялись дружески упрекать ее.

---

²³ *Онтохпур* – женская половина дома.

– Как ты можешь считать нас чужими, сестра, – говорила Аша.
– Столько времени жили как свои, и вдруг мы оказались чужими для тебя! – вторил ей Мохендро.

– Но вы не можете держать меня здесь вечно...

– Мы не посмели бы...

– Зачем только мы так привязались к тебе! – воскликнула Аша.

– Все равно через несколько дней я уеду, так стоит ли обманывать себя, – сказала Бинодини, при этом смущенно взглянув на Мохендро.

В тот день так ничего и не решили.

– Биноди-ботхан! Зачем вы говорите об отъезде? – сказал ей Бихари на следующий день. – Я немного виноват перед вами. Но не надо так наказывать меня!

– Вы ни в чем не виноваты, – отвернувшись, проговорила Бинодини. – Во всем виновата моя судьба.

– Если вы уедете, я буду думать, что вы сделали это из-за меня.

В нежных глазах Бинодини появилось умоляющее выражение.

– Ну скажите сами, разве должна я остаться?

Бихари растерялся. Как мог он сказать, что она должна остаться?

– Разумеется, когда-нибудь вам нужно будет уехать, но ничего страшного не случится, если вы еще немного задержитесь, – сказал он наконец.

Бинодини опустила глаза.

– Вы все так уговариваете меня, что мне трудно послушаться. Но это очень жестоко с вашей стороны.

Крупные слезы задрожали на ее густых длинных ресницах.

Бихари совсем растерялся.

– За это короткое время вы всех успели покорить своими редкими достоинствами, – заговорил он, – поэтому никто не желает расставаться с вами. Не подумайте ничего плохого, Биноди-ботхан, но кому захочется добровольно отпустить такую Лакшми!

Закутанная в покрывало Аша, которая сидела тут же, принялась поспешно вытирать глаза краем своего сари.

После этого разговора Бинодини больше не заводила речи об отъезде.

Глава 17

Для того чтобы окончательно забыть о размолвке, Мохендро предложил в воскресенье устроить прогулку за город. Аша пришла в восторг от этой затеи, но Бинодини ни за что не соглашалась принять участие в прогулке. Аша и Мохим приуныли. Они недоумевали, почему Бинодини стала сторониться их.

Вечером, когда пришел Бихари, Бинодини сразу же сказала ему:

– Бихари-бабу, Мохим предлагает устроить пикник в Домдома́, а я не соглашаюсь ехать с ними. И вот из-за этого они оба сердятся на меня с самого утра.

– И правильно делают, что сердятся, – ответил Бихари, – без вас из их прогулки такое получится, что и врагу не пожелаешь.

– Поедемте с нами, Бихари-бабу, – вдруг оживилась Бинодини. – Тогда я тоже поеду.

– Предложение заманчивое! Но ведь это затея Мохендро, а еще неизвестно, что он скажет!

И муж и жена были очень недовольны непонятным единодушием Бихари и Бинодини. У Мохендро моментально испарился весь его энтузиазм. Ему так хотелось, чтобы Бихари раз и навсегда понял, как неприятен он Бинодини. Но вслух Мохендро сказал:

– Что ж, хорошо, очень хорошо. Но послушай, Бихари, ни одна твоя поездка еще не обходилась без происшествий. Неизвестно, что взбредет тебе на ум. Ты можешь притащить к нам в компанию какого-нибудь местного князька или затеять ссору с европейцем!

Заметив недовольство Мохендро, Бихари усмехнулся про себя.

– Ну, это все невинные шутки – с кем такого не бывает, – сказал он. – Конечно, трудно знать заранее, какая может случиться неприятность. Биноди-ботхан, выезжать надо на рассвете, я приду точно в назначенный час.

Когда в воскресенье рано утром Бихари явился с огромной тяжелой корзиной, двуколка для слуг и вещей и экипаж для хозяев уже стояли у ворот.

– Что это ты притащил? – проворчал Мохендро. – В двуколке нет места.

– Не волнуйся, дада, я все устрою, – отозвался Бихари.

Бинодини и Аша сразу сели в экипаж, а Мохендро все медлил, не зная, куда усадить Бихари. Тем временем Бихари укрепил корзину наверху экипажа, а сам уселся на козлы. Мохендро облегченно вздохнул: «Хорошо, что он не сел в экипаж, а то выкинул бы еще какую-нибудь штуку».

– Вы не свалитесь оттуда, Бихари-бабу? – забеспокоилась Бинодини.

– Не волнуйтесь, падения и обмороки не в моих привычках!

Едва экипаж тронулся, как Мохендро сказал:

– Лучше я пересяду наверх, а Бихари пусть идет сюда.

Аша испуганно ухватилась за чадор мужа:

– Нет, нет! Не надо!

– Зачем вам это? – поддержала ее Бинодини. – Вы ведь не привыкли ездить на козлах, еще упадете!

– Упаду? – вспыхнул Мохендро. – Никогда!

– Вы обвиняли Бихари, но теперь я вижу, что любите происшествия не меньше его!

Мохендро обиделся.

– Ладно, – сказал он, – не будем спорить. Пусть Бихари идет сюда, а я возьму себе другой экипаж.

– Тогда и я с тобой! – заявила Аша.

– А мне что прикажете, спрыгнуть на ходу? – спросила Бинодини.

На этом разговор прекратился. Всю дорогу Мохендро сидел мрачный. Наконец экипаж прибыл в Домдома. Двуколка с вещами и слугами еще не прибыла, хотя ее отправили гораздо раньше.

Стояло ясное осеннее утро. Солнце уже поднялось, и роса на траве высохла, но влажная листва деревьев еще блестела в солнечных лучах. Вдоль ограды тянулись ряды деревьев шефали, под ними расстился ковер душистых цветов.

Вырвавшись на простор из каменных оков Калькутты, Аша резвилась, как лань. Вместе с Бинодини они собирали цветы, рвали плоды и ели их, сидя под деревом. И мягкий солнечный свет, и тень деревьев, и цветущие кустарники – все вокруг, казалось, радостно встрепенулось от безудержной веселости двух молодых женщин. Подруги вернулись с купанья, а двуколки со слугами все еще не было. Мохендро сидел в кресле на веранде бунгало и с упрямым видом читал объявления какой-то иностранной фирмы.

– А где же Бихари-бабу? – спросила Бинодини.

– Не знаю! – буркнул Мохендро.

– Пойдемте поищем его.

– Никто его не похитит, будьте спокойны! Сам найдется.

– А может, он разыскивает вас, боится, как бы не пропало такое сокровище. Надо пойти успокоить его.

Они нашли Бихари под огромным баньяном, который рос у самого пруда. Под ним Бихари распаковал свою корзину, вынул оттуда таганок и вскипятил воду. Когда все подошли, он гостеприимно усадил их на плетеную скамью, подал чай и сладости на небольшом подносе.

Бинодини то и дело повторяла:

– Какое счастье, что Бихари-бабу обо всем позаботился. Что случилось бы с Мохендро-бабу без чая!

Мохендро с удовольствием пил чай, однако не преминул сказать:

– Вечно этот Бихари хочет отличиться. Мне хотелось устроить настоящий пикник, а у него, оказывается, уже готов завтрак, как в городе. Никакого удовольствия!

– Тогда давай сюда свою чашку, Мохим, – откликнулся Бихари, – развлекайся голодный, мы не будем тебе мешать.

Время шло, а слуг все не было. Из корзины Бихари стали появляться на свет различные припасы. Извлекли рис, горох, овощи и разные приправы в маленьких бутылочках. Бинодини удивилась:

– Бихари-бабу, вы и нас, хозяек, превзошли. У вас ведь нет женщин в доме – где вы научились всему этому?

– Жизнь научила, – ответил Бихари. – Приходится самому о себе заботиться, больше никому.

Бихари сказал это шутя, но Бинодини вдруг загрустила и кинула на него взгляд, полный сочувствия.

Бихари и Бинодини занялись стряпней. Когда Аша делала робкие попытки помочь, Бихари отстранял ее. Ничего не смысливший в хозяйстве Мохендро даже не пытался помогать. Он прислонился к дереву и, закинув ногу на ногу, следил за пляской солнечных зайчиков на трепетавшей листве баньяна.

Когда стряпня подходила к концу, Бинодини сказала:

– Мохендро-бабу, все равно вам не сосчитать всех листьев на дереве, идите искупайтесь.

В это время прибыли наконец слуги с провизией. Оказывается, по дороге у двуколки сломалось колесо.

Наступил полдень.

После обеда решили расположиться под деревом и сыграть в карты. Но Мохендро наотрез отказался, сел в тени и задремал. Аша ушла отдохнуть в бунгало.

– Что ж, я, пожалуй, тоже пойду, – натягивая на голову край сари, сказала Бинодини.

– Не уходите, поболтаем немного, – предложил Бихари. – Расскажите мне о ваших родных местах.

Жаркий полуденный ветер шелестел в ветвях деревьев, временами доносился крик кукушки. Бинодини стала рассказывать о своем детстве, о родителях, о подругах детских лет. Пока она говорила, сари постепенно соскользнуло с ее головы. Тень светлых воспоминаний детства легла на ее лицо, сделала черты его мягче, чуть притушила огонь молодости, сверкавший в ее глазах. Насмешливые и пронизательные, эти глаза всегда вызывали у Бихари смутное недоверие. Но сейчас, когда их темное пламя померкло, превратившись в спокойное сияние, ему показалось, что перед ним не Бинодини, а другой человек. Под этой ослепительно сверкающей оболочкой билось нежное, чувствительное сердце; неудержимое желание нравиться не иссушило душу этой женщины.

Раньше Бихари не мог представить себе Бинодини в роли скромной, преданной жены или добродетельной матери, держащей на коленях ребенка. Но сейчас перед ним на мгновение словно открылся занавес, и он увидел непривычное зрелище: счастливый домашний очаг. «Бинодини кажется легкомысленной, но в сердце ее живет суровая отшельница, – подумал Бихари и с глубоким вздохом сказал себе: – Ни один человек по-настоящему не знает самого себя. Лишь создателю это доступно. Для окружающих же человек таков, каким проявляет себя в решающие моменты своей жизни».

Бихари не прерывал рассказа Бинодини, – наоборот, он задавал ей вопросы, стараясь продлить беседу. Никогда еще Бинодини не встречала человека, который умел бы слушать, как Бихари. И, конечно, ни одному мужчине не рассказывала она обо всем так просто и легко. Они разговаривали вполголоса, и Бинодини всем существом своим чувствовала, что после этой откровенной беседы стала чище, – словно омылась в прозрачном потоке.

Мохендро не привык вставать так рано и проспал до пяти часов.

– Пора возвращаться! – раздраженно сказал он, проснувшись.

– Поедем попозже, – заметила было Бинодини.

– Вам, видимо, хочется попасть в руки пьяных европейцев?

Пока собирались, совсем стемнело. Наконец появился слуга и сообщил, что экипаж, на котором они приехали, исчез и его нигде не могут отыскать. Оказалось, экипаж ожидал их у входа в парк, но двое белых заняли его и заставили кучера везти их к станции.

Пришлось послать слугу за другим экипажем. Мохендро еще больше нахмурился и все твердил про себя, что день испорчен окончательно. Он был настолько раздражен, что даже не скрывал своей досады.

Тем временем полная луна выбралась из паутины ветвей и засияла в ночном небе. Застывший в безмолвии сад преобразился, весь в бликах света. В этом заколдованном мире Бинодини испытала странное чувство. И когда в тенистой аллее она обняла Ашу, в ее ласке не было обычной фальши. Аша заметила слезы на глазах подруги и с беспокойством спросила:

– Что с тобой, милая моя Песчинка, почему ты плачешь?

– Ничего, Аша, все хорошо. Просто мне очень понравился сегодняшний день.

– Чем же?

– Знаешь, мне сейчас кажется, что я умерла и попала в совершенно иной мир.

Аша удивилась, ничего не поняла, только, услышав о смерти, испуганно вскрикнула:

– Что ты! Что ты! Не смей так говорить.

Наконец разыскали экипаж. Бихари снова взобрался на козлы. Бинодини молча смотрела в окно. Залитые лунным светом деревья густым черным потоком бежали перед ее глазами. Всю дорогу Мохендро сидел мрачный и злой.

Глава 18

После пикника Мохендро захотелось вернуть потерянное расположение Бинодини. Но на следующий день у Раджлокхи началась инфлюэнца – болезнь не серьезная, но вызывавшая слабость и недомогание. Бинодини ни днем ни ночью не отходила от ее постели.

– Так вы и сами скоро сляжете, – заметил ей Мохендро. – Я найму человека для ухода за матерью.

– Не вмешивайся, Мохим, – уговаривал его Бихари, – она хочет заботиться о больной, пусть заботится. Разве сможет кто-нибудь другой так ухаживать за Раджлокхи?

Мохендро стал часто заглядывать к больной матери. Трудолюбивая Бинодини терпеть не могла, когда человек сам ничего не делал и другим мешал. Не раз в сердцах она говорила Мохендро:

– Все равно здесь от вас никакой пользы нет. Шли бы лучше на занятия, зачем напрасно время терять!

Бинодини было приятно, что Мохендро ходит за ней по пятам, но она презирала его за то, что даже у постели больной матери он мог думать только о своем увлечении. Когда Бинодини должна была выполнить какое-нибудь дело, она забывала обо всем остальном. Касалось ли это стряпни, ухода за больными или хозяйства – никто не мог бы упрекнуть Бинодини в невнимательности. За работой она никогда не думала ни о чем постороннем.

Часто заходил Бихари справиться о здоровье Раджлокхи. Едва войдя в комнату, он сразу замечал, что нужно сделать, чего не хватает, и быстро сделав то, что следовало, уходил. Бинодини видела, с каким уважением относится он к ее заботам о Раджлокхи, поэтому приходы Бихари стали для нее своего рода наградой.

Мохендро теперь регулярно посещал занятия, но делал это с каким-то ожесточением. У него постоянно было плохое настроение, которое усугублялось беспорядком в доме. С тех пор как Бинодини полностью посвятила себя уходу за больной, еда подавалась не вовремя, кучер куда-то исчезал, на носках появились дырки; но теперь это не казалось Мохендро забавным, как прежде. Он понял, как удобно, когда все необходимое под рукой и каждая вещь в порядке. Его больше не забавляли нерасторопность и неумение Аши.

– Чуни, сколько раз я говорил тебе, чтобы моя одежда, когда я иду купаться, была приготовлена и запонки пристегнуты, но, видно, толку от тебя не добьешься! После купанья я трачу целых два часа на то, чтобы разыскать все необходимое.

Бледнея от стыда, Аша виновато проговорила:

– Я сказала слуге.

– Могла и сама позаботиться. Ах, если бы ты хоть что-нибудь умела!

На Ашу эти слова подействовали как гром среди ясного неба. Никогда еще Мохендро не отчитывал ее так. Она могла сказать ему, что он сам мешал ей учиться хозяйничать, что для всего нужны навыки и опыт, но ей и в голову не пришло оправдываться. Она сама считала себя неспособной, даже тупой, не годной ни на какое дело. И когда Мохендро, рассердившись, поставил ей в пример Бинодини, она приняла это покорно и без ревности.

Аша слонялась возле комнаты больной свекрови, иногда подходила к двери и в нерешительности останавливалась у порога. Ей так хотелось стать полезной, сделать что-нибудь, но никто не нуждался в ее помощи. Аша не знала, за что взяться, как найти свое место в доме. Смущенная собственной беспомощностью, она оставалась в стороне от семьи. С каждым днем терзания бедной женщины становились все невыносимее. Она не отдавала себе ясного отчета в своих страхах, смутных опасениях. Чувствовала, что собственными руками губит свое счастье, но как это случилось, почему все вокруг рушится, этого она не знала. Бывали

минуты, когда ей хотелось закричать в исступлении: «Ну да, я недостойная, неспособная, – другой такой тупицы нет на свете!»

Раньше Аша и Мохендро любили уединяться в каком-нибудь укромном уголке дома. Иногда они разговаривали, иногда молчали, но всегда бывали счастливы. Теперь же, когда не было Бинодини и Мохендро приходилось оставаться с глазу на глаз с Ашей, он не знал, о чем говорить с ней. Наступало тягостное молчание.

– Кому это письмо? – спросил однажды Мохендро привратника, увидев в его руке конверт.

– Бихари-бабу.

– Кто передал?

– Госпожа Бинодини.

– Дай-ка сюда.

Мохендро взял письмо. Как ему хотелось вскрыть его! Но, повертев конверт в руках, он небрежно вернул его привратнику. Если бы он открыл письмо, то прочел бы там: «Тетя не хочет есть ни ячменя, ни саго. Можно ли дать ей гороховый суп?» Бинодини никогда не обращалась к Мохендро с такого рода вопросами, она полагалась только на Бихари.

Некоторое время Мохендро беспокойно ходил взад и вперед по веранде. Потом пошел в комнату и тут заметил, что у одной из картин почти перетерлась веревка и картина висит криво.

– Ничего ты не видишь! – резко бросил он Аше. – Так все в доме скоро пойдет прахом.

Букет, который Бинодини поставила в бронзовую вазу после пикника, давно уже завял, но никто его не выбрасывал. В другое время Мохендро не заметил бы этого, но только не сегодня!

– Бинодини не выбросила, значит, больше некому! – крикнул он и, схватив вазу с цветами, швырнул ее за дверь. Было слышно, как она со звоном покатила по ступеням.

«Почему Аша не такая, какой я бы желал ее видеть? Почему она все делает не так, как я хочу? Почему она бесхарактерна и не может взять верх в супружеской жизни, а всегда во всем лишь потакает мне?» Так думал Мохендро в ту минуту. Вдруг Аша побелела, губы ее задрожали, и она с плачем выбежала из комнаты.

Мохендро медленно вышел, поднял вазу и поставил ее на место. Потом он сел в кресло у стола и долго сидел так, опустив голову на руки.

Сгустились сумерки, в комнату внесли лампу. Аша все не приходила. Мохендро поднялся на крышу и стал там нетерпеливо расхаживать. Пробило девять, в полупустом доме стало тихо, как ночью. Аша все не шла. Наконец Мохендро послал за ней. Послышались нерешительные шаги, и, войдя, Аша остановилась у двери. Мохендро подошел и привлек ее к себе, Аша судорожно разрыдалась на груди мужа. Она не могла остановиться, слезам, казалось, не будет конца, плач переходил в громкие рыдания, Аша и не пыталась удержать их. Прижав жену к груди, Мохендро целовал ее волосы...

С темного неба на них смотрели притихшие звезды.

Ночью Мохендро сказал ей:

– У нас начинаются ночные дежурства, поэтому на некоторое время мне придется поселиться недалеко от колледжа.

«Все еще сердится, – подумала Аша. – Неужели он уходит оттого, что рассердился на меня? Это я своей глупостью выживаю мужа из дома! Лучше бы мне умереть!»

Но по тому, как Мохендро держался, не было заметно, чтобы он продолжал сердиться на нее. Долго, не говоря ни слова, он прижимал к груди жену, распустил ее косы и перебирал пряди волос. Раньше, в те счастливые далекие дни, Мохендро часто вот так же, как теперь, распускал ей волосы, хотя она и противилась этому. Сегодня Аша не сопротивлялась. Она

замерла от счастья. Вдруг ей на лоб упала слеза, и она услышала прерывающийся от нежности голос Мохендро:

– Чуни!

Аша молча обвила руками его шею.

– Я виноват перед тобой, прости меня.

Прикрыв рот мужа своей гибкой и нежной, как цветок кусума, рукой, Аша сказала:

– Нет, нет, не говори так! Ты не виноват. Я сама причина всех бед. Накажи меня, как свою служанку, – только позволь мне остаться у ног твоих.

На заре, перед тем как уйти, Мохендро сказал:

– Чуни, сокровище мое, ты одна будешь царить в моем сердце, никому я не позволю вытеснить тебя оттуда.

Тогда Аша, решившись мужественно перенести разлуку с мужем, предъявила ему свое скромное требование.

– Пиши мне каждый день по коротенькому письму, хорошо?

– А ты будешь отвечать?

– Разве я сумею!

Мохендро ласково потянул ее за локон.

– Лучше, чем сам Окхойкумар Дотто, автор «Чарупатха». Это будет для меня поистине «приятное чтение»²⁴.

– Перестань, не смейся надо мной, – воскликнула Аша.

Перед тем как проводить Мохендро, Аша, как умела, принялась укладывать его вещи. С теплыми вещами пришлось намучиться, в чемодан они вообще не влезали. С грехом пополам, вдвоем, они кое-как управились. Однако то, что поместилось бы в одном чемодане, заняло два. Оставшиеся вещи они увязали отдельными свертками. Аше было стыдно своего неумения, но эти шумные сборы и шуточные пререкания, казалось, перенесли их к счастливым ушедшим дням. Она позабыла даже, что это – приготовления к отъезду. Кучер уже раз десять напоминал Мохендро, что экипаж подан, но тот пропускал его слова мимо ушей. В конце концов Мохендро приказал ему распрячь лошадей.

Утро сменилось днем, день – вечером. Только тогда, после взаимных наставлений беречь здоровье и обещаний непременно писать друг другу, супруги нежно распрощались.

Еще накануне Раджлокхи поднялась с постели. Сегодня, завернувшись в теплую шаль, она играла в карты с Бинодини и выглядела совсем здоровой. Мохендро вошел в комнату и, даже не взглянув на Бинодини, сказал:

– Ма, у нас начинаются ночные дежурства, и я временно поселюсь недалеко от колледжа. Сегодня я переезжаю.

– Поезжай, – обиженно отвечала Раджлокхи, – раз это нужно для занятий. Зачем тебе оставаться дома?

Узнав, что Мохендро уезжает, Раджлокхи снова почувствовала себя больной и слабой.

– Передай мне подушку, дочка, – обратилась она к Бинодини.

Раджлокхи прилегла, и Бинодини стала растирать ей ноги.

Мохендро хотел проверить пульс, но мать отстранила его:

– Пульс очень слабый, ты не найдешь его. Но я здорова, не беспокойся.

В изнеможении она откинулась на подушки.

Мохендро низко склонился перед Раджлокхи и ушел, так и не сказав Бинодини ни слова на прощанье.

---

²⁴ Это будет для меня поистине «приятное чтение» – намек на буквальное значение слова «Чарупатх», что значит «приятное чтение».

Глава 19

Бинодини недоумевала. «Что это? Обида, досада или страх? – спрашивала она себя. – Хочет показать, что я ему безразлична? Уезжает. Что ж, посмотрим, сколько он выдержит!»

На душе у Бинодини было беспокойно. Лишившись возможности поддразнивать Мохендро, она почувствовала растерянность. Домашние дела потеряли для нее всякую привлекательность. Аша тоже стала ей безразлична. Нежность Мохендро к Аше всегда больно ранила лишнюю радость любви Бинодини. Поэтому отъезд Мохендро вызвал в ней и досаду, и жгучую радость. Бинодини не могла как следует разобраться, любит она или ненавидит Мохендро, ведь это из-за него она потеряла свое место в жизни. Ради глупенькой, пустой Аши Мохендро отверг такую женщину, как она. Бинодини еще не знала, будет она жестоко мстить или отдаст ему свое сердце. Мохендро зажег в ее душе пламя, но она не могла понять, было то пламя ненависти или любви, или и то и другое вместе.

«Ни одной женщине, наверное, не случалось бывать в таком положении, – говорила она себе с горькой усмешкой. – Сама ведь не знаю, чего мне больше хочется: погибнуть или его погубить». Но в обоих случаях ей нужен был Мохендро. Ее огненная, напоенная ядом стрела настигнет его повсюду. «Куда он уйдет? Он вернется! Он мой!» – повторяла Бинодини, глубоко вздыхая.

Вечером под предлогом уборки Аша пробралась в комнату мужа. Она протерла кресло, спинка которого была вся в пятнах от напомаженной головы Мохендро, вытерла заваленный бумагами стол, книги, картины. Так, перебирая вещи Мохендро, перекладывая их с места на место, Аша коротала этот одинокий вечер. Бинодини тихо вошла и стала рядом с ней. Аша немного смутилась, перестала убирать и сделала вид, будто что-то ищет.

– Что с тобой, дорогая? – с серьезным видом спросила Бинодини.

– Ничего. – Аша скривила губы в улыбке.

Тогда Бинодини обняла ее и спросила:

– Скажи мне, почему твой муж так внезапно уехал?

Аша вздрогнула.

– Ты же знаешь. Уехал потому, что ему нужно быть в колледже...

Бинодини взяла Ашу за подбородок и, как будто с искренним сочувствием, долго и внимательно всматривалась в ее лицо. Потом глубоко вздохнула.

Сердце Аши сжалось. Она ведь считала себя глупой, а Бинодини – умницей! Когда Аша увидела выражение лица Бинодини, весь мир померк в ее глазах. Она не решалась ни о чем расспрашивать и молча опустила на тахту. Бинодини села рядом, крепко обняла ее и прижала к своей груди. Тут Аша не выдержала и разрыдалась. Под окнами слепой нищей пел под аккомпанемент тамбурина:

О, благослови меня, мать!

О, спаси, избавленья дающая!

Пришел Бихари. Он хотел зайти в комнату Мохендро, но замер на пороге, увидев Ашу, плачущую в объятиях Бинодини, которая нежно утирала ей слезы. Бихари поспешил войти в соседнюю пустую комнату и там сел, обхватив голову руками. Он пытался догадаться, почему Аша плачет. Какое чудовище заставило плакать ее, эту девочку, которая никому не может причинить зла! Он видел, как утешала ее Бинодини, и еще раз поверил в то, что ошибся в этой женщине.

«Участлива, внимательна, бескорыстно верна подруге – настоящая богиня, сошедшая на землю», – думал он.

Бихари долго сидел в темноте. Наконец, когда песня слепого за окном смолкла, он, покашливая, появился на пороге комнаты. Аша накинула на голову покрывало и торопливо скрылась в онтохпуре.

Едва Бихари вошел, как Бинодини воскликнула:

– Что с вами, Бихари-бабу? Не больны ли вы?

– Нет.

– Почему же у вас красные глаза?

– Биноди-ботхан, куда делся Мохендро? – спросил Бихари, не отвечая на ее вопрос.

Бинодини сразу сделалась серьезной.

– Я слышала, у него много работы в больнице, поэтому он сейчас поселился недалеко от колледжа. Разрешите мне пройти, Бихари...

По рассеянности Бихари продолжал стоять на пороге, загоразивая выход. Он очнулся от своих мыслей и поспешно отошел в сторону. Только сейчас ему вдруг пришло в голову, что разговаривать с Бинодини во внешней половине дома, в вечернее время, да еще наедине просто неприлично. Что подумают люди? Бинодини уже собиралась выйти, когда Бихари торопливо сказал:

– Биноди-ботхан, берегите Ашу. Она так простосердечна, ей и в голову не придет обидеть кого-нибудь, она даже себя не умеет уберечь от ударов судьбы...

В темноте Бихари не видел, как молния ненависти скользнула по лицу Бинодини. Наконец-то она поняла, что Бихари сочувствует одной только Аше! Бинодини для него – ничто! Защищать Ашу, убирать тернии с пути Аши, заботиться о счастье Аши – этим он только и дышит! Уважаемый господин Мохендро женился на милой Аше, которая «так простосердечна», поэтому Бинодини должна дичать среди обезьян в джунглях Барашата! Уважаемый господин Бихари не может видеть слез на глазах невинной Аши, поэтому Бинодини должна быть всегда готова утирать ей слезы! О, когда-нибудь она заставит и этого Мохендро, и этого Бихари ползать за ней в пыли вместе с ее тенью!

Аша – и Бинодини! Разве можно их сравнивать! Злая судьба не дала красоте Бинодини одержать полной победы ни над одним мужским сердцем, и раскаленные стрелы этой красоты сделались теперь смертельными.

– Будьте спокойны, Бихари-бабу, – ласково сказала Бинодини. – Я позабочусь о моей Аше.

Глава 20

Прошло несколько дней, и в студенческое общежитие, где поселился теперь Мохендро, на его имя пришло коротенькое письмо, написанное знакомым почерком. Он не стал читать его днем, среди шума и суеты, а спрятал в карман, ближе к сердцу. В течение дня, слушая лекции и делая обход по палатам, он все время помнил, что на его груди дремлет крылатая вестница любви. Стоит только разбудить ее – и она пропоет Мохендро свою прекрасную песню.

Вечером у себя в комнате Мохендро зажег лампу и с чувством облегчения опустил в кресло. Он вынул из кармана согретое теплом собственного тела письмо, какое-то время не открывал его, внимательно разглядывая надпись на конверте. Он знал заранее, что в письме нет ничего особенного. Аша не умела хорошо выражать то, что чувствовала. По неровным буквам и кривым строчкам можно было только догадаться о тех нежных словах, которые теснились в ее сердце. Читая свое имя, старательно выведенное неуверенной рукой, он словно слышал какую-то мелодию, – это была вечная песня женского сердца, песня любви, долетавшая, казалось, с заоблачных высот.

За несколько дней разлуки Мохендро совершенно забыл о мучительной натянутости последних встреч с Ашей, и счастливые воспоминания о ее бесхитростной нежности снова засияли перед ним. Забыл Мохендро и о беспорядке в домашних делах, который особенно раздражал его последнее время, и теперь перед его восторженным взором стоял образ Аши, озаренный чистым светом любви и радости.

Очень осторожно Мохендро разорвал конверт, вынул письмо и приложил его ко лбу. Как-то он подарил Аше духи, и сейчас их аромат, словно вздох любимой, донесся до него. Мохендро стал читать. Что это? Почерк, конечно, скверный, но зато как безупречен стиль! Буквы неровны – но слова?!

«Любимый, – писала Аша, – не знаю, зачем этим письмом я напоминаю тебе о той, из-за которой ты уехал, чтобы забыть ее. Лиана, которую ты оторвал от своей одежды и отшвырнул прочь, позабыв стыд, снова пытается уцепиться за тебя. О, зачем она не превратилась в пыль!

Если бы это случилось, о таком пустяке и горевать не стоило бы, господин мой! Но, может, иногда ты хоть вспоминал бы о ней. Может, пожалел бы немного. Твое равнодушие ранит меня, как нож, вонзенный в сердце. Ночью ли, днем ли, за любым делом, среди любых забот я чувствую эту боль. Дай лекарство, которое помогло бы мне забыть так, как позабыл ты!

Господин мой, виновата ли я, что ты полюбил меня? Мне и во сне не снилось такое счастье. Да и кто я такая, откуда я взялась, чтобы осмелиться стать твоей женой?

Если бы ты не пожелал видеть меня, если бы пришлось мне, как рабыне, прислуживать тебе, без надежды на награду, я и тогда не стала бы жаловаться. Какие несуществующие достоинства открыл ты во мне, дорогой мой, за что полюбил меня? А если уж суждено было в ясный день сверкнуть молнии, то почему она лишь обожгла меня? Почему не обратила в пепел душу мою и тело?

За эти два дня я много выстрадала, много передумала, но одного так и не поняла: неужели ты не мог избавиться от меня, оставаясь дома? Совершенно незачем было уезжать куда-то. Разве я стесняю тебя? В самом дальнем углу твоего дома скрылась бы я – и никогда не попала бы тебе на глаза.

Зачем же, зачем ты ушел из дома? Лучше уйти мне, – из неизвестности я появилась, в неизвестности и скроюсь...»

Мохендро знал, кто автор этих строк. Ошеломленный, он застыл с письмом в руках. Мысли его неслись по строчкам, как поезд, отталкивались от них и спутывались в какой-то

удивительно сложный невообразимый клубок. Долго сидел он в задумчивости, потом снова перечитал письмо. Зарницы, которые раньше вспыхивали где-то в дальнем уголке его сознания, сделались близкими и яркими. Огненный след кометы, тенью мелькнувшей в небе его жизни, теперь стал отчетливо виден.

Письмо принадлежало Бинодини. Наивная Аша думала, что пишет от себя. После того как она переписала сочиненное Бинодини письмо, новые и неожиданные мысли пустили глубокие корни в ее душе. Чужие слова Аша приняла за свои собственные. Никогда не удалось бы ей самой так красиво рассказать о своих переживаниях!

«Как правильно поняла Бинодини мои самые сокровенные мысли!» – думала Аша. И она стала еще больше нуждаться в любимой подруге, потому что все ее горести Бинодини умела выразить словами, без нее Аша чувствовала себя беспомощной.

Мохендро поднялся с кресла и нахмурил брови, пытаясь заставить себя рассердиться на Бинодини, но на самом деле он был зол на Ашу: «Подумать только, какая глупость! Тоже – вздумала влиять на мужа!» Он опустил в кресло и в третий раз стал перечитывать письмо. Окончив его, Мохендро почувствовал, что из глубины его сердца поднимается ликование. Напрасно он пытался убедить себя, что читает письмо от Аши, слог письма выдавал его тайну. Стоило Мохендро прочесть несколько строк, как наплывали пьяняще-радостные мечты и, словно вино, кружили голову. Свет любви – туманный и яркий, отгаликивающий и манящий, нежный и опасный, дерзкий и робкий – сводил Мохендро с ума. Ему захотелось изрезать себя ножом или одурманить вином, чтобы только не думать об этом. Внезапно он вскочил с кресла и, ударив кулаком по столу, закричал:

– Прочь от меня! Прочь! Я сожгу его!

Он поднес письмо к огню... но не сжег, а перечитал еще раз.

На следующий день слуга долго смахивал со стола пепел от сожженных бумаг. Но это не было письмо Аши. Мохендро жег неудачные варианты ответного послания.

Глава 21

Скоро пришло еще одно письмо. «Ты не ответил мне? – писала Аша. – Что ж, ты поступил правильно. Правду писать не обязательно. Я поняла, каков твой ответ. Когда верующий вопрошает бога, то разве бог отвечает словами? Послания несчастной уже лежат у ног владыки. Пусть не гневается властелин моего сердца, если приношения его вечной рабы прервут его благочестивые размышления. Откликнешься ты или нет, захочешь открыть глаза и понять все или не захочешь, иного пути для того, чтобы понять друг друга, у нас нет. Поэтому и написала я тебе эти письма. Что ж, суровый мой владыка, оставайся непреклонным, если можешь».

Мохендро снова принялся составлять ответ. Письмо адресовал он Аше, но из-под пера сами собой выходили слова, обращенные к Бинодини. Скрыть же истинное назначение письма и схитрить он не мог. Просидев до глубокой ночи и изорвав кучу бумаги, он наконец написал несколько строк. Но когда Мохендро уже готов был надписать на конверте имя Аши, ему вдруг показалось, будто его ударили хлыстом и чей-то голос воскликнул: «Чудовище! Так обманывать ни в чем не повинную девочку!» Мохендро разорвал письмо на тысячи клочков и остаток ночи просидел за столом, закрыв лицо руками, словно пытаясь спрятаться от себя самого.

Через несколько дней пришло третье письмо. «Кто не умеет быть гордым, тот, наверное, не достоин любви. Разве смею я предлагать тебе свою любовь, если не могу уберечь ее от презрения и унижений? Может, я стала так дерзка с тобой потому, что не совсем тебя понимаю. Поэтому, когда ты уехал, я первая послала письмо. Ты молчал, но я продолжала писать и высказала все, что было у меня на сердце. Если я ошиблась – разве одна я в этом виновата? Подумай сам. Неужели ты еще не понял того, что мне давно уже ясно?

Как бы там ни было, права я была или нет, написанного не сотрешь. Сделанного не исправишь. А жаль! Так что, видишь, и женщины порой испытывают чувство сожаления. Не думай, что тот, кто любит, может без конца унижать свое чувство. Не желаешь моих писем – не надо! Если не ответишь – прощай!»

После этого письма Мохендро не мог не вернуться. «Хоть все это и возмутительно, – думал он, – мне следует съездить домой. Пусть Бинодини не думает, что я бежал от нее! Надо же разуверить ее в столь дерзком предположении!»

Пришел Бихари. При виде его тайная радость Мохендро возросла. Последнее время он косо поглядывал на Бихари и в душе ревновал его. Они уже не были, как прежде, друзьями. Теперь же, после всех этих писем, Мохендро отбросил свои подозрения и радостно приветствовал друга. Он бросился ему навстречу, хлопнул его по плечу, взяв за руку, усадил в кресло.

Но лицо Бихари было пасмурно. «Бедняга, – подумал Мохендро, – он, наверное, часто бывал у нас в доме, встречался с Бинодини и слышал от нее, конечно, одни колкости».

– Ты был у нас, Бихари? – спросил он.

– Я только сейчас оттуда, – без улыбки ответил Бихари.

Представив себе страдания Бихари, Мохендро оживился. «Несчастный! – подумал он. – Женщины совсем лишили его своего расположения!» И Мохендро незаметно потрогал карман, где лежали письма.

– Ну как там все? – спросил он.

– Зачем ты ушел из дому?

– Теперь у нас часто ночные дежурства, а ездить из дому неудобно.

– Раньше тоже бывали дежурства, но я что-то не помню, чтобы ты уходил.

– У тебя, кажется, какие-то подозрения? – рассмеялся Мохендро.

– Я не шучу, тебе нужно сейчас же возвратиться домой.

Всего минуту назад Мохендро и сам так думал. Но после слов Бихари он вдруг решил убедить себя, что ему вовсе не нужно возвращаться.

– Что ты, Бихари, – возразил он, – тогда у меня пропадет целый учебный год.

– Мохим! Я знаю тебя с детства, и не пытайся обманывать меня! Ты поступаешь нехорошо.

– А что я делаю, господин судья?

Бихари потерял терпение:

– Послушай, Мохим, ты всегда говоришь о своем сердце, о своих чувствах, но где сейчас оно, твое сердце?

– Сейчас оно здесь, в больнице.

– Перестань, Мохим, довольно! Ты со мной шутики шутишь, а там Аша места себе не может найти, все плачет.

Мохендро словно кто-то толкнул. Он не думал, что еще кто-то, кроме него, может страдать или радоваться. Опомившись, он спросил:

– Почему же Аша плачет?

– Ты не знаешь? По-твоему, я должен об этом знать? – сердито спросил Бихари.

– Тебе угодно сердиться на то, что твой Мохим не всеведущ, но в этом следовало бы винить не меня, а создателя.

Тогда Бихари подробно рассказал ему о том, что видел. В памяти Бихари так ясно всплыло залитое слезами личико Аши, прильнувшей к груди Бинодини, что голос его дрогнул.

Заметив волнение Бихари, Мохендро изумился. Он всегда был уверен, что у Бихари не может быть никаких увлечений. Когда же это началось? Неужели с того дня, когда друзья приходили смотреть на Ашу в дом ее дяди? Бедняга Бихари! Но хотя Мохендро про себя и назвал Бихари «беднягой», жалости к нему он не испытывал, ему даже стало весело. Уж он-то знал, кому навсегда отдано сердце Аши. «Те, что для других желанны, но недоступны, сами льнут ко мне», – подумал Мохендро, и гордость переполнила его сердце.

– Что ж, тогда поедем, – наконец сказал он. – Пойди найми экипаж.

Глава 22

Стоило Аше увидеть Мохендро, и все ее страхи рассеялись как дым. Она вспоминала свои письма и от стыда не смела поднять глаз.

– Как ты могла писать мне такие обидные письма? – с укором сказал ей Мохендро и вытащил из кармана три читанные и перечитанные послания.

– О, пожалуйста, порви их! – взмолилась Аша. Она хотела вырвать листки из рук Мохендро, но он спрятал их в карман.

– Ведь я покинул дом ради занятий, – сказал он, – а ты этого не поняла! Как ты могла усомниться во мне?!

– Прости. – На глазах у Аши выступили слезы. – Это никогда больше не повторится!

– Никогда-никогда?

– Никогда.

Мохендро привлек ее к себе и поцеловал.

– Дай мне письма, я порву их, – попросила Аша.

– Нет, нет, ни за что!

Аша смиренно подумала, что письма он сохранил ей в наказание. Из-за всей этой истории Аша несколько охладела к Бинодини. Она не только не поспешила поделиться с подругой радостным известием о возвращении мужа, но стала избегать ее.

Бинодини заметила это и под тем предлогом, что у нее дела по хозяйству, не появлялась совсем.

«Странно! – размышлял Мохендро. – Я думал, что теперь буду особенно часто видеть Бинодини, а получилось наоборот. К чему же тогда были письма?» И он решил, что не станет пытаться проникнуть в тайну женского сердца. «Если даже Бинодини и будет стремиться к сближению, я навстречу ей шага не сделаю», – говорил он себе. Но потом ему стало казаться, что он поступает неправильно. «Можно подумать, что между нами действительно что-то есть, – пожалуй, лучше восстановить прежние непринужденные отношения и положить конец этой натянутости».

– Что-то подруги твоей не видно, – сказал он как-то Аше.

– Не знаю, почему она не показывается... – равнодушно ответила Аша.

В это время вошла заплаканная Раджлокхи и сказала, что Бинодини просит непременно отпустить ее.

– Почему, ма? – спросил Мохендро, пытаясь скрыть тревогу.

– Откуда мне знать? Но только на этот раз она непреклонна. Ты не умеешь быть внимательным! – воскликнула она. – Как может уважаемая женщина оставаться в чужом доме, если ты не проявляешь по отношению к ней родственных чувств?

Бинодини сидела у себя в спальне и вышивала покрывало, когда вошел Мохендро.

– Песчинка! – окликнул он молодую женщину.

– Что угодно, господин Мохендро? – сухо отозвалась Бинодини.

– С каких это пор Мохендро стал «господином Мохендро»?

– Как же мне называть вас?

– Так же, как и свою подругу, – Песчинка.

Но Бинодини не откликнулась на шутку и продолжала молча шить.

– Мне кажется, это самое подходящее обращение? – вопросительно проговорил Мохендро.

Бинодини наклонилась и, спокойно откусив нитку, сказала:

– Не знаю, вам виднее. – Затем, словно стремясь поскорее закончить этот разговор, проговорила: – Так, значит, вы все-таки вернулись из колледжа!

– Сколько же можно резать мертвецов!

Бинодини снова откусила нитку и, не поднимая головы, проронила:

– А теперь вам, кажется, понадобились живые?

Мохендро подумал было, что сейчас самое время вставить какое-нибудь шутливое замечание. Но на него так подействовала серьезная невозмутимость Бинодини, что он не мог найти нужных слов. Мохендро понял, что Бинодини решила держать его на расстоянии, и это еще больше распалило его. Ему захотелось во что бы то ни стало разрушить возникшую между ними стену. Не ответив на последнюю колкость Бинодини, он сел рядом с ней и спросил:

– Почему вы хотите уехать от нас? В этом виноват я?

Бинодини слегка отодвинулась, подняла голову и, глядя прямо в лицо Мохендро своими огромными лучистыми глазами, сказала:

– У каждого есть свои обязанности. Никто не виноват, что вам пришлось уехать в колледж. Почему бы мне тоже не уехать? Разве у меня не может быть обязанностей?

Мохендро помолчал, не зная, что сказать.

– Что же это за обязанности, – спросил он наконец, – ради которых вы покидаете нас?

– Что за обязанности, это уже мое дело, – заметила Бинодини, осторожно вдевая нитку. – Я не должна давать вам отчет.

Мохендро не ответил и долго сидел в задумчивости, глядя в окно на верхушку пальмы. Бинодини молча шила. Было так тихо, что казалось, иголка упадет – будет слышно. После долгого молчания Мохендро вдруг заговорил снова:

– А если очень вас попросить, вы не уедете?

Бинодини вздрогнула от неожиданности и уколола палец. Слизнув капельку крови, она сказала:

– Зачем просить? Уеду или останусь, не все ли вам равно!

В голосе ее звучала горечь. Низко склонив голову, Бинодини делала вид, что всецело поглощена рукоделием. В уголках ее глаз блестели слезы. Пасмурный день кончился, спускались сумерки. Мохендро вдруг схватил руку Бинодини и, сжав ее в своей, спросил прерывающимся голосом:

– А если мне не все равно, тогда ты останешься?

Бинодини торопливо вырвала руку и отодвинулась. Мохендро стало стыдно своего порыва. Последние слова будто в насмешку все еще звучали в его ушах. Он прикусил язык и умолк.

В комнате воцарилась тишина. Но когда неожиданно вошла Аша, Бинодини, словно продолжая ранее начавшийся разговор, со смехом обратилась к Мохендро:

– Ну, вы достаточно потешили мою гордость, и теперь мне придется выполнять каждое ваше желание. Пусть будет по-вашему, – я останусь в этом доме, пока вы меня сами не выгоните.

Обрадованная тем, что мужу удалось уговорить Бинодини, Аша обняла подругу и сказала:

– Значит – решено! Ну-ка, повтори три раза: «Пока не выгонят, останусь, останусь, останусь!»

Бинодини повторила.

– Но если так, зачем ты просила тебя отпустить? – продолжала Аша. – Ведь все равно пришлось покориться моему мужу.

Тогда Бинодини, улыбаясь, проговорила:

– Ну, уважаемый родственник, как вы считаете, я покорилась или вас покорила?

Мохендро остолбенел. Ему показалось, что вся комната кричит о его вине, и стыд охватил его. Как он теперь сможет спокойно разговаривать с Ашей? Как обратить в шутку свою ужасную растерянность? Дьявольская сеть опутала его, он не знал что сказать.

– Да, поражение потерпел я, – мрачно заметил наконец Мохендро и вышел из комнаты.

Через некоторое время он вернулся и сказал, обращаясь к Бинодини:

– Простите меня.

– Вы ни в чем не виноваты.

– Я не имел права насильно удерживать вас здесь.

– Почему «насильно»? Разве вы применили силу? Я что-то не заметила, – рассмеялась Бинодини. – Вы так ласково, так нежно упрашивали меня остаться. Разве нежность и насилие одно и то же? – обратилась она к Аше.

– Конечно нет, – ответила Аша, принимая ее сторону.

– Я исполняю ваше желание, Мохендро, – продолжала Бинодини. – Мое счастье, что вы не можете обойтись без меня! Таких чутких людей мало на свете! Если уж нашелся такой, который разделяет все мои радости и печали, то зачем же мне самой бежать от него?

Аша заметила, что Мохендро растерянно молчит, и ей стало отчего-то не по себе.

– Кто же переспорит тебя, диди? – сказала она. – Мой муж признал себя побежденным, теперь ты можешь успокоиться.

Мохендро опять поспешно вышел из комнаты. Как раз в это время Бихари после короткого разговора с Раджлокхи разыскивал Мохендро. Увидев его в дверях, Мохендро воскликнул:

– Бихари, если бы ты знал, какая я скотина!

Он говорил так громко, что его слова были услышаны в комнате. Оттуда тотчас же раздался голос Бинодини:

– Господин Бихари!

– Подождите минутку, Биноди-ботхан.

– Идите сюда сейчас же!

Войдя в комнату, Бихари прежде всего бросил быстрый взгляд на Ашу. Насколько позволяло видеть покрывало, которое она поспешно набросила, лицо ее не выражало ни горя, ни грусти. Аша хотела тотчас же уйти, но Бинодини удержала ее.

– Вы с Ашей относитесь друг к другу как жены-соперницы, – сказала она Бихари, – стоит ей вас увидеть, как она почему-то обращается в бегство.

Смущенная Аша сердито подтолкнула подругу.

– Это оттого, что всевышний не создал меня привлекательным, – смеясь, ответил Бихари.

– Слышишь, милая сестра? Господин Бихари, оказывается, очень находчив! Не осуждая твоего вкуса, он всю вину взвалил на всевышнего. Но твоя вина в том, что к деверю, красивому, как Лакшман²⁵, ты не научилась ласково относиться.

– Ну, если вы жалеете меня, Биноди-ботхан, я очень рад, мне больше не о чем грустить.

– Увы! На свете существуют моря, но ведь птица чатака²⁶ почему-то утоляет жажду только дождевой водой!

Аша, вырвавшись от Бинодини, вышла. Бихари тоже хотел уйти, но Бинодини неожиданно спросила:

– Господин Бихари, объясните мне, что творится с Мохендро?

Услыхав этот странный вопрос, Бихари обернулся.

²⁵ Лакшман – один из героев индийской эпической поэмы «Рамаяна». Брат Рамы, сопровождавший его в изгнании и деливший с ним все лишения и опасности.

²⁶ Чатака – птица, поющая во время дождей. Согласно легендам, питается каплями дождя.

– Я ничего не заметил. А разве что-нибудь случилось?

– Не знаю, но мне не нравится его состояние.

Бихари в волнении опустился на стул. Ожидая разъяснения, он с тревогой смотрел на Бинодини, но та сосредоточенно вышивала и не говорила ни слова.

– Вы заметили что-нибудь в поведении Мохендро? – спросил он наконец.

– Откуда мне знать, Бихари-бабу, но мне все это не нравится. Я беспокоюсь за Ашу. – Она тяжело вздохнула и отложила работу, словно собираясь встать.

Бихари взволнованно сказал:

– Не уходите, останьтесь!

Бинодини открыла в комнате все окна и двери, зажгла лампу и села со своим вышиванием на тахту.

– Бихари-бабу, – сказала она, – долго я здесь не пробуду, когда уеду, присматривайте за Ашей. Только бы она была счастлива. – И Бинодини отвернулась, словно подавляя глубокий вздох.

– Вы должны остаться! – воскликнул Бихари. – Ее судьба зависит только от вас, оберегайте эту чистую девочку! Если вы бросите ее, я не знаю, что с ней будет!

– Вы же знаете жизнь, Бихари-бабу. Как могу я остаться здесь навсегда? Что скажут люди?

– Люди? Да пусть говорят что угодно, не обращайтесь внимания. Вы – настоящая богиня, защитите беспомощную девочку от жестоких ударов жизни – дело, достойное вас. Я вначале не понял вас, ботхан, простите меня. Как и прочие мелкие людишки, я плохо думал о вас. Иногда мне даже казалось, что вы завидуете счастью Аши, что вы... даже и сказать грешно. Но потом я узнал ваше доброе сердце. Велико мое уважение к вам, и я не был бы спокоен, если бы не повинился перед вами.

Бинодини почувствовала себя счастливой. Она обманывала всех, но, несмотря на это, уважение Бихари приняла как должное. Ни от кого еще не получала Бинодини такого ценного дара – уважения! На какое-то мгновение она в самом деле почувствовала себя честной, благородной женщиной, и искренняя жалость к Аше вызвала у нее слезы. Она не скрыла их от Бихари. Эти слезы уверили Бинодини, что она и вправду достойна уважения.

Увидев, что Бинодини плачет, Бихари вышел, чтобы скрыть свое волнение. Он отправился к Мохендро, недоумевая, отчего тот вдруг назвал себя скотиной, но комната друга была пуста. Ему сказали, что Мохендро ушел гулять. Прежде Мохендро никогда не выходил из дома просто так. Казалось, его утомляло и раздражало все, что находилось вне дома, – незнакомые люди, непривычная обстановка.

В глубокой задумчивости Бихари медленно направился к своему дому.

Между тем Бинодини привела Ашу к себе в спальню и, обняв ее, со слезами на глазах воскликнула:

– О моя дорогая, до чего же я несчастна! Я приношу людям одно горе.

– Что ты, милая, зачем так говорить! – встревожилась Аша.

Бинодини, как обиженный ребенок, спрятала у нее на груди лицо и проговорила:

– Всюду я приношу одно несчастье. Отпусти меня, разреши мне вернуться в мои джунгли.

– Дорогая моя Лакшми! – воскликнула Аша, приподнимая за подбородок лицо Бинодини. – Не говори так! Я не могу жить без тебя! Скажи мне, что случилось?

Между тем, так и не дойдя до дома, Бихари решил под каким-нибудь предлогом вернуться, чтобы попросить Бинодини откровенно рассказать ему об опасениях насчет Мохендро и Аши. Решено! Он передаст через Бинодини, что придет утром завтракать к Мохендро. Но на пороге он вдруг остановился, увидев при свете лампы двух обнявшихся

подруг. Аше неожиданно пришла в голову мысль, что Бихари, наверное, нагрубил Бинодини или как-то ее обидел, и поэтому та заговорила об отъезде.

– Нехороший Бихари-бабу! – выпалила Аша. – У него только плохое на уме! – И, рассерженная, она вышла из комнаты.

Попрощавшись с Бинодини, Бихари ушел взволнованный и исполненный еще большего уважения к Бинодини.

Вечером Мохендро сказал Аше:

– Чуни, завтра я уезжаю утренним пассажирским в Бенарес.

– Зачем? – Сердце Аши болезненно сжалось.

– Давно не видел тетю Аннапурну, нужно навестить ее.

Аше стало стыдно. Ей самой следовало бы подумать об этом. Из-за собственных переживаний она совсем позабыла о своей дорогой тете. Теперь, когда Мохендро вспомнил о живущей на чужбине отшельнице, Аша стала укорять себя за черствость.

– Уходя от мира, тетя вверила мне свое единственное сокровище, – продолжал Мохендро, – и я не успокоюсь, пока не навещу ее.

Голос его неожиданно прервался. Мохендро медленно провел рукой по лбу Аши, словно хотел передать ей свое молчаливое благословение и пожелание счастья. Аша не поняла истинного смысла его волнения, но, тронутая до глубины души, расплакалась.

Неожиданно ей вспомнился порыв нежности Бинодини и ее слова. Аша была далека от мысли, что между этими двумя изъятиями чувств существует какая-то связь.

Но почему-то ей казалось, что сегодняшний день положит начало чему-то новому в ее жизни – плохому ли, хорошему, – как знать?

Испуганная и взволнованная, Аша крепко обняла Мохендро. Он почувствовал смутный страх жены и постарался успокоить ее:

– Не бойся, Чуни. С тобой благословение тети. Ради твоего счастья она покинула мир, поэтому ничто не может грозить тебе!

Аша успокоилась и постаралась отогнать прочь свои страхи. Как могущественный талисман приняла она благословение мужа. Мысленно она склонялась к святым стопам тети Аннапурны и горячо молила, чтобы ее Мохендро всегда был счастлив.

На следующий день Мохендро уехал, не попрощавшись с Бинодини. «Сам виноват, а на меня сердится! – говорила себе Бинодини. – Таких святош я еще не видела! Ну ничего, недолго он продержится!»

Глава 23

Когда Аннапурна после длительной разлуки вновь увидела Мохендро, в первую минуту она почувствовала не только радость, но и страх. Ей показалось, что Мохендро опять поссорился с матерью из-за жены и приехал к ней за утешением. С детства Мохендро привык в самые трудные и горькие минуты обращаться к своей тете. Рассердится на кого-нибудь – Аннапурна смягчит его гнев, расстроен – она посоветует, как легче перенести горе. Но после свадьбы Аннапурна уже ничем не могла помочь ему, даже успокоить его была не в силах. Ее вмешательство лишь разжигало возмущение Мохендро против семьи. Как только Аннапурна поняла это, она сразу же уехала. Подобно тому как несчастная мать спешит выйти из комнаты, когда ребенок с плачем просит пить, а доктор запретил давать ему воду, так и Аннапурна заставила себя уехать в чужие края. За выполнением ставших привычными обрядов она начала забывать мир, который оставила навсегда. Мохендро же своим неожиданным приездом мог разбередить ее раны.

Однако Мохендро не стал жаловаться на то, как мать относится к Аше. Тогда опасения Аннапурны направились по иному руслу: почему Мохендро, который никогда раньше не оставлял Ашу, даже ради занятий в колледже, теперь решил отправиться к тетке в Бенарес? Может, ослабли узы, соединяющие его с Ашей?

– Мохим, дорогой, заклинаю тебя, скажи, как Чуни? – спросила она с беспокойством.

– Чуни? Прекрасно, тетя!

– Чем она теперь занимается, Мохим? Вы и сейчас все ребячитесь или за ум взялись?

– С ребячеством покончено. «Чарупатх» – причина всех ссор – девался неизвестно куда. Теперь ты была бы очень довольна нами: если долг жены – пренебрегать науками, то Чуни выполняет этот долг очень старательно.

– А что подельывает Бихари?

– Занимается всеми делами, кроме своих собственных. Управляющий ведет его дела и следит за поместьем. Правда, чьи интересы он при этом соблюдает, не знаю. У Бихари всегда так получается. За его делами следят другие, а он сует свой нос в чужую жизнь.

– Уж не собирается ли Бихари жениться, Мохим?

– Что ты! По-моему, у него к этому нет ни малейшей охоты! – усмехнулся Мохендро.

Эти слова болью отозвались в сердце Аннапурны. Она-то прекрасно знала, как хотел Бихари жениться на ее племяннице, но это его желание было безжалостно растоптано. В ее ушах до сих пор звучали горькие слова Бихари: «Только уж, пожалуйста, больше никогда не просите меня жениться, тетя». Она была безутешна, сознавая, какой удар нанесла своему дорогому Бихари. «Неужели он все еще думает об Аше?» – с испугом подумала Аннапурна, бледнея.

Между тем Мохендро полушутя-полусерьезно передавал тетке новости их домашней жизни. О Бинодини он не обмолвился ни словом.

В колледже возобновились занятия, и Мохендро не мог долго задерживаться в Бенаресе. С Аннапурной он чувствовал себя легко и спокойно, как чувствует себя человек, вышедший на свежий воздух после тяжелой болезни. Поэтому он со дня на день откладывал свой отъезд. Недовольство собой, которое последнее время так угнетало его, прошло без следа. Всего несколько дней провел он рядом с приветливой и благочестивой тетей Аннапурной, и исполнение семейного долга начало казаться ему настолько легким и приятным, что прежние опасения стали попросту смешны. Бинодини перестала для него существовать. Он даже не мог ясно представить себе ее лицо.

«Пусть в моем сердце будет всегда только Аша, больше я никого знать не желаю», – решил в конце концов Мохендро.

– Тетушка, – сказал он Аннапурне, – в колледже уже начались занятия, я должен ехать. Хоть ты и окончательно отошла от всего, что связано с мирской жизнью, разреши мне все же иногда навещать тебя.

Когда, вернувшись домой, Мохендро передал Аше подарок от тети – коробочку с синдуром²⁷ и кувшин из белого камня с инкрустацией, Аша расплакалась.

Ей вспомнилась терпеливая, нежная и любящая тетья, обиды, которые приходилось сносить ей от самой Аши и от Раджлокхи, и у нее стало тяжело на сердце.

– Мне так хочется съездить к тете, получить ее прощение! – сказала она Мохендро.

Мохендро понимал состояние Аши и согласился отпустить ее на несколько дней в Бенарес. Но снова пропускать занятия, чтобы проводить Ашу, ему не хотелось. Тогда Аша сказала, что может отправиться со своей тетей, которая тоже едет в Бенарес.

Когда Мохендро сказал Раджлокхи о намерении Аши, та с иронией заметила:

– Конечно, раз твоя жена желает, пусть едет. И ты поезжай с ней, поезжай! – Ей очень не нравилось, что сын навестил Аннапурну. Узнав, что и Аша едет туда, Раджлокхи совсем рассердилась.

– У меня занятия, я не смогу проводить Ашу, – ответил Мохендро. – Она отправится с семьей своей старшей тетки.

– Прекрасно! Какая великая честь выпала на ее долю! Ведь наши родственники такие богачи, что и знать нас не желают.

Насмешливый тон матери рассердил и обидел Мохендро. Он ушел, ничего не ответив, и твердо решил отправить Ашу в Бенарес.

Пришел Бихари.

– Слышал новость, Бихари? Наша невестка хочет ехать в Бенарес!

– Что ты говоришь, ма! Неужели Мохиму снова придется пропускать занятия?

– Нет-нет. Зачем ему провожать жену? Это было бы старомодно. Мохим останется, а невестка отправится с семьей своей благородной тетушки. Теперь все воображают себя важными особами!

Бихари встревожился, но вовсе не потому, что Аша собиралась ехать с тетушкой. «В чем дело? – спрашивал он себя. – То Мохендро уехал один в Бенарес, теперь Аша собирается ехать. Неужели между ними разлад? Долго ли это будет продолжаться? И мы, их друзья, ничем не можем помочь? Остаемся в стороне?»

Раздраженный разговором с матерью, Мохендро сидел в спальне. Бинодини теперь его избегала. Напрасно уговаривала Аша подругу поговорить с Мохендро.

– Аша-ботхан едет в Бенарес? – спросил Бихари, входя в спальню.

– А почему бы ей не поехать?

– Что это вдруг вам пришло в голову?

– Видишь ли, – съязвил Мохендро, – у людей еще иногда возникают такие чувства, как тревога за родственников, живущих на чужбине, или просто желание повидать их.

– Ты проводишь Ашу?

Мохендро решил, что Бихари тоже не одобряет поездку Аши с теткой. Но, не желая показать Бихари свое раздражение, он не стал ничего объяснять, лишь сказал, что Аша едет без него.

Бихари хорошо знал Мохендро и сразу понял, что тот злится. А уж если Мохендро заупрямится, его не переспоришь, – это тоже было известно Бихари. Поэтому он не стал уговаривать Мохендро сопровождать жену. Но подумал, что было бы лучше, если бы рядом с Ашей была Бинодини, а не тетка. Она сумела бы ободрить и утешить Ашу.

– Разве нельзя отправить с ней Биноди-ботхан? – осторожно спросил Бихари.

---

²⁷ Синдур – красная краска, которой замужние женщины красят пробор.

Мохендро не выдержал.

– Говори прямо, что ты имеешь в виду! – загремел он. – Нечего хитрить! Знаю, ты подозреваешь, что я влюблен в Бинодини! Ложь! Она мне ничуть не нравится! И нечего оберегать меня. Лучше о себе позаботься! Если ты и в самом деле такой бескорыстный друг, то надо было давно мне все высказать, а самому держаться подальше от онтохпура своего друга. Скажу тебе прямо: ты любишь Ашу, в этом все дело!

Как раненый, несмотря на страшную боль, стремительно бросается вперед, чтобы нанести врагу ответный удар, так и смертельно бледный, утративший дар речи Бихари вскопчил со стула и хотел кинуться на Мохендро. Но внезапно он остановился и, с трудом овладев собой, произнес:

– Да прости тебя бог. Я уйду. – И он вышел нетвердым шагом.

Из соседней комнаты навстречу ему выбежала Бинодини.

– Бихари-бабу!

Бихари прислонился к стене и, пытаясь улыбнуться, спросил:

– Что случилось, Биноди-ботхан?

– Я поеду в Бенарес с Ашей.

– Нет, нет! – воскликнул Бихари. – Это невозможно! Не надо этого делать! Прошу вас, не придавайте значения моим словам. Я здесь посторонний и не желаю ни во что вмешиваться – из этого ничего хорошего не выйдет. Вы добры, Биноди-ботхан, словно сама богиня; поступайте, как подскажет вам сердце. – И Бихари, почтительно поклонившись ей, направился к выходу.

– Послушайте, Бихари, я совсем не богиня! – крикнула ему вслед Бинодини. – Я не знаю, что будет, если вы уйдете! Не вините меня потом.

Но Бихари ушел. Мохендро продолжал сидеть неподвижно. Бинодини, бросив на него горящий негодованием взгляд, скрылась в соседней комнате. Там ожидала ее Аша. После того как Мохендро заявил, будто Бихари влюблен в нее, она не могла поднять головы от стыда. Но Бинодини не чувствовала ни малейшей жалости к ней в ту минуту. Если бы Аша посмотрела на нее, она испугалась бы, встретив взгляд Бинодини, полный слепой ярости.

Мохендро сказал, что это неправда! Значит, она, Бинодини, никому не нужна. Все влюблены в эту скромницу, в эту смазливую куклу!

Как-то под влиянием настроения Мохендро в разговоре с Бихари назвал себя скотиной. С тех пор он стал опасаться, что Бихари обо всем догадался. Но ведь это неправда, Бинодини несколько ему не нравится, а Бихари уверен, что он, Мохендро, влюблен в нее!

Мохендро чувствовал, как растет его раздражение против Бихари. После того случая ему стало казаться, что Бихари каждый раз ищет в его словах какой-то скрытый смысл. Раздражение все накапливалось, пока наконец от легкого толчка не прорвалось наружу.

Волнение Бинодини, когда она кинулась вслед за Бихари, пытаясь его удержать, ее умоляющий голос, ее готовность последовать совету Бихари и сопровождать Ашу в Бенарес – все это явилось для Мохендро совершенной неожиданностью и нанесло тяжелый удар его самолюбию.

Но ведь он сам сказал, что не влюблен в Бинодини, что она не нравится ему, почему же все случившееся лишило его покоя? «Зачем я сказал, что не люблю ее, – твердил про себя Мохендро. – О, как жаль, что она слышала это!»

Глава 24

«Конечно, было жестоко с моей стороны говорить, что мне ничуть не нравится Бинодини, – размышлял Мохендро. – Я не влюблен в нее, разумеется, но прямо заявить об этом было просто грубо. Какую женщину это не задело бы? Теперь, пожалуй, не оправдаюсь перед ней. То, что я чувствую, – не совсем любовь. Но надо как-нибудь загладить свою грубость! Нехорошо, если у Бинодини останется горький осадок после того разговора». Мохендро достал из ящика стола письма, которые присылала ему Аша, и снова перечитал их. «Несомненно, Бинодини любит меня. Но зачем тогда она так держала себя с Бихари? Наверное, я виноват в этом. Я сказал, что не люблю ее, – поэтому и она решила показать свое презрение ко мне! Теперь она с горя способна полюбить и Бихари!» – размышлял он.

Мохендро сам был смущен и напуган тем, что так близко принял к сердцу все происшедшее. Допустим, Бинодини слышала, как он сказал Бихари, что не любит ее. Допустим, она действительно оскорбилась и постарается забыть его – какое ему до этого дело?

Как якорная цепь во время шторма дергает якорь, будто проверяя его прочность, так и у Мохендро в минуту душевного смятения появилось желание испытать прочность уз, которые связывали его с Ашей. Ночью, прижав ее голову к своей груди, он спросил:

– Скажи правду, Чуни, ты сильно любишь меня?

«Что за странный вопрос? – подумала Аша. – Неужели, если Бихари пришла в голову постыдная мысль, то и на нее, Ашу, пала тень подозрения?»

Пылая от стыда, она ответила:

– Как ты можешь спрашивать меня об этом? Разве у тебя был повод усомниться в моей любви?

Тогда Мохендро, желая измерить глубину ее любви и несколько не заботясь о том, что заставляет Ашу страдать, спросил:

– Почему же ты хочешь ехать в Бенарес?

– Не хочу я ехать в Бенарес! Никуда я не поеду!

– Но хотела же...

– Ты ведь знаешь, почему я хотела ехать! – воскликнула Аша, вконец измученная этим разговором.

– Тебе, наверное, лучше с тетей, чем со мной, – продолжал Мохендро.

– Нет, конечно нет! И не ради удовольствия я хотела туда ехать!

– По правде говоря, Чуни, ты была бы гораздо счастливее, если бы вышла замуж за кого-нибудь другого.

Услышав эти слова, Аша выскользнула из объятий Мохима, спрятала лицо в подушку и замерла. Через мгновение послышались ее рыдания. Мохендро попытался обнять жену и успокоить, но Аша была холодна и неподвижна. Видя, как оскорбили Ашу его слова, и убедившись в силе ее любви, Мохендро почувствовал, что сердце его забилося от гордости и счастья.

То, о чем раньше боялись даже думать, Мохендро произнес вслух, – и это вызвало целую бурю в умах всех домашних. Бинодини досадовала, что Бихари сразу не отверг нелепого обвинения Мохендро. Даже если бы оно оказалось верным, но Бихари все отрицал, она осталась бы довольна. В конце концов она решила, что Мохендро правильно поступил, сказав все Бихари. «Зачем Бихари, такой умный, влюбился в эту девочку? Хорошо, что Мохендро одним ударом отбросил его далеко от Аши». Так думала Бинодини, успокаивая себя.

Смертельно бледное лицо Бихари все время преследовало ее. При воспоминании об этом измученном лице в Бинодини страдала любящая женщина. Как мать нянчит больного

ребенка, так Бинодини вынашивала в своем сердце этот скорбный образ. В душе ее поднялось непреодолимое желание вернуть Бихари к жизни, снова увидеть на его лице румянец и дыхание радости, проблеск улыбки. Несколько дней провела так Бинодини, волнуемая этими мыслями, равнодушная ко всем домашним делам, и наконец не выдержала – написала Бихари письмо: «Тхакурпо²⁸! С тех пор как я увидела ваше лицо, окаменевшее от обиды, я всем сердцем желаю, чтобы вы успокоились и стали таким, как прежде. Когда я снова увижу вашу простую улыбку, услышу вашу искреннюю речь?

Известите меня запиской, как себя чувствуете. Ваша Биноди-ботхан».

Бинодини отослала письмо с привратником.

Бихари и в голову не приходило, что Мохендро способен так открыто, так грубо сказать о его, Бихари, чувствах к Аше. Ведь сам Бихари никогда не признавался себе в том, что любит ее. Вначале слова Мохендро словно громом поразили его; потом, задыхаясь от гнева и презрения, он мог лишь повторять: «Какое несправедливое, какое гнусное обвинение!» Но сказанного не воротись. Крохотное семя правды, которое было в обвинении Мохендро, проросло и стало бурно развиваться. Снова и снова вспоминалось Бихари освещенное заходящим солнцем личико стыдливой девочки. Ведь было время, когда Бихари со сладким волнением в душе называл Ашу своей. Воспоминание о восторженном взгляде, каким он смотрел тогда на Ашу, до сих пор преследовало его, и временами он впадал в тяжелое отчаяние, от которого становилось трудно дышать. Все, что было туманным, непонятным для него в те долгие ночные часы, когда он лежал без сна на крыше или беспокойно шагал перед домом, вдруг приобрело отчетливые очертания. Долго сдерживаемое чувство вырвалось из глубины его сердца. То, во что он сам прежде не верил, теперь, после слов Мохендро, возникло перед ним с неумолимой очевидностью.

И тогда Бихари обвинил во всем себя. «Не возмущаться мне надо было, – думал Бихари, – а вымолить у Мохендро прощение и уйти. В тот день я вел себя так, будто Мохендро – преступник, а я – обвинитель. Надо пойти и признаться, что я был не прав!»

Бихари думал, что Аша уехала в Бенарес. Поэтому однажды вечером он нерешительно подошел к дверям дома Мохендро, где встретил Шадхучорона, дальнего родственника Раджлокхи.

– Шадху-да, я несколько дней не был здесь. Как у вас, все здоровы?

– Да, слава богу.

– Когда уехала Аша-ботхан? – спросил Бихари.

– Она не уезжала и, кажется, не собирается.

Услышав это, Бихари забыл обо всем. Ему захотелось снова оказаться на женской половине дома. Как просто и легко поднимался он прежде по знакомой лестнице, входил в комнаты, весело шутил со всеми! От сознания, что теперь он уже не может так себя вести, у Бихари мутился рассудок. О, если бы еще хоть раз, последний раз войти сюда, как прежде, по-сыновнему поболтать с Раджлокхи, назвать закутанную в покрывало Ашу «ботхан», сказать ей несколько ничего не значащих слов! Сейчас это казалось ему таким счастьем.

– Что же ты стоишь в темноте? – сказал Шадхучорон. – Входи в дом.

Бихари сделал было несколько шагов, но тут же пошел обратно.

– Нет, нет, я пойду, у меня дела, – пробормотал он и торопливо удалился.

В ту же ночь Бихари уехал в Западные провинции.

Привратник, который носил ему письмо Бинодини, вернулся домой. Мохендро в это время прогуливался в садике перед домом. Заметив конверт в руке привратника, он спросил:

– Кому письмо?

²⁸ *Тхакурпо* — здесь: почтительное обращение.

Привратник ответил. Тогда Мохендро взял у него конверт. Он решил, что сам отдаст его Бинодини, посмотрит, как она смутится, но не скажет ей ни слова. В том, что Бинодини смутится, он не сомневался. Мохендро вспомнил, что до этого было еще одно письмо на имя Бихари. Он места себе не находил, сгорая от любопытства, старался убедить себя, что несет ответственность за судьбу Бинодини, раз она находится на его попечении. И наконец решил, что вскрыть это подозрительное письмо – его прямая обязанность. Нельзя же допустить, чтобы Бинодини сбилась с пути! Мохендро распечатал конверт. Письмо было написано просто, в нем чувствовалось неподдельное участие к Бихари. Мохендро, несколько раз прочитав письмо, долго раздумывал над ним, но так и не смог разобраться в истинных чувствах Бинодини. Может быть, оскорбленная его равнодушием, Бинодини пытается теперь обратить на себя внимание другого? Ведь от досады она даже Ашу совсем забыла. Придя к такому выводу, Мохендро решил действовать немедленно. Он возмущался при одной мысли, что ту самую Бинодини, которая, казалось, уже отдала ему свое сердце, из-за какой-то минутной глупости он может потерять. «Если Бинодини тайно влюблена в меня, то ей это принесет только пользу, – рассуждал про себя Мохендро, – привяжет ее к нашему дому. Я знаю, что никогда не поступлю с ней бесчестно. Я могу лишь позволить ей любить меня, но сам всегда буду верен Аше. Если же Бинодини вдруг полюбит кого-нибудь другого – тогда бог знает что может случиться!» И Мохендро решил при первом же удобном случае вернуть симпатии Бинодини. Сам же он, разумеется, не даст себя увлечь. Мохендро вошел на женскую половину дома и сразу же увидел Бинодини; она быстро обернулась, словно с нетерпением ожидая кого-то. В сердце Мохендро вспыхнула ревность.

– Напрасно ждете, – сказал он. – Ваше письмо вернулось обратно. – И он швырнул ей конверт.

– Но оно распечатано?!

Мохендро вышел, ничего не ответив.

Бинодини решила, что Бихари, прочтя письмо, отослал его обратно. Кровь сотнями молоточков застучала у нее в висках. Бинодини послала за привратником, который относил письмо, но его не оказалось на месте. Как от зажженного светильника разлетаются брызги шипящего масла, так и из горящих глаз Бинодини вдруг брызнули горькие слезы. Она изорвала на мелкие клочки свое письмо, но это не принесло ей успокоения. О, если бы можно было вычеркнуть эти несколько строк, эти несколько букв из прошлого, из настоящего, чтобы их совсем не было.

Как разозленная оса, которая жалит каждого, кто ей попадется, Бинодини готова была погубить весь мир. Он вздумал оттолкнуть ее, Бинодини?! Ни в чем ей нет удачи! Пусть счастье не для нее, но теперь она не успокоится, пока не повергнет в прах всех, кто помешал ее счастью, кто разбил ее надежды, кто лишил ее самого драгоценного в жизни!

Глава 25

Как-то в один из теплых вечеров месяца фальгун²⁹ Аша, расстелив циновки, отдыхала на крыше, с увлечением читая при меркнувшем свете дня журнал. После долгой разлуки герой рассказа возвращался домой на праздник Пуджи и вдруг попал в руки разбойников. Сердце Аши учащенно билось. Бедная героиня в этот самый момент увидела дурной сон и с плачем проснулась. Аша тоже не смогла удержаться от слез. Она была горячей поклонницей бенгальских рассказов, и все в них казалось ей замечательным.

– Песчинка, милая, – говорила она Бинодини, – обязательно прочти этот рассказ. Он такой трогательный! Я все время плакала, когда читала его.

Бывало, что Бинодини вдруг принималась критиковать рассказ, тогда наивные восторги Аши подвергались довольно чувствительному удару.

Кончив читать, Аша закрыла журнал и решила отнести его Мохендро, чтобы и он прочел рассказ, но Мохендро в это время сам поднялся к ней.

При виде мужа смутная тревога сжала сердце Аши.

– Ну, какой счастливiec занимает твои мысли, пока ты сидишь тут одна? – обратился Мохендро к жене, пытаясь казаться жизнерадостным и беззаботным.

Но Аша уже позабыла обо всех злоключениях героев и героинь.

– Уж не заболел ли ты? – спросила она.

– Нет, я здоров.

– Кажется, тебя беспокоит что-то, скажи мне, что случилось?

Мохендро взял пан из коробочки, положил его в рот и сказал:

– Я сейчас думал о бедной тете Аннапурне, она давно не видела тебя. Как бы она обрадовалась твоему приезду!

Не отвечая, Аша молча смотрела на Мохендро. Она не могла понять, почему он снова заговорил об этом.

– Разве тебе не хочется ехать?

Аше было нелегко ответить на этот вопрос. Конечно, ей хотелось повидать тетю, но оставить Мохендро она не могла.

– Поедем, когда у тебя будут каникулы... – сказала она.

– Я и в каникулы не смогу. Нужно будет готовиться к экзаменам.

– Тогда нечего говорить об этом. Ведь не обязательно же мне ехать.

– Но почему же? Почему не поехать, если хочется?

– Мне не хочется.

– Раньше так просила, а теперь вдруг расхотелось!

Аша сидела, опустив глаза, и молчала. Если бы Аша уехала, Мохендро легче было бы помириться с Бинодини. Однако Аша молчала, и он вдруг почувствовал беспричинное раздражение против жены.

– Может быть, ты меня подозреваешь в чем-нибудь? – неожиданно обратился он к Аше. – Поэтому намерена следить за мной днем и ночью?

Обычная мягкость, покорность и терпение Аши вдруг показались ему невыносимыми. «Хочет ехать, так и сказала бы: поеду! Отправляй меня как знаешь! Так нет же: то «да», то «нет», а то сидит и молчит. Что же это такое, в самом деле!»

Аша заметила раздражение Мохендро и перепугалась. Она стала лихорадочно думать, что бы ответить ему, но не находила слов. Аша не понимала, почему Мохендро бывает теперь

²⁹ Фальгун – двенадцатый месяц нового бенгальского календаря, соответствует февралю – марту.

с ней то очень нежен, то неожиданно груб. Но чем непонятнее становились для нее поступки Мохендро, тем сильнее тянулось к нему ее трепетное сердце.

Она, Аша, подозревает Мохендро, выслеживает его?! Что это – злая насмешка или несправедливое подозрение? Клясться, что это не так, или обратить все в шутку?

Аша продолжала молчать. Мохендро, потеряв терпение, резко повернулся и вышел.

Последние отблески солнечных лучей исчезли, наступили сумерки, теплый весенний ветер сменился вечерней прохладой, а бедная Аша все еще лежала ничком на циновке.

Когда глубокой ночью она заглянула в спальню, то увидела, что Мохендро лег без нее. Аша подумала, что Мохендро стал презирать ее за равнодушие к тете Аннапурне.

Аша присела на постель, обняла его ноги и замерла. Тогда Мохендро, сжавившись, попытался обнять ее, но Аша не поднималась.

– Прости, если я в чем-нибудь виновата, – шепнула она мужу.

– Ты ни в чем не виновата, Чуни, – растроганно ответил Мохендро. – Я просто скотина, что мучаю тебя напрасно.

Слезы брызнули из глаз Аши, орошая ноги Мохендро. Он встал и, взяв жену на руки, уложил рядом с собой. Аша немного успокоилась и снова заговорила:

– Неужели ты думаешь, что мне не хочется повидать тетю?! Но сердце мне подсказывает не оставлять тебя одного. Поэтому я и не поехала. Не сердись на меня, пожалуйста!

Нежно вытирая ее влажный лоб, Мохендро сказал:

– На что же мне сердиться, Чуни! На то, что ты не хочешь ехать без меня? Никуда тебе не нужно ездить!

– Нет, я все-таки поеду.

– Почему?

– Как ты мог подумать, что я подозреваю тебя! Но раз уж у тебя вырвались такие слова, я обязательно уеду хоть на несколько дней.

– Я виноват, а искупать вину должна ты?

– Может, я сама виновата в чем-то, иначе тебе и в голову не пришли бы такие странные мысли. Мне никогда и во сне не снилось, что я могу услышать от тебя что-нибудь подобное.

– А снилось тебе когда-нибудь, какой я дурной человек?

– Опять! – жалобно воскликнула Аша. – Не говори о себе так! Все равно я поеду в Бенарес.

Мохендро рассмеялся:

– Ну хорошо, поезжай. А что, если я испорчусь тут без тебя, что тогда будет?

– Не пугай меня напрасно, а то я раздумаю и останусь.

– А подумать стоит. Такому мужу, как я, только дай волю! Кого потом будешь винить?

– Успокойся, не тебя!

– Может, себя?

– Сто раз!

– Ну хорошо, завтра я переговорю с твоим дядюшкой насчет поездки. – Заметив, что уже поздно, Мохендро повернулся было на другой бок, собираясь уснуть, но через минуту обернулся вдруг к Аше и сказал: – А может, тебе все-таки не стоит ехать, Чуни?

– Зачем ты споришь со мной? – умоляюще проговорила Аша. – Если я не уеду, твой упрек будет всегда преследовать меня. Кроме того, я ведь уезжаю всего на несколько дней.

Накануне отъезда Аша обняла Бинодини и сказала:

– Милая Песчинка, обещай исполнить мою просьбу.

– Говори, дорогая, – ответила Бинодини, ласково ущипнув Ашу за щеку. – Разве могу я отказать тебе?

– Не знаю. В последнее время ты очень изменилась. Мужа моего даже видеть не желаешь.

– Почему не желаю? Ты сама знаешь, в чем дело. Разве ты не слышала, что Мохендро сказал Бихари-бабу? Ну, а если вообще пошли такие разговоры, я думаю, мне не следует появляться на вашей половине. Разве я не права?

Аша чувствовала, что Бинодини права. Не укрылся от нее и постыдный смысл слов Бинодини. И все же Аша сказала:

– Мало ли глупостей говорят! Чего стоит наша любовь, если мы будем обращать на все внимание! Ты должна об этом забыть.

– Хорошо, забуду.

– Завтра я уезжаю, присмотри за моим мужем. И не избегай его, как ты делала до сих пор.

Бинодини долго молчала. Тогда Аша, схватив ее за руку, стала просить:

– Умоляю тебя, выполни, пожалуйста, мою просьбу.

– Хорошо, – сказала наконец Бинодини.

Глава 26

Когда на одном краю неба заходит луна, на другом встает солнце. Но Аша уехала, а Бинодини все еще не появлялась на горизонте Мохендро. Он бродил по дому, то и дело под разными предлогами заглядывал в комнату матери, но Бинодини по-прежнему ускользала от него.

Раджлокхи заметила, что Мохендро ходит с каким-то отсутствующим видом, ничем не может заняться. И решила, что сын потерял покой из-за отъезда жены. Ее больно ранила мысль о том, что теперь мать, видно, совсем уже не нужна ему. Потерянный и унылый вид сына встревожил Раджлокхи, и она позвала Бинодини.

– Я стала сильно задыхаться после болезни, – сказала она. – Сегодня шла по лестнице, думала – не поднимусь. Тебе, доченька, самой придется присматривать за Мохимом. Он ведь привык, чтобы о нем всегда кто-нибудь заботился. Посмотри, что с ним стало после отъезда жены. Да и жена тоже хороша! Зачем только она уехала?

Бинодини слушала молча, чуть отвернувшись, пальцы ее нервно теребили бахрому покрывала на постели.

– Ну, что ты об этом думаешь? – продолжала Раджлокхи. – Да тут и думать нечего, умница моя. Что ни говори, ты нам не чужая!

– Пожалуйста, не уговаривайте меня, ма.

– Ах, так? Ну что ж, хорошо! Я сама буду делать что смогу. – И Раджлокхи встала, собираясь идти на третий этаж убирать комнату Мохендро.

Но Бинодини остановила ее.

– Вы же больны, тетя, не ходите туда, – с тревогой сказала она. – Я сделаю все, как вы велите. Простите меня!

Раджлокхи давно привыкла не обращать внимания на то, что говорят окружающие. После смерти мужа она не признавала в этом мире никого, кроме Мохендро.

Одна мысль, что люди могут сплетничать о ее сыне и Бинодини, приводила ее в негодование. Она привыкла считать, что лучше ее сына нет никого на свете. И люди посмели осуждать его?! Да чтоб язык отсох у того, кто занимается этими сплетнями! Раджлокхи была упряма в своих вкусах и суждениях и поэтому всегда пренебрегала мнением окружающих.

Когда в тот день Мохендро, возвратившись из колледжа, вошел в свою комнату, он был поражен. Комната благоухала сандалом и душистыми смолами; к сетке от москитов был прикреплен шнур из розового шелка; на низкой тахте сверкало белизной покрывало, а вместо старых валиков лежали четырехугольные европейские подушечки, расшитые шелком и шерстью. Это рукоделие было плодом долгого труда Бинодини. Аша частенько допытывалась у нее, для кого она вышивает эти подушки. «Для своего смертного ложа, – со смехом отвечала Бинодини. – Ведь у меня не может быть другого жениха, кроме Ямы».

В рамке на стене висела фотография Мохендро. В каждом углу рамки был красиво завязан бант из цветных лент. Под фотографией на треножнике, словно приношение неизвестного почитателя изображению Мохендро, с обеих сторон стояли вазы с цветами. Аккуратно прибранная комната приняла совсем иной вид. Постель была немного отодвинута, комната делилась на две части: высокие вешалки с развешанной на них одеждой, стоявшие перед широкой тахтой, служили своего рода ширмой. Благодаря им тахта и постель оказались совершенно отделенными друг от друга. На дверце шкафчика, в которой обычно лежали любимые безделушки и китайские куклы Аши, была сделана драпировка из красной шали. Самих безделушек в шкафчике уже не было. Все, что в этой комнате хоть сколько-нибудь напоминало о прошлом, совершенно исчезло благодаря перестановке, сделанной руками другой женщины.

Усталый Мохендро опустился на чистую постель, но едва он коснулся головой подушки, как сразу почувствовал нежный аромат – в подушку были положены душистые травы. Мохендро закрыл глаза, и ему стало казаться, что до него доносится аромат нежных, как лепестки чампака, пальцев той, которая касалась этой подушки.

Вошла служанка с подносом, на котором были фрукты, сладости и стакан холодного ананасного шербета. Все не походило теперь на то, что было прежде, во всем были видны забота и аккуратность.

Вид комнаты, аромат цветов, вкусная еда и новизна всей обстановки обострили чувства Мохендро. Когда он кончил есть, в комнату неторопливо вошла Бинодини, неся ему серебряную коробочку с бетелем и пряностями; она сказала улыбаясь:

– Простите меня, господин, эти несколько дней я не могла присутствовать при вашей трапезе. Только прошу вас, не жалуйтесь моей Аше, что за вами плохо ухаживали. Я делаю, что могу, для вас... Но ведь на моих плечах все хозяйство. – И Бинодини протянула Мохендро коробочку с бетелем. Даже у бетеля был сегодня какой-то особый аромат.

– Я хотел бы, чтобы в ваших заботах обо мне всегда были какие-нибудь упущения, тогда бы вы оставались в долгу передо мной.

– Зачем это вам?

– О, я бы требовал проценты.

– И много их уже набралось, этих процентов, господин ростовщик?

– Во-первых, вас не было во время обеда – это следует возместить, и еще мне кое-что причитается.

– Вы все учитываете, как настоящий ростовщик! Попадешь к вам в руки, потом не вырвешься, – со смехом проговорила Бинодини.

– А что толку? Что с вас возьмешь?

– Верно, взять с меня нечего, и все же вы держите меня в заключении...

Внезапно погрузнев, Бинодини тихонько вздохнула.

– Разве этот дом – тюрьма для вас? – серьезно спросил Мохендро.

Слуга внес лампу, поставил ее на треножник и ушел.

Прикрыв глаза ладонью от яркого света, Бинодини ответила, потупившись:

– Тюрьма?.. Не знаю... Мне трудно с вами спорить. Ну, я пойду, у меня дела...

Вдруг Мохендро схватил ее руку и, крепко сжав, сказал:

– Но если вы смирились с оковами, зачем бежать?

– Пустите меня, как вам не стыдно! К чему удерживать того, кому все равно бежать некуда? – Бинодини решительно вырвалась от Мохендро и быстро вышла.

Мохендро откинулся на благоухающую подушку. Сердце его учащенно билось. Это безмолвие сумерек, пустая комната, ласковый весенний ветер... и сердце Бинодини, которое, кажется, бьется здесь, рядом с ним! Мохендро совсем потерял голову... Он погасил свет, запер дверь, опустил жалюзи и сразу же лег.

Постель тоже словно подменили, матрац стал гораздо мягче. И снова этот аромат – то ли сандаловое дерево, то ли еще что-то, – не разобрать. Мохендро ворочался с боку на бок, тщетно призывая и стараясь удержать в памяти прежние образы.

Часов около девяти вечера в запертую дверь постучали.

– Откройте, – услышал он голос Бинодини. – Вам принесли поесть.

Мохендро вскочил и кинулся было к двери. Он уже положил руку на засов, но... не открыл его.

Без сил опустился он на циновку.

– Нет, нет, я не голоден, я не хочу есть... – тихо сказал он.

– Может, вам нездоровится? – послышался снаружи встревоженный голос. – Хотите, я принесу воды или еще чего-нибудь?

– Нет, мне ничего не нужно.

– Не обманывайте меня, вы больны. Откройте!

– Нет, нет, – воскликнул Мохендро. – Ни за что! Уходите.

Он снова лег. В темноте он пытался отыскать на опустевшем ложе и в своем изменчивом сердце хотя бы память об отсутствующей Аше. Когда Мохендро наконец убедился, что ему не уснуть, он зажег лампу и сел за письмо к жене.

«Аша, возвращайся скорее, не оставляй меня одного, – писал он. – Ты Лакшми моя. Когда тебя нет, мои желания сбрасывают оковы и влекут меня куда-то. Но ничто не озарит дорогу, по которой я пойду. Мне нужен свет твоих любящих, доверчивых глаз. Приезжай скорее, моя вера, мое счастье, моя единственная! Успокой меня, защити, заполни мое сердце! Спаси меня от греха, от страшного кошмара забвения...»

Так изливался Мохендро перед Ашей. Много еще написал он ей за долгую ночь. Издалека чуть слышно донесся бой храмовых часов. Пробило три. Улицы притихли. Не стало слышно шума экипажей. Даже голос певички, доносившийся из верхнего этажа соседнего дома, потонул в объявшем землю сне и покое. Воспоминания об Аше и письмо, в котором он излил волновавшие его чувства, успокоили Мохендро. Он лег и тотчас же заснул.

Когда Мохендро проснулся, был уже день и в комнату заглядывало солнце. Он торопливо сел на постели. Теперь почему-то все события прошедшего вечера не казались ему такими серьезными. Мохендро встал, и вдруг ему попало на глаза письмо, лежавшее на столике под чернильницей.

«Чего только я тут не написал! – думал он, перечитывая письмо. – Прямо как в романе! Хорошо еще, что не отослал. Что подумала бы Аша, если бы прочла все это! Скорее всего, она мало бы что поняла из написанного». Мохендро стало стыдно, что из-за пустяка он поддался слабости. Он изорвал письмо на мелкие клочки и написал Аше спокойную коротенькую записку: «Долго ли ты еще пробудешь в Бенаресе? Если дядя пока не собирается возвращаться, напиши – я приеду за тобой. Без тебя скучно».

Глава 27

Аннапурна встревожилась, когда через несколько дней после отъезда Мохендро к ней явилась Аша, и поэтому принялась подробно расспрашивать племянницу.

– Ты так расхваливаешь свою подругу, Чуни, что можно подумать, будто лучше ее на свете нет, – сказала она.

– Это правда, тетя, я не преувеличиваю. Она умна, красива, а как хозяйничает!

– Ну, конечно, она твоя подруга, поэтому ты и видишь в ней одни достоинства. А что говорят о ней другие?

– Ма ею не нахвалится. Стоит лишь заикнуться, что Бинодини когда-нибудь уедет к себе в деревню, как ей плохо делается. Одна Бинодини умеет угодить Раджлокхи. Заболеет кто-нибудь из прислуги, Бинодини и за ними ухаживает, словно сестра или мать.

– Что думает о ней Мохендро?

– Ну, ты же его знаешь, он чувствует себя хорошо только в кругу самых близких. Все любят Песчинку, только Мохендро с ней до сих пор не в ладах.

– Что же это он?

– Если бы я сама не устраивала им встреч, он бы, пожалуй, совсем перестал с ней разговаривать. Ты же знаешь, какой он замкнутый. Люди думают, что он гордый. Но ведь это не так, тетя, просто он с очень немногими чувствует себя непринужденно.

Едва Аша сказала это, как ей сразу же стало стыдно своих слов, и щеки ее вспыхнули. Обрадованная Аннапурна усмехнулась про себя.

– А ведь верно, – сказала она, – когда Мохендро был здесь, он ни словом не обмолвился о твоей Песчинке.

– Вот нехороший, – обиженно сказала Аша. – Уж кого он невзлюбит, тот для него – пустое место. Держит себя так, будто никогда его и в глаза не видел.

– Зато если Мохим кого полюбил, то кажется, во всех рождениях только его одного и знал. Правда, Чуни? – с улыбкой заметила Аннапурна.

Аша молча опустила глаза и улыбнулась.

– Ну, Чуни, а что нового у Бихари? Он так и не собирается жениться?

Веселость Аши мгновенно пропала. Она не знала, что ответить. Встревоженная ее молчанием, Аннапурна воскликнула:

– Говори правду, Чуни! Бихари здоров?

У Аннапурны не было детей, и она любила Бихари, как сына. Здесь, на чужбине, ее постоянно угнетала мысль, что она не сможет навещать Бихари, когда тот обзаведется семьей. В ее тесном мирке жизнь текла размеренно и налаженно, но стоило ей вспомнить, как одинок Бихари, и она начинала раскаиваться в том, что ушла от мира.

– Не спрашивай, пожалуйста, меня о господине Бихари, тетя, – сказала наконец Аша.

– Почему?!

– Я не могу сказать, – проговорила Аша и вышла из комнаты.

«Неужели Бихари, мой ненаглядный мальчик, за это короткое время так изменился, что Аша даже имени его слышать не может? Чего не делает судьба! – размышляла Аннапурна. – Зачем только сватали за него Чуни! Как жаль, что Мохендро отнял Чуни у него!»

Думая об этом, она не могла сдержать слез. «Если даже мой Бихари и совершил что-нибудь недостойное, – говорила себе Аннапурна, – то нелегко это далось ему. Сам, наверное, пережил немало». Она представила себе горе Бихари, и сердце ее больно сжалось.

Вечером, когда Аннапурна молилась, около дома остановился экипаж. Кучер стал стучать в дверь.

– Ах, Чуни, я совсем забыла! Сегодня ко мне должна приехать из Аллахабада свекровь с двумя племянницами, – крикнула Аннапурна из молельни. – Это, наверное, они! Возьми лампу, отопри им!

Аша открыла дверь. На пороге стоял Бихари.

– Как же это, ботхан? – растерянно воскликнул он. – Я слышал, вы решили не ехать в Бенарес?

Лампа выпала из рук Аши. Словно увидев привидение, она одним духом взбежала на второй этаж и оттуда жалобно крикнула:

– Тетя, припадаю к твоим ногам. Вели ему сейчас же уйти!

– Кому, Чуни, кому? – удивилась Аннапурна, поспешно вставая.

– Бихари-тхакур сюда явился! – Аша бросилась в комнату и заперлась там.

Бихари все слышал. Ему сразу же захотелось убежать куда-нибудь, но когда Аннапурна спустилась вниз, то увидела, что Бихари сидит на ступеньках тут же, у двери. У него не хватило сил уйти.

Аннапурна не принесла с собой лампы и в темноте не видела выражения лица Бихари, он тоже почти не видел ее.

– Бихари! – сказала Аннапурна. Увы, куда делся ее ласковый, согретый любовью голос! Сейчас в нем звучало только суровое осуждение.

О мать Аннапурна, над кем занесла ты свой карающий меч! Ведь несчастный Бихари шел сегодня к тебе во мраке ночи только за тем, чтобы найти утешение у твоих ног!

Бихари вздрогнул, пораженный, словно молнией, укоризненным тоном Аннапурны.

– Не нужно, тетя, не говори мне больше ничего, – поспешно сказал он. – Я уйду.

Он поклонился ей до земли, даже не посмев коснуться ее ног. И как мать приносит в жертву Ганге свое дитя, Аннапурна бросила Бихари в ночную темноту. Она даже не окликнула юношу, когда он ушел. Экипаж Бихари скрылся во мраке.

Этой же ночью Аша написала письмо Мохендро: «Сегодня вечером Бихари-тхакур неожиданно приехал сюда. Когда дядя вернется в Калькутту, неизвестно, поэтому приезжай и поскорее заведи меня отсюда».

Глава 28

Наутро, после сильных волнений минувшего вечера, Мохендро чувствовал какую-то вялость. Была середина месяца пхальгун, начиналась жара. Обычно по утрам Мохендро занимался, но сегодня он, откинувшись на подушки, остался лежать на тахте. Время шло, а он и не думал вставать и идти купаться. По улице, громко зазывая покупателей, проходили торговцы; шум экипажей под окнами не смолкал ни на минуту. Рядом, за забором, только на днях построили новый дом. Жена соседа и ее дочери дружно утрамбовывали крышу и пели. Теплый южный ветер ласкал Мохендро, который чувствовал себя совсем разбитым, и, казалось, восстанавливал его силы. Клятвы, зароки, отчаянные усилия, вражда – все это стало вдруг таким далеким в это нежное, расслабляющее все тело весеннее утро.

– Что с вами сегодня, господин мой? – воскликнула Бинодини, входя в комнату. – Вы не пошли купаться? А завтрак уже готов. О, да он все еще лежит! Плохо себя чувствуете? Голова разболелась? – И, подойдя к тахте, Бинодини положила руку ему на лоб.

Мохендро, полузакрыв глаза, едва слышно произнес:

– Мне нездоровится. Я не пойду купаться...

– Тогда поешьте хоть немного, – сказала Бинодини с трогательной заботливостью.

После завтрака Мохендро снова лег, а Бинодини, присев у его изголовья, принялась осторожно массировать ему голову.

– Милая Песчинка, – не открывая глаз, сказал Мохендро, – ты еще не завтракала, пойдешь.

Но Бинодини не ушла. Жаркое дыхание полдня колебало занавес у окна, и в комнату долетал неясный шепот трепетавшей у ограды листвы пальмы.

Сердце Мохендро закружилось в быстром танце, ритм его становился все стремительнее. И словно в такт ему, от горячего дыхания Бинодини слегка зашевелились волосы на голове Мохендро. Оба молчали. Мохендро стало казаться, что он плывет по бесконечному потоку в беспредельной вселенной. Вот его лодка приближается к берегу – может, кто и войдет в нее, но надолго ли?..

Сидя у изголовья и медленно проводя рукой по лбу Мохендро, Бинодини все ниже и ниже склоняла голову, пока наконец прядь ее волос не коснулась лба Мохендро. От этого нежного прикосновения у Мохендро перехватило дыхание и дрожь пробежала по всему телу. Он порывисто сел на постель и, сказав: «Довольно. Мне нужно идти на занятия», – встал, избегая взгляда Бинодини.

– Не беспокойтесь, я сейчас принесу вашу одежду, – сказала она.

Мохендро отправился в колледж, но и там никак не мог успокоиться. После бесплодных попыток сосредоточиться он вернулся с занятий раньше обычного. Войдя в комнату, он сразу же увидел Бинодини, которая, лежа на тахте, читала какую-то книгу. Ее густые черные волосы были распущены. Казалось, она не слышала шагов Мохендро. Он подошел на цыпочках и остановился. Увлеченная чтением, Бинодини тяжело вздохнула.

– О красавица, – окликнул ее Мохендро, – не трать жар своего сердца на выдуманных героев. Что ты читаешь?

Бинодини испуганно вскочила и торопливо спрятала книгу в складках сари. Мохендро стал отнимать книгу. После долгой борьбы Бинодини наконец уступила. Она сидела отвернувшись, тяжело дыша, и сердито молчала. Мохендро прочел название. Это был роман «Ядовитое дерево».

Сердце Мохендро громко стучало. Наконец он через силу улыбнулся.

– Ну и одурачила же ты меня! – сказал он. – Я-то думал, тут какая-нибудь тайна, а это, оказывается, всего лишь «Ядовитое дерево»!

– Какие же, по-вашему, у меня могут быть тайны?

– Ну, скажем, письмо от Бихари?..

Молния сверкнула в глазах Бинодини. Только что тут резвился бог любви, и теперь его вторично обратили в пепел³⁰. Бинодини стремительно поднялась, – словно пламя взметнулось ввысь. Мохендро схватил ее за руку.

– Прости меня, я пошутил! Прости, пожалуйста! – воскликнул он.

– Пошутили? Над кем? – возмутилась Бинодини и гневно вырвала руку. – Если бы вы хоть были достойны его дружбы, я простила бы вашу шутку. Но вы, ничтожный человек, на дружбу не способны – только и умеете, что насмехаться.

Она повернулась, чтобы уйти, но Мохендро обнял ее ноги.

Вдруг на них упала чья-то тень. Мохендро, вздрогнув, разжал руки, поднял голову и увидел перед собой Бихари.

Юноша уничтожающе посмотрел на обоих и сказал очень спокойно и холодно:

– Вижу, что явился не вовремя, но я сейчас уйду. Мне нужно сказать тебе два слова. Я не знал, что твоя жена в Бенаресе, и поехал туда. Невольно я оказался виноватым перед ней. Но просить прощения у нее самой я не мог, поэтому и пришел к тебе. Если когда-нибудь вольно или невольно я и поддаюсь нехорошим мыслям, то, очень прошу тебя, пусть это не станет причиной неприятностей для нее.

Появление Бихари взорвало Мохендро. Нашел время выказывать свое благородство!

– Ты, я вижу, разыгрываешь простофилю из сказки: признаться – боишься, а не признаться – не можешь, – насмешливо сказал он. – Зачем же тогда просить прощения и изображать из себя святого?

Бихари словно оцепенел. Потом он сделал над собой усилие, губы его зашевелились.

– Бихари-тхакур, умоляю вас, не отвечайте! – воскликнула Бинодини. – Не говорите ничего. Слова этого человека опорочили его самого, вас эта грязь не коснулась!

Трудно было понять, слышал Бихари то, что сказала Бинодини, или не слышал. Как во сне вышел он из комнаты и стал спускаться по лестнице. Бинодини бросилась за ним.

– Бихари-тхакур! – окликнула она юношу. – Неужели вам нечего сказать мне? Ну, отругайте меня, если хотите!

Бихари, ничего не отвечая, продолжал идти. Тогда она забежала вперед и схватила его за руку. С невыразимым презрением Бихари оттолкнул ее и вышел из дома. Он даже не видел, что Бинодини упала, когда он ее толкнул. На шум прибежал Мохендро. Падая, Бинодини в кровь разбила локоть.

– О, у тебя кровь! – воскликнул Мохендро и, оторвав кусок от своей тонкой рубашки, хотел перевязать ей руку.

– Нет, нет! – воскликнула Бинодини. – Не нужно, ничего, пусть течет! Пусть!

– Я перевяжу и смажу лекарством.

Бинодини снова отстранилась.

– Не нужно! Эта боль моя, и я не хочу избавляться от нее!

– Прости меня! Я не сдержался и поставил тебя в неловкое положение...

– За что мне тебя прощать? Ты правильно поступил. Мне все равно, что скажут люди. Неужели мне будет дорог тот, кто оттолкнул меня, а не тот, кто хочет меня удержать?

Опьяненный ее словами, Мохендро воскликнул дрогнувшим голосом:

– Значит, ты не оттолкнешь мою любовь, Бинодини?

– Я буду хранить ее в сердце. Не так много любви доставалось мне в жизни, чтобы отвергнуть ее.

---

³⁰ Только что тут резвился бог любви, и теперь его вторично обратили в пепел – намек на известную легенду о боге любви Камадеве, который был испепелен Шивой за то, что посмел послать в него стрелу любви.

Мохендро схватил Бинодини за руки.

– Тогда пойдем ко мне, – быстро проговорил он, – мы причинили друг другу много огорчений, и теперь я не успокоюсь, пока не исцелю тебя.

– Не сегодня. Пустите меня. Простите, если обидела.

– И ты меня прости, иначе я не буду спать всю ночь.

– Я уже простила.

Мохендро потерял голову. Он тут же захотел получить от Бинодини доказательство ее прощения и любви, но выражение ее лица удержало его. Бинодини ушла. Мохендро медленно поднялся на крышу. Он был счастлив, что освободился от угнетавшей его тайны. Теперь Бихари знает о его любви! Мохендро казалось, что раз все стало известно, то его тайная игра перестала быть позорной. «Я не желаю больше ничего скрывать. Я таился перед самим собой, чтобы не упасть в собственных глазах, – говорил он себе. – Но ведь я люблю ее, люблю, – и это не обман!» Мохендро был так горд своей любовью, что чувствовал даже какую-то радость, ощущая себя грешным человеком. В этот тихий вечер он презрительно бросал вызов небу, повторяя: «Пусть я негодяй, но я люблю!» Образ Бинодини заслонил от него и небо, и землю, и все земные обязанности. Бихари своим приходом словно открыл и опрокинул запечатанную чернильницу его тайных мыслей, и в один миг чернила волос и глаз Бинодини залили все чистые листы и все записи прошлого.

Глава 29

На следующий день, проснувшись, Мохендро почувствовал, что волна нежности захлестнула его сердце. Солнечные лучи, казалось, окрасили в золотистый цвет все его мысли и желания. Как прекрасен мир, какое восхитительное небо! Мохендро чудилось, будто душа его плывет по воздуху, словно цветочная пыльца, подгоняемая ветром.

Нищий-вишнуит³¹, аккомпанируя себе на барабане и цимбалах, затянул под окнами песню. Привратник хотел прогнать его, но Мохендро отругал привратника и бросил певцу рупию.

Слуга, вынося из комнаты керосиновую лампу, уронил ее и разбил. Замирая от страха, он смотрел на молодого хозяина, но тот не стал бранить его, а лишь мягко заметил:

– Подмети и тщательно убери осколки, а то кто-нибудь ногу поранит.

Сегодня ничто не могло огорчить Мохендро.

Занавес поднялся. Любовь, так долго прятавшаяся за кулисами, вышла на сцену. Глазам Мохендро открылся новый мир, исчезли будни с их мелочными заботами. Деревья, звери, птицы, толпы людей на дорогах, шум города – все было исполнено очарования. Где же до сих пор таился этот новый мир?

Мохендро казалось, что сегодня его встреча с Бинодини не будет такой прозаичной, как прежде. Сегодня они должны говорить друг с другом стихами, а чувства свои выражать в песне.

Молодому человеку хотелось, чтобы этот день был столь же прекрасным и удивительным, как чудесная, ничему не подвластная жизнь, о которой рассказывается в арабских сказках; чтобы он был похож и на явь и на сновидение и чтобы в этот единственный день ничто не напоминало о законах общества, долге, грубой действительности!

С самого утра Мохендро взволнованно расхаживал по дому. Он не мог заставить себя пойти в колледж, ведь ни в одном календаре не прочтешь, когда наступит благословенный момент для встречи!

То из кладовой, то из кухни до ушей Мохендро доносился голос Бинодини, хлопотавшей по хозяйству. Влюбленному юноше это было неприятно. В своих мечтах он поместил Бинодини далеко от всех будничных дел.

Время словно остановилось. Мохендро умылся, поел, полуденная тишина воцарилась в доме, а Бинодини все не приходила. Нервы Мохендро были напряжены до предела, горе сменяло радость, нетерпение – надежду.

На постели лежал роман «Ядовитое дерево», который ему с таким трудом удалось вчера отнять у Бинодини. При воспоминании об этом Мохендро почувствовал волнение: он взял подушку, еще хранившую аромат волос Бинодини, положил ее под голову и раскрыл книгу. За чтением Мохендро не заметил, как пробило пять часов.

В комнату вошла Бинодини с мурабадским подносом, уставленным тарелками с фруктами, сладостями и дольками замороженной в сахарном сиропе ароматной дыни.

– Чем вы заняты? – спросила она, ставя поднос перед Мохендро. – Что с вами? Уже пять часов, а вы еще не переоделись.

Ее слова укололи Мохендро. Разве нужно спрашивать, что с ним? Бинодини самой следовало бы это знать. Неужели нынешний день похож на всякий другой? Боясь, что надежды его разлетятся в прах, Мохендро не посмел заявить о правах, которые, как ему казалось, появились у него вчера, и стал есть.

³¹ Вишнуиты – почитатели Вишну, бога-хранителя.

Бинодини проворно сбегала на крышу, там на солнце сушились вещи Мохендро, принесла их и принялась ловко складывать в шкаф.

– Подожди, – заговорил наконец Мохендро. – Я поем и помогу тебе.

– Ради бога, не надо! – взмолилась Бинодини. – Делайте что хотите, только не помогайте мне.

– Ты считаешь меня ни на что не способным? – возмутился Мохендро. – Давай устроим мне экзамен! – И он принялся складывать вещи.

– Оставьте! – воскликнула Бинодини. – Не прибавляйте мне работы.

– Хорошо, укладывай сама. Я буду смотреть, как ты это делаешь, и учиться.

И Мохендро уселся рядом с молодой женщиной на полу.

Бинодини, будто для того, чтобы выбить пыль, хлопала каждой вещью Мохендро по спине, а затем уже аккуратно укладывала ее в шкаф.

Такова была их первая встреча после памятного для Мохендро дня. В ней не было ничего от той необычности, о которой мечтал Мохендро. О такой встрече не сложишь ни поэмы, ни песни, не напишешь романа. Но удивительно, Мохендро не почувствовал разочарования, наоборот, – он даже испытал облегчение. Ведь он понятия не имел, как осуществить свои мечты, как уберечь необыкновенное от обыденности, не знал, как вести себя, что говорить, не представлял, что должен чувствовать.

И вот сейчас, среди шутилой возни, он освободился из-под власти той надуманной встречи, которую нарисовало его воображение.

В комнату вошла Раджлокхи.

– Мохим, – обратилась она к сыну, – Бинодини складывает вещи, а ты что здесь делаешь?

– Вы видите, тетя, – сказала Бинодини, – он только мешает мне!

– Какая неблагодарность! – запротестовал Мохендро. – Я же помогаю!

– О боже! – воскликнула старая женщина. – Оказывается, он помогает! Ты знаешь, милая, я и тетка так избаловали Мохима, что он совсем ничего не умеет.

Раджлокхи устремила полный любви взгляд на своего незадачливого сына. Раджлокхи говорила с Бинодини только об одном – как окружить заботой Мохендро, этого взрослого, но совсем беспомощного баловня материнской любви. Старая женщина была безмерно счастлива, что Бинодини взяла на себя заботу о ее сыне. Радовало ее и то, что Мохендро наконец оценил по достоинству Бинодини и теперь всеми силами стремится удержать ее в доме.

– Дорогая, – сказала Раджлокхи, – теплые вещи Мохима просушены, завтра можешь заняться его новыми носовыми платками. Надо вышить на них метки. С тех пор как ты появилась в доме, дитя мое, я всю работу взвалила на тебя, вместо того чтобы за тобой ухаживать.

– Не говорите так, тетушка, а то я подумаю, что вы считаете меня чужой! – обиженно сказала Бинодини.

– Ну что ты, кто мне родней тебя! – ласково возразила Раджлокхи и, когда Бинодини убрала все вещи в шкаф, добавила: – Если тебе нечего делать, мы можем заняться приготовлением сладостей.

– Конечно, тетя, – с готовностью ответила молодая женщина. – Я свободна, пойдемте.

– Только что, ма, ты каялась, что заставляешь ее работать, и вот опять нашла для нее занятие, – вмешался Мохендро.

Раджлокхи нежно взяла Бинодини за подбородок.

– Наша девочка настоящая Лакшми – она любит трудиться.

– Сегодня у меня свободный вечер, – сказал Мохендро. – Я хотел почтить ей вслух.

– Тетя, а что, если мы вместе с вами придем послушать Мохендро? – предложила Бинодини.

«Бедному Мохиму очень одиноко. Нужно развлечь его», – подумала Раджлокхи и сказала:

– Хорошо, мы приготовим еду для Мохендро, а потом придем послушать его чтение. Что ты на это скажешь, Мохим? – обратилась она к сыну.

Бинодини бросила быстрый взгляд на молодого человека.

Мохендро согласился без особого энтузиазма. И женщины покинули комнату.

«Сейчас же уйду из дома! – злился Мохендро. – Вернусь, когда все уже будут спать».

Он оделся, но так никуда и не ушел. Поднявшись на крышу, он стал нервно ходить взад и вперед, то и дело поглядывая на лестницу, потом вернулся в комнату.

«Не прикоснусь сегодня к сладостям, – негодовал Мохендро. – Пусть мать поймет, что и сироп, если его долго держать на огне, теряет свою сладость».

Когда настало время ужинать, Бинодини пришла вместе с Раджлокхи. Старая женщина страдала астмой и не хотела подниматься наверх, но Бинодини уговорила ее.

Мохендро сидел насупившись.

– Что с вами? – спросила Бинодини. – Почему вы не едите?

– Уж не заболел ли? – забеспокоилась Раджлокхи.

– Может, вы все-таки отведаете сладостей? Мы так старались, – сказала Бинодини. – Но если они не получились, не надо. Нельзя заставить человека есть, когда ему не нравится.

– Ну что вы делаете со мной! – взмолился Мохендро. – Мне очень хочется сладостей, и они мне нравятся, а вы говорите – «не надо»...

И Мохендро съел все до последней крошки. После ужина все трое прошли в его комнату. Но Мохендро словно и не собирался читать им.

– Ты обещал почитать нам, – напомнила Раджлокхи.

– В книге, о которой я говорил, нет ничего о боге, она не понравится тебе.

«Как же так – не понравится?» Раджлокхи готова была с наслаждением слушать любую книгу, какую бы сын ни читал, даже если бы он читал по-турецки.

«Бедный Мохим! – с нежностью подумала она. – Жена уехала, а он тут совсем один. Все, что приятно ему, не может не доставить удовольствия мне, матери!»

– Может, лучше вместо этого романа почитать сборник религиозных наставлений, который лежит в комнате тети? – предложила Бинодини. – Тете это будет приятно, и мы хорошо проведем вечер.

Мохендро жалобно посмотрел на молодую женщину.

В комнату вошла служанка и обратилась к Раджлокхи:

– Пришла госпожа Кхаэт.

Госпожа Кхаэт была близкой приятельницей Раджлокхи.

Нелегко было старой женщине устоять перед искушением поболтать вечером с подругой. Тем не менее она сказала:

– Передай гостье, что я у сына и занята. Пусть она непременно зайдет завтра.

– Зачем же, ма? – поспешно вмешался в разговор Мохендро. – Почему бы тебе не поговорить с ней сегодня?

– Оставайтесь здесь, тетя, – предложила Бинодини, – а я пойду посижу с вашей гостьей.

– Не нужно, милая, – сдалась Раджлокхи. – Я сама пойду, выпровожу ее и вернусь. Вы не ждите меня, начинайте читать.

Как только мать удалилась, Мохендро обернулся к Бинодини, не в силах больше сдерживать себя.

– Неужели тебе доставляет удовольствие так мучить меня? – начал он.

– В чем дело? – с притворным удивлением спросила Бинодини. – Чем я тебя мучаю? Вероятно, моя вина в том, что я пришла сюда. Но я уйду, – печально проговорила молодая женщина, вставая.

– Нет, этой пытки на медленном огне я не вынесу.

– А я и не подозревала, что во мне столько огня, – усмехнулась Бинодини. – У тебя, видно, много терпения! Впрочем, судя по твоему виду, ты не очень страдаешь.

– Разве? – Мохендро с силой прижал руку Бинодини к своей груди.

Бинодини вскрикнула, и он поспешно выпустил руку.

– Я причинил тебе боль?

На руке Бинодини в том месте, где она ее ушибла накануне, показалась кровь.

– Я совсем забыл, что у тебя болит рука, – оправдывался Мохендро. – Прости, пожалуйста. Разреши, я смажу ранку лекарством и забинтую.

– Пустяки! Не надо! – возразила Бинодини.

– Почему?

– Странный вопрос! Я просто не позволю тебе лечить меня!

Мохендро сразу стал серьезным.

«Совершенно невозможно понять женщин!» – подумал он.

Бинодини поднялась. Оскорбленный Мохендро не стал удерживать ее и лишь спросил:

– Ты куда?

Бинодини, сославшись на дела по хозяйству, медленно вышла.

Но уже через минуту Мохендро бросился следом за ней. Однако, дойдя до лестницы, он передумал и, вернувшись на крышу, принялся прогуливаться в полном одиночестве.

Бинодини влекла его, ни на мгновение не давая приблизиться к себе. Мохендро всегда гордился тем, что он неуязвим, но сегодня он принес в жертву и это свое преимущество. Неужели он вынужден будет признать, что, несмотря на все усилия, не способен завоевать сердце женщины? Мохендро потерпел поражение, но, в свою очередь, не одержал победы. Никогда еще Мохендро не был так унижен! Сегодня вся его уверенность развеялась как дым. Он поступился чувством собственного достоинства и ничего не получил взамен. Словно нищий, перед которым захлопнули дверь, стоял он в сумерках с протянутой рукой на дороге.

Каждый год в месяце пхальгун или чойтро Бихари присылали из поместья горчичный мед. Этот мед он отправлял Раджлокхи. Так сделал он и в этом году.

– Бихари прислал мед, тетушка, – сообщила Бинодини.

Раджлокхи велела отнести мед в кладовую.

– Бихари не забывает вас, – заметила Бинодини, вернувшись из кладовой. – Вы ему все равно что мать родная. Ведь он – сирота.

Для Раджлокхи Бихари всегда был только тенью Мохендро, она видела в нем преданного их семье человека, о котором не нужно заботиться и чьи услуги можно принимать безвозмездно. Но слова Бинодини неожиданно тронули сердце Раджлокхи. «А ведь правда, – подумала она, – Бихари относится ко мне как к матери». Она вспомнила, что всегда, когда случалось кому-нибудь заболеть или когда их семью постигало горе, Бихари сам, не дожидаясь зова, появлялся в доме и трогательно ухаживал за ней или помогал. Для Раджлокхи это стало таким же естественным и привычным, как то, что она дышит. Ей и в голову не приходило поблагодарить его. Когда он исчезал надолго, она не справлялась о нем. Если же Аннапурна делала это, Раджлокхи всегда казалось, что та проявляет притворное беспокойство о Бихари, чтобы удержать его под своим влиянием.

– Бихари действительно мне как сын, – вздохнула Раджлокхи. Она подумала, что Бихари делал для нее больше, чем Мохендро. Он всегда с великим почтением относился к их семье, ничего не получая взамен.

– Бихари так любит кушанья, приготовленные вами, – заметила Бинодини.

– Больше всего на свете он любит рыбный суп, сваренный мною, – с гордостью сказала Раджлокхи.

Разговор с Бинодини напомнил ей, что Бихари давно уже не навещал их.

– В чем дело, дорогая? Почему Бихари так давно не показывается у нас? – спросила Раджлокхи.

– Я и сама об этом думала, тетя. Но судите сами, с тех пор как ваш сын женился, он занят только женой. Его друзьям уже нечего делать в доме.

Это замечание показалось Раджлокхи не лишенным смысла. И правда, с тех пор как Мохендро женился, он отдалился от всех, кто любил его. Бихари мог обидеться и поэтому не приходит. Значит, Мохендро обидел не ее одну. Почувствовав еще большую симпатию к молодому человеку, Раджлокхи пустилась в воспоминания о том, как Бихари всегда, еще с детства, самоотверженно помогал Мохендро и сколько страдал по его вине! Говоря о Бихари, она изливала свою обиду на сына. Где же тогда справедливость на земле, если Мохендро ради жены, которую знает совсем недавно, смог забыть своего старого друга!

– Завтра воскресенье. Пригласите Бихари к обеду, – предложила Бинодини. – Он будет очень рад.

– Хорошая мысль, – подхватила Раджлокхи. – Надо позвать Мохендро. Пусть пошлет ему приглашение.

– Нет, тетя, – возразила молодая женщина, – лучше сами пригласите его.

– Я ведь не умею писать, не то что все вы...

– Я напишу за вас.

Бинодини от имени Раджлокхи написала Бихари приглашение.

Мохендро с нетерпением ждал воскресенья. Его фантазия разыгралась после того памятного вечера, хотя до сих пор не случилось ничего, о чем он так мечтал. Воскресная заря показалась влюбленному Мохендро золотисто-медовой. Шум пробуждающегося города восхитительной песней звучал в его ушах.

Но что случилось в доме? Может, мать дала какой-нибудь обет? Сегодня она не отдыхала, как в другие дни, перепоручив все заботы по хозяйству Бинодини. Сегодня она сама хлопотала по дому.

Пробило уже десять часов, а Мохендро так и не удалось, несмотря на все его усилия, хоть на минуту увидеться с Бинодини наедине. Он пытался читать, но чтение не шло ему на ум. Некоторое время он сидел с газетой в руках, уставившись на страницу с объявлениями, наконец не выдержал и спустился на веранду, где на маленькой плите стряпала Раджлокхи. Бинодини, обвязав вокруг талии свободный конец сари, помогала ей.

– Что случилось? – удивился Мохендро. – Почему такая суета?

– Разве Бинодини не сказала тебе? Я пригласила Бихари.

Бихари приглашен! Мохендро вспыхнул.

– Но меня не будет дома, ма! – выпалил он.

– Почему?

– Я должен уйти.

– Пообедаешь, а потом пойдешь. Это займет немного времени.

– Но я уже приглашен в другое место!

– Что же делать, тетя, раз он приглашен, пусть идет, – вмешалась Бинодини, мельком взглянув на Мохендро. – Бихари и без него пообедает.

Но Раджлокхи было трудно примириться с мыслью, что ее сын не отведаст блюд, которые она с таким усердием готовила. Однако чем больше она настаивала, тем упрямее становился Мохендро: у него очень важное свидание, и он никак не может отменить его; нужно было посоветоваться с ним, прежде чем приглашать Бихари...

Рассерженный Мохендро таким образом мстил матери. Радостное оживление Раджлокхи угасло. Она готова была бросить все и уйти к себе.

– Тетя, не волнуйтесь, – вмешалась в разговор Бинодини. – Мохендро только пугает, он никуда не уйдет.

– Нет, дитя, – покачала головой Раджлокхи. – Ты не знаешь Мохима. Он поступит так, как решил.

Но, как выяснилось, Бинодини знала Мохендро лучше матери. Молодой человек догадался, что Бихари пригласили по настоянию Бинодини. Глухая ревность терзала его сердце, и у него не хватало сил уйти. Он не будет знать ни минуты покоя, если не увидит, как будут держать себя Бинодини и Бихари при встрече! И как ни мучительно видеть их вместе, он все равно останется.

Прошло много дней с тех пор, как Бихари последний раз был на женской половине дома. Он с детства хорошо знал эти комнаты; когда-то, еще совсем маленьким мальчиком, он бегал и шалил там; сегодня же он остановился перед знакомой дверью, не решаясь войти. Сердце его учащенно билось, из глаз, казалось, вот-вот брызнут слезы.

Чтобы скрыть волнение, Бихари вошел улыбаясь; он взял прах от ног только что совершившей омовение Раджлокхи, и она благословила его ласковым прикосновением руки. Прежде, когда Бихари бывал здесь часто, он не здоровался так торжественно. Но сегодня он будто возвратился с чужбины после долгой разлуки. Раджлокхи, исполненная глубокой симпатии к юноше, встретила его с большей любовью и сердечностью, чем в былые времена.

– Почему ты так долго не приходил, Бихари? – спросила она. – Я каждый день думала: «Сегодня он непременно придет», – и все напрасно...

– Если бы я бывал у вас часто, – улыбнулся молодой человек, – вы едва ли каждый день ждали бы меня с нетерпением. А где же Мохим?

Раджлокхи помрачнела.

– Его куда-то пригласили.

Сердце Бихари болезненно сжалось. Неужели это конец их дружбы?

– А что вы сегодня приготовили, ма? – спросил Бихари со вздохом, пытаясь отогнать печальные мысли. Он стал перечислять свои самые любимые кушанья.

В дни, когда обед готовила Раджлокхи, Бихари всегда старался делать вид, что у него чрезмерный аппетит, и это неизменно льстило материнскому сердцу хозяйки. Так и сегодня: стоило Бихари проявить интерес к приготовленным блюдам, как Раджлокхи добродушно рассмеялась, ободряя своего прожорливого гостя.

Неожиданно в комнату вошел Мохендро.

– А, Бихари. Как поживаешь? – сухо поздоровался он.

– Это ты, Мохим? – удивилась Раджлокхи. – Ты разве не в гостях?

– Мне удалось отказаться, – ответил Мохендро, пытаясь скрыть замешательство.

Пришла с купанья Бинодини.

Бихари, смутившись, долго не мог вымолвить ни слова. В его памяти еще свежо было воспоминание о том, что произошло между Бинодини и Мохендро.

– Не узнаете? – тихо спросила молодая женщина, подходя к Бихари.

– Нелегко каждого узнать! – многозначительно ответил Бихари.

– Надо быть проницательнее, – тихо сказала Бинодини и объявила: – Тетя, обед готов.

Мохендро и Бихари сели за стол, Бинодини прислуживала. А Раджлокхи смотрела, как едят молодые люди.

Мохендро ел с неохотой и все время следил за Бинодини. Ему казалось, что она с большим удовольствием угощает Бихари: она подкладывала ему лучшие куски под предлогом того, что Бихари гость. Мохендро не мог высказать своего недовольства вслух, а поэтому все больше приходил в ярость.

Когда Бинодини хотела положить на тарелку Бихари редкую в это время года мангровую рыбу с икрой, Бихари запротестовал.

– Нет, нет! Мне не надо! – воскликнул он. – Эту рыбу очень любит Мохим.

– Я не хочу, – заявил оскорбленный Мохендро.

Бинодини не стала его упрашивать и положила рыбу Бихари.

После обеда, когда оба друга собрались уходить, Бинодини быстро подошла к ним.

– Господин Бихари, не уходите, – попросила она. – Пойдемте наверх, посидим немного.

– А вы разве не будете обедать? – спросил молодой человек.

– Нет, ведь сегодня пост.

На губах Бихари заиграла усмешка, полная жестокой иронии, – неужели Бинодини так благочестива, что соблюдает пост?

Молодая женщина заметила эту усмешку, но снесла ее так же покорно, как рану на руке.

– Не уходите, посидите немного, – смиренно попросила она снова.

– Вам, женщинам, все равно! – неожиданно вспыхнул Мохендро. – Есть у человека дело или нет, хочет он или не хочет – сиди. Не понимаю. Это у вас называется предпочтением?

Бинодини громко рассмеялась:

– Бихари, вы только послушайте, что говорит Мохендро-дада. Предпочтение есть предпочтение, словарь не дает иного значения этого слова. И уж кому-кому, а вам-то смысл его с детских лет хорошо знаком, – обернулась она к Мохендро.

– Мне нужно поговорить с тобой, Мохим, – вмешался Бихари и, не простившись с Бинодини, увлек Мохендро за собой.

Оставшись одна, Бинодини долго стояла у железных перил веранды, задумчиво глядя на опустевший сад.

– Неужели кончилась наша дружба? – спросил Бихари, когда друзья вышли на улицу.

В душе Мохендро бушевало пламя, насмешка Бинодини словно молния обожгла его.

– Тебе, конечно, было бы очень удобно, если бы мы помирились, но я не желаю этого. Я не хочу вводить в свою семью чужого человека. Женская половина дома должна оставаться женской половиной.

Бихари ничего не ответил, повернулся и пошел прочь.

«Больше никогда не увижусь с Бинодини», – поклялся мучимый ревностью Мохендро.

Однако вечером он долго нетерпеливо бродил по дому, втайне надеясь встретить ее.

Глава 30

– Тетя, ты вспоминаешь своего мужа? – спросила однажды Аша.

– Мне было одиннадцать лет, когда я овдовела, – ответила Аннапурна. – Я смутно помню его.

– О ком же ты все время думаешь?

Аннапурна слегка улыбнулась.

– О всевышнем, мой муж слился с ним.

– Ты счастлива?

Аннапурна ласково погладила по голове племянницу.

– Разве ты сможешь понять, дитя, что таю я в своем сердце? Это знает лишь оно само да тот, о ком все мои думы.

«А я? – думала Аша. – Знает ли тот, о ком я думаю день и ночь, что творится в моей душе? Я не умею интересно отвечать на его письма, не потому ли он перестал писать мне?»

Уже несколько дней Аша не получала писем от мужа. «Если бы Песчинка была здесь, со мной, – вздыхала она, – она смогла бы описать все, что я чувствую».

Аша не решалась писать сама. Она была уверена, что ее жалкие, неумелые письма не понравятся мужу. Чем больше она старалась, тем безобразнее выходили буквы! Чем лучше она пыталась рассказать в письме, что у нее на сердце, тем хуже у нее это выходило. Если бы можно было ограничиться одной фразой «припадаю к твоим лотосоподобным стопам»³² и подписаться, а Мохендро, словно всеведущий бог, понял бы все, что она хотела этим сказать! Почему всевышний наделил ее умением так сильно любить и лишил дара красноречия!

Вернувшись домой после вечерней молитвы, Аша села у постели Аннапурны и принялась осторожно массировать ей ноги.

– Тетя, вот вы говорите, – нарушила она наконец продолжительное молчание, – что жена обязана почитать мужа, как бога. Но как должна поступать глупая, невежественная женщина, если она даже не знает, как это делать.

Аннапурна долго смотрела на Ашу, потом, вздохнув, сказала:

– Ведь я тоже не так уж умна, милая. Но все же я служу всевышнему.

– Всевышнему ведомо все, что сокрыто в твоей душе, и он доволен этим, – возразила племянница. – Но ведь мужу может не понравиться, как служит ему глупенькая жена.

– Не каждому дано угождать всем, дорогая. Если жена с уважением и любовью ухаживает за мужем и заботится о семье, муж может и не замечать ее стараний, но всевышний всегда их отметит.

Аша промолчала. Она пыталась найти утешение в словах тетки, но не могла согласиться с тем, чтобы муж не замечал ее любви, даже если всевышний и будет благосклонен к ней. Низко опустив голову, она продолжала массировать ноги тетушки.

Аннапурна притянула Ашу к себе и, поцеловав в лоб, заговорила, едва сдерживая слезы:

– Одних поучений мало, Чуни, надо пройти через страдания и горе, тогда ты многое поймешь. И тетка твоя в былые годы вела свои счета с миром. Тогда я, как и ты, считала, что тот, о ком я забочусь, кому поклоняюсь, должен чувствовать себя счастливым. Почему он не милостив ко мне? Почему не замечает моих стараний? Но постепенно я поняла, что напрасно жду этого. И пришел день, когда у меня не стало сил терпеть. Мне показалось, будто все, что я делаю, лишено смысла. В тот день я решила уйти от мира. Теперь же, оглядываясь назад, я вижу, что мои усилия не пропали даром. О дитя мое, тот, кто ведет счет нашей жизни,

³² «Припадаю к твоим лотосоподобным стопам» – одно из широкораспространенных в Бенгалии обращений в письме.

кто является единственным хозяином цен на ее ярмарке, отняв у меня все, завладел моей душой и открыл мне истину. Знай я тогда, что, выполняя свой долг перед семьей, я служу всевышнему и что, посвящая себя ему, я тем самым отдаю свое сердце миру, никто не мог бы причинить мне горя!

Ночью, лежа в постели, Аша долго думала над словами тетки. Она многого не поняла, но ее благоговение перед этой святой женщиной было безгранично. И она решила слепо следовать ее примеру. В темноте Аша, распростершись ниц, почтила того, кто вытеснил из сердца ее тетки весь мир.

– Я еще молода и не знаю тебя, – молилась она, – я знаю только своего мужа! Поэтому не сочти себя оскорбленным. О всевышний, вразуми его принять мое поклонение. Я не смогу жить, если он оттолкнет меня! Я не такая благочестивая, как тетя, и не смогу найти успокоения в лоне твоём.

И Аша еще и еще раз распростерлась ниц.

Близился день, когда дядя Аши должен был возвращаться в Калькутту.

Вечером накануне отъезда Аннапурна позвала племянницу.

– Чуни, девочка моя, – сказала она, – не в моих силах уберечь тебя от горя, несчастий и страданий, которыми полон мир. Но вот тебе мой совет. Какие бы испытания ни выпали на твою долю, держись веры и неуклонно выполняй свой долг.

– Благослови меня, тетя. Пусть так и будет. – И Аша поклонилась, беря прах от ног Аннапурны.

Глава 31

Когда Аша вернулась, Бинодини долго журила ее.

– Неужели за все это время ты не могла написать ни одного письма, дорогая?

– Но ты тоже не писала, Песчинка, – возразила Аша.

– Почему я должна была писать первой? Это следовало сделать тебе.

И Аша, обняв подругу, признала себя виновной.

– Ты же знаешь, сестра, – созналась она, – я не умею хорошо писать. И мне было стыдно, ты ведь такая ученая...

Обиду быстро позабыли, и взаимная привязанность подруг стала еще крепче.

– Ты дни и ночи проводила с мужем, – сказала Бинодини, – и вконец избаловала его. Он не любит, когда рядом с ним никого нет.

– Потому, уезжая, я и просила тебя заботиться о нем, – ответила Аша. – Ты ведь лучше меня знаешь, как ухаживать за ним.

– Днем, когда он уходил в колледж, я чувствовала себя относительно свободной, но по вечерам никакого спасения – то разговаривай с ним, то читай ему вслух, – конца нет его капризам.

– Еще бы! Раз пришлась человеку по душе, терпи!

– Остерегайся, милая. Муж твой иногда заходит так далеко, что мне начинает казаться, будто я и вправду наделена даром очаровывать мужчин!

– Если ты не обладаешь этим даром, кто же тогда сможет очаровать его! – воскликнула Аша. – Если бы я смогла перенять от тебя хоть частицу твоего искусства, я была бы счастлива.

– Зачем? Кого ты хочешь околдовать? Не стремись к этому, не стоит.

– Глупости! – Аша была возмущена до глубины души.

Впервые встретив Ашу по ее приезде из Бенареса, Мохендро сказал:

– Ты прекрасно выглядишь. Приятно пополнела.

Аша смутилась. Этого еще недоставало! Все у глупой Аши не так, как нужно! Она пополнела именно тогда, когда у нее так беспокойно на сердце! Оказывается, она не только не умеет выразить словами муку, терзавшую ее душу, но даже ее внешность свидетельствует обратное.

– А ты как жил здесь без меня? – ласково спросила Аша.

Раньше Мохендро полушутя, полусерьезно непременно ответил бы, что «умирал» без Аши, но теперь он не был расположен шутить, слова замерли на его устах.

– Да так, ничего. Спасибо, – только и сказал он.

Аша внимательно посмотрела на мужа. Он осунулся, побледнел, в глазах лихорадочный блеск, словно какая-то тайная жажда сжигает его. «Мой муж страдает, – с болью подумала молодая женщина, – а я покинула его и уехала в Бенарес. Мохендро похудел, а я прекрасно выгляжу». Аше стало стыдно.

– Как поживает тетя? – не зная что сказать, спросил Мохендро после паузы.

Услышав, что тетя здорова, он не мог придумать, о чем еще говорить.

Рядом валялся обрывок старой газеты. Подняв его, Мохендро принялся рассеянно читать.

«Так долго не виделись, а он ласкового слова не сказал, – задумалась Аша, опустив голову. – Даже не смотрит на меня. Неужели он сердится на то, что я не писала ему? Или он не доволен, что я задержалась в Бенаресе, уступив просьбе тети!»

В крайнем смятении Аша пыталась найти за собой вину, которая вызвала недовольство мужа.

Когда Мохендро, вернувшись из колледжа, сел обедать, в комнате находились только Раджлокхи и Аша, которая, закрывшись покрывалом, стояла, прислонившись к дверям.

– Ты болен, Мохим? – спросила обеспокоенная мать.

– Нет! – В голосе Мохендро звучало раздражение. – Чего это вдруг я буду болеть?

– Почему же ты ничего не ешь?

– Я достаточно съел! – с досадой воскликнул он.

Вечер выдался теплый, и Мохендро, набросив на плечи легкий чадор, вышел на крышу и, как всегда, стал расхаживать взад и вперед. Он надеялся, что Бинодини придет и что сегодня они, как обычно, будут читать вдвоем. Они уже почти кончили «Обитель радости»³³, осталось всего две-три главы. Неужели Бинодини настолько жестока, что лишит его удовольствия услышать конец романа! Но время шло, сумерки сгущались, и Мохендро наконец, отчаявшись, отправился спать.

Когда принарядившаяся смущенная Аша тихо вошла в спальню, муж спал. Аша стояла в нерешительности, не зная, как подойти к нему. Так часто бывает после разлуки. Ашей вновь овладела стыдливость. Она ждала, что муж позовет ее туда, где они расстались. Разве могла она просто так приблизиться к доставившему ей столько радостей ложу? Она долго стояла в дверях, но Мохендро молчал, тогда молодая женщина осторожно направилась к постели. Она готова была провалиться сквозь землю от стыда, когда раздался перезвон ее украшений; Аше казалось, что украшения смеются над ней. С замирающим сердцем она подошла к пологу, защищавшему постель от москитов. Мохендро спал. Аша хотела вспышкой молнии исчезнуть из комнаты и спрятаться где-нибудь подальше.

Стараясь производить как можно меньше шума, она села на постель. Если бы Мохендро действительно спал, он бы непременно проснулся. Но Мохендро даже глаз не открыл, значит, он притворялся. Аша прилегла. Мохендро чувствовал, как вздрагивает жена от беззвучных рыданий, хотя лежал спиной к ней. Собственная жестокость железными тисками сдавила его сердце. Но он не знал, что сказать, как приласкать жену, и в душе проклинал, бранил себя.

«Завтра утром, – думал он, – будет уже невозможно притворяться спящим. Что скажу я Аше, как посмотрю ей в глаза?»

Но ему не пришлось придумывать выход. На рассвете оскорбленная Аша сама покинула спальню, унеся с собой и одежду, и украшения. Она не нашла в себе сил встретиться с мужем взглядом, когда он проснется.

---

³³ «Обитель радости» – исторический роман Бонкимчондро Чоттопадхая.

Глава 32

«В чем дело? – терялась в догадках Аша. – Чем я провинилась?»

Но мысли ее были далеки от истинной причины всех ее печалей. Неискушенная Аша не могла представить себе, что Мохендро влюбился в Бинодини. Ей и в голову не приходило, что так скоро после свадьбы муж ее совершенно изменится, станет совсем не таким, каким был в первые дни их совместной жизни.

С утра Мохендро отправился в колледж. Раньше каждый раз, провожая его, Аша подходила к окну, а Мохендро, садясь в экипаж, прощался с ней взглядом. Это стало у них своего рода традицией. И сегодня, заслышав стук колес, Аша машинально подошла к окну. Мохендро тоже, как обычно, поднял голову и взглянул на окно. В тот же миг он заметил осунувшееся, еще не умытое после сна лицо жены, спутанные волосы, измятое сари и поспешил опустить глаза в книгу, лежавшую у него на коленях. Впервые супруги не обменялись безмолвным, но полным значения взглядом и улыбкой.

Экипаж отъехал. Аша бессильно опустилась на пол. Все на свете было ей немило. Прошло половина одиннадцатого. В деловой жизни Калькутты наступил час прилива – сновали экипажи, трамвай шел за трамваем. И грустная мелодия измученного, окаменевшего от страданий сердца молодой женщины звучала таким диссонансом неумолчному шуму большого города.

Вдруг Аше показалось, что она поняла причину безразличия мужа. «Конечно, – размышляла она, – Мохендро узнал, что Бихари приезжал в Бенарес, и теперь сердится. Но ведь, кроме этого, ничего дурного не случилось! Да и в его приезде я не виновата».

Сердце у Аши неожиданно больно сжалось, – а вдруг Мохендро подозревает, что Бихари поехал в Бенарес ради нее? Может, он думает, что она сговорилась с Бихари? Какой стыд! Как он мог подумать такое! Достаточно и того, что ее имя связывают с именем Бихари. Но если Мохендро заподозрил ее в чем-нибудь, она не переживет. Если существует причина для подозрений, если она в чем-то провинилась, почему прямо не сказать об этом и, проверив, не наказать ее? Почему Мохендро не поговорит с ней обо всем откровенно? Почему избегает Ашу? Неужели в его душу закралось столь ужасное подозрение, что ему даже стыдно признаться ей. Как еще можно объяснить то виноватое выражение, которое последнее время не сходит с лица Мохендро? Однако разгневанный судья не испытывает чувства смущения.

Весь день Мохендро не мог забыть усталого и печального личика Аши. Во время лекций и в перерывах, разговаривая со студентами, он все время видел перед собой стоящую в окне жену, ее полный страдания и тревоги взгляд, спутанные волосы, измятое сари.

После лекций Мохендро долго гулял по берегу Голдигхи³⁴. Уже стемнело, а он все ходил и не мог придумать, как ему держаться с Ашей. Что лучше – жестокая правда или приятный обман? Мохендро даже в голову не приходила мысль отказаться от Бинодини. Жалость к жене и любовь к Бинодини – как совместить эти чувства?

Мохендро пытался убедить себя, что немногих жен любят так, как он любит Ашу. Почему бы ей не быть довольной этим? Бинодини и Аша – в большом сердце Мохендро есть место для обеих! Та чистая любовь, которая связывает его и Бинодини, не может мешать его супружеской жизни с Ашей.

Словно камень свалился с души Мохендро. Бинодини и Аша – он не откажется ни от одной из них и будет словно планета, у которой две луны. Мохендро почувствовал на

³⁴ Голдигхи – пруд в северной части Калькутты.

душе небывалую легкость. Аша не будет больше страдать, – сегодня ночью он будет ласков и нежен с ней. Придя к такому решению, Мохендро быстро зашагал к дому.

Аша не вышла к ужину. Уверенный в том, что жена придет к нему и в эту ночь, Мохендро отправился в спальню. Какие же воспоминания овладели им, пока он ждал ее в безмолвии комнаты? Были то воспоминания о вихре страсти, который он пережил с Ашей после свадьбы? Нет! При восходе солнца свет луны тускнеет, – воспоминания о прошлом померкли и почти стерлись в памяти Мохендро: сияние другой прекрасной молодой женщины затмило и вытеснило из его сердца образ скромной, стыдливой Аши. Мохендро вспомнил, как отнимал у Бинодини «Ядовитое дерево». После захода солнца она приходила сюда читать вслух «Копалокундулу»³⁵, и поздно, когда в доме все уже спали, в застывшей тишине пустынной комнаты продолжал звучать ее голос, исполненный глубокого и сильного чувства. Неожиданно усилием воли она брала себя в руки и бросала книгу. «Я провожу тебя вниз», – говорил Мохендро. Все это всплывало в памяти молодого человека, и дрожь пробегала по его телу. Наступила глубокая ночь, – теперь Мохендро боялся прихода Аши, но она не пришла.

---

³⁵ «Копалокундола» – роман Бонкимчондро Чоттопадхая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.